

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Среднерусский институт управления – филиал**

На правах рукописи

Букреева Татьяна Николаевна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ТЕРРОРИЗМУ И ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ**

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор
Нечаев Дмитрий Николаевич

Орел, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКТОРОВ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ УГРОЗ И ДЕСТРУКЦИЙ	27
1.1 Основные научные школы в исследовании международных систем: концепты международной стабильности.....	27
1.2 Политический процесс и политические деструкции: международный терроризм как дестабилизирующий фактор.....	57
1.3 Научные концепты взаимодействия в формате сотрудничества по обеспечению международной стабильности.....	86
2 РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ И ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: УРОВНИ И ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	113
2.1 Предпосылки взаимодействия России и Китая в борьбе с терроризмом	114
2.2 Сотрудничество России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности в рамках ООН и ШОС	138
2.3 Этапы и уровни взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении стабильности на двусторонней основе.....	169
3 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ.....	199
3.1 Роль стратегий и практик России и Китая в борьбе с международным терроризмом: побуждающие мотивы обмена опытом	200
3.2 Фактор международных структур: совместные меры России и Китая в обеспечении стабильности на глобальном и региональном уровне.....	219
3.3 Новые возможности развития двустороннего сотрудничества России и Китая в борьбе с терроризмом как меры укрепления международной стабильности.....	230
Заключение	242
Список использованных источников	251
Приложение А	296
Приложение Б.....	298
Приложение В.....	301
Приложение Г	302
Приложение Д.....	303
Приложение Е.....	304

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на все усилия межправительственных организаций, проблема терроризма, в том числе международного, и нарушение мировой стабильности остаются серьезными вызовами и угрозами, которые призваны решать национальные государства, группы (союзы) государств, а также международные институты. Биотерроризм, кибертерроризм, активизация религиозного терроризма, военные конфликты, угрозы национальным государствам, исходящие от военных блоков, актуализируют проблематику террористической опасности и международной нестабильности. Такое состояние дел в мировой системе ставит в политическую повестку дня значимость усиленного взаимодействия национальных государств, обладающих международным весом, ресурсами и возможностями. К числу таких государств, оказывающих серьезное воздействие на мировую политику, стоит отнести Российскую Федерацию (РФ) и Китайскую Народную Республику (КНР). В связи с этим исследование взаимодействия России и Китая на международной арене по противодействию терроризму и укреплению международной стабильности имеет особую актуальность.

Во-первых, данная актуальность связана с необходимостью расширения комплекса знаний об основах, обуславливающих схожесть подходов России и Китая к выстраиванию двусторонних отношений и формированию совместных позиций, которые на данном этапе развития международной системы базируются на близких ценностях и общих интересах становления многополярного мира без гегемонии и внешнего давления других стран и групп государств. Исследование моделей и практик взаимодействия с акцентированием внимания на продуктивности сотрудничества (несмотря на наличие условий и факторов соперничества) укрепляет международную стабильность и тяготение значительной части государств к реальному суверенитету, также повышает доверие к внешней

политике России и Китая, что в дальнейшем позволит наращивать и развивать сотрудничество двух стран в новых направлениях.

Во-вторых, мировое научно-экспертное сообщество и широкая общественность должны иметь полное и объективное представление о роли, реальных целях, интересах и результатах деятельности международных акторов (национальных государств, межправительственных организаций) с декларируемыми ими положениями в глобальном публичном пространстве о борьбе с терроризмом и создании условий для поддержания международной стабильности. Проведенный анализ деятельности России и Китая по данным приоритетам взаимодействия двух стран позволяет утверждать, что данные государства на двусторонней и многосторонней основе прилагают серьезные, продуктивные усилия в решении острых и злободневных мировых проблем, а изучение данной деятельности России и Китая позволит выделить позитивный опыт борьбы с политическими деструкциями.

В-третьих, актуальность исследования взаимодействия России и Китая в сфере решения международных проблем интересна тем, что в процессе изучения сотрудничества государств выявляется закономерность приращения ресурсов и возможностей двух стран, явление синергетического эффекта, который усиливают два государства на международной арене. Исследование процессов взаимодействия России и Китая и систематизация информации в данном ракурсе позволят вносить коррективы в проведение внешней политики двух стран.

В-четвертых, взаимодействие России и Китая в предотвращении внутренних и внешних угроз не только отвечает стратегическим интересам развития двух государств, но и становится примером для других стран в Азии, Латинской Америке и Африке. Исследование внешнеполитического эффекта от взаимодействия РФ и КНР в купировании проблем в международной сфере позволяет выбирать развивающимся странам мира оптимальный алгоритм действий во внешней политике.

Географические и хронологические рамки исследования.

Диссертационная работа охватывает период взаимодействия России и Китая с января 1992 года по июнь 2022 года и отражает сотрудничество на территории двух стран, на площадках международных и региональных организаций, в Афганистане, Сирии, Центральной Азии и Африке.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика противодействия терроризму и обеспечения стабильности в современном мире международными акторами, включая Россию и Китай, пока не является системно и основательно исследованной темой. Это касается как зарубежной политической науки, так и отечественной российской политологии. Однако по проблеме противодействия терроризму и обеспечения стабильности субъектов международной политики имеются работы, которые могут служить теоретико-методологической основой диссертационного исследования. Вследствие этого считаем необходимым проанализировать научные работы, имеющие прямое и косвенное отношение к взаимодействию России и Китая на международной арене, и разделить их на пять основных групп.

Первая группа исследований связана с проблемой политических угроз международной стабильности и безопасности, в том числе в ракурсе усилий акторов в противодействии терроризму. Данные аспекты раскрываются в работах зарубежных авторов: Л. Андервуда, П. Вилкинсона, Р. Коллинза, Э. Ноймайера и Т. Плюмпера, Ф. Фукуямы, М. Хардта и А. Негри, Т. Шеллинга, С. Хантингтона, К. Хаусхофера, М. М. Ямамото, Ли Вэя, Ван Ичжоу, Су Жолинь, Ма Юна, Ху Ляньхэ, Чжан Цзиньпина, а также в работах отечественных исследователей: Ю. И. Авдеева, А. Г. Большакова, Л. А. Бураевой, Ю. С. Горбунова, Е. Ионовой, Р. Х. Макуева, А. Е. Михайлова, А. П. Кошкина, Р. Я. Эмануилова и А. Э. Яшлавского,

А. К. Шарапова и др.¹ Эти работы являются основой для понимания истоков политических деструкций и возможностей их преодоления.

Вторая группа исследований отражает анализ международных систем и геополитической ситуации в мире, базируясь на концепте международной стабильности. Это работы западных, российских и китайских политологов по данной проблематике. Важно отметить исследования таких авторов, как Э. Я. Баталов, Б. Бауринг, З. Бжезинский, А. Д. Богатуров, И. М. Бусыгина и

¹Корень всего зла? Терроризм: религия и политика / Под ред. Л. Андервуда. – пер. с англ. А. М. Морозова. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2021. – 184 с.; Wilkinson, P. Terrorism: the international response // The World Today. – 1978. – vol. 34(1). – pp. 5-13. – P.9; Коллинз, Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / Под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 33-60; Neumayer, E., Plümper, T. International Terrorism and the Clash of Civilizations // British Journal of Political Science. – 2009. – № 39 (4). – Pp. 711-734; Фукуяма, Ф. Угасание государственного порядка / Ф. Фукуяма. – пер. с англ. К. М. Королева. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 704 с.; Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва: Культурная революция, 2006. – 559 с.; Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг. – пер. с англ., под ред. Ю. Кузнецова, 2-е изд., испр. – Москва: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 367 с.; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Геополитика: Антология. – Москва: Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 591-628; Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер // Геополитика: Антология. – Москва: Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 256-324; Yamamoto, M. M. Terrorism against Democracy / M. M. Yamamoto. – Maryland: Center for International & Security Studies at Maryland, 2017. – 282 p.; 范娟宋、李伟。当前国际恐怖主义与反恐态势分析 / 范娟宋、李伟 // 中国人民公安大学学报 (社会科学版)。 – 2021年。 – 第2期。 – 1-11 页 (на русс.: Фань Цзюаньсун, Ли Вэй. Анализ текущей ситуации в области международного терроризма и борьбы с терроризмом // Чжунго жэньминь гунъань дасюэ сюэбао. – 2021. – 2. – С. 1-11); 王逸舟。如何界定恐怖主义 / 王逸舟 // 现代国际关系。 – 2001年。 – 第10期。 – 22-24 页 (на русс.: Ван Ичжоу. Как определять терроризм // Современные международные отношения. – 2001. – 10. – С. 22-24); 苏若林。国内危机烈度与冲突对象选择 / 苏若林 // 世界经济与政治。 – 2021年。 – 第8期。 – 5-20 页 (на русс.: Су Жولينь. Интенсивность внутреннего кризиса и выбор объектов конфликта // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. – 2021. – 8. – С. 5-20); 马勇。南亚恐怖主义与反恐合作研究 / 马勇著。 – 北京: 时事出版社, 2018. – 275 页 (на русс.: Ма Юн. Исследование терроризма и антитеррористического сотрудничества в Южной Азии. – Пекин: Изд-во «Шиши чубаньшэ», 2018. – 275 с.); 胡联合。准确把握恐怖主义的基本含义 / 胡联合 // 国际政治研究。 – 2006年。 – 第3期。 – 1-13 页. (на русс.: Ху Ляньхэ. К определению основного значения терроризма // Гоцзи чжэнчжи яньцзю. – 2006. – 3. – С. 1-13); 张金平。当代恐怖主义与反恐怖策略 / 张金平著。 – 北京: 时事出版社, 2019. – 192 页. (на русс.: Чжан Цзиньпин. Современный терроризм и контртеррористическая стратегия. – Пекин: Изд-во «Шиши чубаньшэ», 2019. – 192 с.); Авдеев, Ю. И. Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты. Реформирование России: от мифов к реальности. Т. 1. / Под ред. Г. В. Осипова (руководитель), В. К. Левашова, В. В. Локосова. – Москва: ИСПИ РАН, 2001. – 440 с.; Большаков, А. Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 90-106; Бураева, Л. А. Зарубежный опыт противодействия экстремизму и терроризму в интернет-пространстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 283-285; Горбунов, Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. – Москва: Молодая гвардия, 2008. – 460 с. – С.174; Ионова, Е. Об угрозе терроризма в Центральной Азии // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4 (31). – С.92-113; Макуев, Р. Х. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. – 2007. – №3. – С. 43-49; Михайлов, А. Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект: монография. – Москва: Прометей, 2019. – 120 с., – С. 59-60.; Терроризм в современном мире / Под ред. А. П. Кошкина. – вып. 5. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – 108 с.; Эмануилов, Р. Я., Яшлавский, А. Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – Москва: Мосты культуры, 2011. – 344 с.; Шарапов, А. К. Деструктивная направленность доминирующих функций терроризма в геополитическом процессе // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23, №9. – С. 123-133.

И. Ю. Окунев, Е. А. Еремеева, Н. Ефимов, Б. Тешке, А. В. Торкунов, Т. Д. Маккеун, Б. Кагарлицкий, А. А. Кокошин, Р. Купер, А. С. Маныкин, М. Мастандуно, А. И. Никитин, М. М. Лебедева, Д. Л. Гэддис, З. Маоз, К. Дойч и Д. Сингер, Э.М. Саперстейн, Г. Г. Сондерс, Н. Спикмэн, К. Уолтц, А. И. Уткин, П. А. Цыганков, Т. А. Шаклеина, Дж.Л. ШOFF, Янь Сюэту, Лю Фэн, Чэнь Ци, Янь Шэнъи и др.² Данные работы представляют собой

²Баталов, Э. Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – 621. – С.94–105;Бауринг, Б. Деграция международного правового порядка? Реабилитация права и возможность политики / Б. Бауринг. – пер. с англ. А. Куманькова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 392 с.; Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – пер. с англ. О. Уральской. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 256 с.; Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с.; Бусыгина, И. М., Окунев, И. Ю. Пространственное распределение силы и стратегия государств, или что и как объясняет геополитика / И. М. Бусыгина, И. Ю. Окунев // Политическая география: Современная российская школа: хрестоматия / сост. И. Ю. Окунев, М. Н. Шестакова. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – С. 58-75; Торкунов, А. В. Старые и новые проблемы в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 398-415; Еремеева, С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 360 с.; Ефимов, Н. Стратегическая стабильность в мировой политике: формулы академика Кокошина // Международная жизнь. – 2014. – № 5. – С. 173-183; Тешке, Б. Миф о 1648 году класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – пер. с англ. Д. Кралечкина, 2-е изд. – Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – 416 с.;McKeown, T. J. Hegemonic Stability Theory and 19th Century Tariff Levels in Europe // International Organization. –1983. – vol. 37, no. 1. – Pp. 73–91;Кагарлицкий, Б. Кризис и конфликт / Б. Кагарлицкий // Закат империи США: Кризисы и конфликты, с предисл. Бориса Кагарлицкого. – Москва: МАКС Пресс, 2013. – 250 с. –С. 5-18; Кокошин, А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк / А. А. Кокошин. – изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: ЛЕНАНД, 2008. – 88 с.; Купер, Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / Р. Купер. – пер. с англ. М. Дадяна. – Москва: Московская школа политических исследований, 2010. – 240 с.; Маныкин, А. С., Белоусов, Л. С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 5. – С. 97-117; Sheetz, M. S., Mastanduno M. Debating the Unipolar Moment // International Security. – 1997. – vol. 22, no. 3. – Pp. 168-174; Никитин, А. И. Мировой порядок уходящий и грядущий / Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва: Изд-во «Аспект пресс», 2019. – С.8-29; Лебедева, М. М. Современные глобальные вызовы: содержание и структура / Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва: Издательство «АспектПресс», 2016. – С. 299-313; Gaddis, J. L. The Long Peace: Element of Stability in the Postwar International System // International Security. – 1986. – Vol. 10. N 4. – Pp. 99-142.; Maoz, Z. Peace by Empire? Conflict Outcomes and International Stability, 1816-1976 // Journal of Peace Research. – 1984. – Vol. 21,no. 3. – Pp. 227-241; Deutsch, K. W., Singer J. D. Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. – 1964. – Vol. 16, No. 3. – pp. 390-406; Saperstein, A. M. Alliance Building versus Independent Action: A Nonlinear Modeling Approach to Comparative International Stability // The Journal of Conflict Resolution. – 1992. – Vol.36, no.3. – Pp.518-545; Сондерс, Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформация и изменения / Г. Г. Сонерс. – пер. с англ. И. В. Полянической, под. науч. ред. А. Г. Аксёненко, И. Д. Звягельской. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 382 с.; Спикмэн, Н. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. / Н. Спикмэн, К. Шмитт. – пер. с англ. М. Н. Грачева, Ю. Ю. Коринца. – Москва: Родина, 2022. – 224 с.; Waltz, K. N. Structural Realism after the Cold War // International Security. – 2000. – vol.25, no. 1. – Pp. 5-41;Уткин, А. И. Мировой порядок XXI века. – Москва: Изд-во Эксмо, 2002. – 512 с.; Цыганков, П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С. 25-40; Шаклеина, Т. А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке / Т. А. Шаклеина // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 313-324;Schoff, J. L., Li, B. A Precarious Triangle: U.S.-China Strategic Stability and Japan / J. L. Schoff, B. Lin. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. – 62 p.; 阎学通. 2019 年开启了世界两极格局 / 阎学通// 现代国际

анализ международных систем и мер системной модели, мирового порядка, расклада политических сил в мире, состояния и перспектив поддержания международной стабильности. Вместе с тем анализ имеющихся работ по данной группе не дает комплексности и системности в представлении реальной ситуации в мире, оценки проводимой международной политики, основанной на проблемах, в том числе и на площадках международных и региональных правительственных организаций. Крайне поверхностно и недостаточно объективно представлена и роль международных акторов (групп государств) в обеспечении международной стабильности.

Третья группа научных работ связана с концептом роли государств на международной арене, а также вкладом Российской Федерации и Китайской Народной Республики в преодоление угроз международной стабильности. Это исследования М. Л. Титаренко и В. Е. Петровского, А. О. Виноградова, С. Г. Лузянина, Н. Н. Вавилова, А. В. Гордона, П. Болта и Ш. Кросса, С. Н. Бабурина и М. И. Дзлиева, А. Д. Урсула, А. О. Наумова, Г. Киссинджера, А. А. Кокошина, А. П. Кочеткова, В. А. Литвинова, В. М. Мирошниченко, Р. И. Бальбека, А. А. Богданова, В. Я. Портякова, И. Валлерстайна, Вэй Цзиньшэня, Чжу Юньхэня и др.³ Данные работы дали

关系。— 2020。— 1。— 6-8 页 (на русс. Янь Сюэту. 2019 年发现两极世界 / 杨跃进 // 亚太研究 / 2020。— 1。— С. 6-8); 刘丰. 东亚地区秩序转型: 安全与经济关联的视角 / 刘丰 // 世界经济与政治。— 2016 年。— 第 5 期。— 121-154 页 (на русс.: Лю Фэн. Трансформация восточноазиатского регионального порядка: с точки зрения безопасности и экономических отношений // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. — 2016。— 5。— С. 121-154); 陈琪、刘丰. 中国崛起与世界秩序 / 陈琪、刘丰。— 北京: 社会科学文献出版社, 2011 年版。— 656 页 (на русс.: Чэнь Ци, Лю Фэн. Подъем Китая и мировой порядок / Ци Чэнь, Фэн Лю. — Пекин: Изд-во «Шэхуэй кэсюэ гунсянь чубаньшэ», 2011。— 656 с.); 颜声毅. 当代国际关系 / 颜声毅。— 上海: 复旦大学出版社, 1996 年版。— 第 344 页 (на русс.: Янь Шэнйи. Современные международные отношения / Янь Шэнйи. — Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 1996。— С. 344);

³Титаренко, М. Л., Петровский, В. Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / Институт Дальнего Востока РАН. — Москва: Весь Мир, 2016. — 304 с.; Виноградов, А. О. К вопросу об отражении взглядов китайских националистов в сегодняшних внешнеполитических построениях КНР 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). — Москва: ИДВ РАН, 2019. — 448 с. — С. 220-228; Лузянин, С. Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / Отв. ред. академик В. С. Мясников. Предисл. В. А. Никонов. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2018. — 328 с.; Вавилов, Н. Н. Новая эпоха в Китае: антиамериканский курс Си Цзиньпина и разворот национальным интересам страны / О Дальнем Востоке. Сборник научных трудов / К. А. Фурсов (ред.). 2-е изд. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2022. — 590 с.; Гордон, А. В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм — Традиционализм — Глобализм: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Азии и Африки. — Москва, 2017. — 84 с.; Bolt, P. J., Cross, S. N. China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics. Oxford

диссертанту теоретические и методологические основы для осмысления сущности международной политики, проводимой Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в 1990-е и 2000-е годы, и понимания практических подходов двух государств в реализации внешнеполитического курса.

Особый научный интерес для исследования представляют работы *четвертой группы*, посвященные осмыслению сущности и содержания двустороннего взаимодействия России и Китая по решению международных проблем, включая обеспечение стабильности в мире и противодействие терроризму. Это работы А. Д. Богатурова, С. Ю. Глазьева, А. Ф. Клименко, И. И. Климина, А. В. Любачева, И. А. Алешковского и А. Т. Гаспаршвили, И. И. Арсеньевой, А. Н. Сухаренко и Р. С. Иванова, И. Чжэна, К. Ватанабэ, Р. Лайна и С. Тэлбота, А. Девятова и М. Мартиросяна, А. Ю. Мамычева и Цзоу Л., В. И. Якунина и С. С. Сулакшина, Э. Личжи, У. Дахуэя, Сюй Сянмэй, Ли Юнцюаня, Ли

University Press, 2018. – 336 p.; Бабурин, С. Н., Дзлиев, М. И., Урсул, А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография. – Москва: Магистр: ИНФРМА-М, 2014. – 512 с.; Наумов, А. О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 2020. – 215 с.; Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика / Геополитика: Антология. – Москва: Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 531-568; Кокошин, А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 261 с.; Кочетков, А. П. О геополитических угрозах безопасности России в эпоху глобализации / Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 74-91; Литвинов, В. А. Основы национальной безопасности России. – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 328 с.; Мирошниченко, В. М. Организация управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – Москва: Издательство «Экзамен», 2002. – 256 с.; Бальбек, Р. И. Теоретические подходы к исследованию политической стабильности в условиях изменяющейся реальности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – №4 (том 13). – С. 134-154, С. 144; Богданов, А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука / Под ред. Г. Д. Гловели. Изд. 6-е, испр. и доп. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 680 с.; Портяков, В. Я. Сотрудничество в сфере безопасности между Китаем, Россией и республиками Центральной Азии. – URL: portyakov-2-2016_jun_ru.pdf (ifegas.ru); Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. с англ., вступ. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. – Москва: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.; Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789-1914 / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 496 с.; 韦进深. 决策偏好与国家的国际制度行为研究 / 韦进深. –北京: 世界图书出版有限公司, 2014 年版. –432 页(на русс.: Вэй Цзиньшэнь. Исследование избранных стратегий и международного институционального поведения государств / Вэй Цзиньшэнь. – Пекин: Изд-во «Шицзе тушу чубань юсянь гунсы», 2014. – 432 с.); 朱云汉. 笔谈: 政治思潮与世界政治变迁 // 世界政治研究 / 田野编. –北京: 中国社会科学出版社, 2022 年版. – 168 页(на русс. Чжу Юньхань. Очерк о политических тенденциях и мировых политических изменениях // Исследования мировой политики / отв. ред. Тянь Е. – Пекин: Изд-во «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 2022. – 168 с.).

Синьвэя и Су Чана, Цзян Чжэньцзюня и др.⁴ В рамках уровней двустороннего взаимодействия рассматриваются практические шаги России и Китая по реализации внешнеполитического курса для обеспечения международной стабильности и противодействия террористической угрозе, даются рекомендации по совершенствованию взаимодействия двух стран в международном пространстве.

Пятая группа работ выходит на проблематику функционирования международных и региональных площадок, на которых Россия и Китай

⁴ Богатуров, А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. – Москва: МОНФ; ИСКРАН, 1996. – 246 с.; Богатуров, А. Д., Аверков, В. В. История международных отношений. 1945-2017. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 560 с.; Глазьев, С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия-США-Китай. Семь вариантов обозримого будущего. – Москва: Книжный мир, 2017. – 352с.; Клименко, А. Ф. Национальные интересы России в АТР, их соотношения с интересами других акторов в регионе / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. – Москва: ИДВ РАН, 2013. – С. 28-55; Климмин, И. И. Россия и Китай: политические, экономические, гуманитарные и миграционные отношения (1989-2017): монография. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. – 336 с.; Любачев, А. В. Проблемы противодействия терроризму и обеспечения международной безопасности в постсоветской Центральной Азии // ПОЛИТЭКС. – 2006. – Т.2, № 3. – С. 333–336; Алешковский, И. А., Гаспаршвили, А. Т. Глобальные универсальные ценности как основа российско-китайского взаимодействия//Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А.Н. Чумаков, Ли Хэй. – Москва: Издательство Проспект, 2022. – С. 65-78; Арсеньева, И. И. Российско-китайское приграничье: тенденции и перспективы развития// Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – №2. – с. 18-27; Сухаренко, А. Н., Иванов, Р. С. Российско-китайское сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6, № 2(12). – С. 150–154; Чжэн, И. Российско-китайское сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 2. – С. 290–295; Ватанабэ, К., Лайн, Р., Тэлбот, С. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза /Пер. с англ. яз. Д. Васильев. – Москва: Московская школа политических исследований, 2007. – 256 с.; Девятов, А., Мартиросян, М. Китайский прорыв и уроки для России. – Москва : Вече, 2002. – 400 с.; Мамычев, А. Ю., Цзоу, Л. Направления совершенствования российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия в XXI веке // Мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 14–26; От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. наброски проблемного анализа /Якунин В. И., Сулакшин С. С., Межуев В. М. и др.; Под общей редакцией С. С. Сулакшина. 2-е издание. – Москва: Научный эксперт, 2006. – 175 с; 鄂立志. 中俄边境管理合作中存在的问题与对策研究/ 鄂立志//西伯利亚研究. – 2016. –43 (1) 。 – 54-57 页(на русс.: Э Личжи. Исследование мер противодействия и существующих проблем в китайско-российском приграничном сотрудничестве // Siberian Studies. – 2016. – 43(1); 吴大辉: 中俄不允许世界任由某些国家摆布 // 清华大学社会科学学院网.– URL: <https://www.sss.tsinghua.edu.cn/info/1074/4659.htm> (дата обращения: 25.11.2022) (на русс. У Дахуэй: Китай и Россия не допустят, чтобы мир оказался во власти отдельных стран // Официальный сайт института общественных наук Университета Цинхуа); 徐向梅. 俄罗斯问题研究 2014-2015 / 徐向梅主编. – 北京: 中央编译出版社, 2016 年版. – 260 页(на русс.: Сюй Сянмэй. Российские исследования / отв. ред. Сюй Сянмэй. – Пекин: Изд-во «Чжунъян бянйи чубаньшэ», 2016. – 260 с.);李永全. 中俄建交 70 年:探索大国相处之道 / 李永全// 东北亚论坛. – 2019 年. – 第 5 期. – 100–115 页(на русс.: Ли Юнцюань. 70 лет китайско-российским дипломатическим отношениям: в поисках пути к взаимопониманию великих держав // Дунбэйя луньтань. – 2019. – №5. – С. 100-115); 李昕韡、苏畅. 俄罗斯恐怖主义形势及反恐机制建设 / 李昕韡、苏畅// 现代世界警察. – 2020 年. – 第 4 期. – 53-59 页(на русс.: Ли Синьвэй, Су Чан. Ситуация с терроризмом в России и построение антитеррористического механизма // Сяньдай шицзе цзинча. – 2020. – 4. – С. 53-59); 姜振军. 国家战略对接视阈下中俄合作问题研究 / 振军姜 // 西伯利亚研究. – 2017 年. – 44 第 3 期. – 16-20 页(на русс.: Цзян Чжэньцзюнь. Исследование китайско-российского сотрудничества с точки зрения национальных стратегических контактов // Сиболия яньцзю. – 2017. – 44(3). – С. 16-20. С 16).

взаимодействуют в решении проблем террористической угрозы и обеспечения стабильности: ООН, ШОС, БРИКС, АТЭС, G20 и т. д. Это работы российских и китайских авторов: А. Ю. Баранова, Л. Е. Васильева, Г. И. Грибановой, З. А. Дадабаевой, А. И. Литвинова, С. В. Севастьянова, С. В. Уянаева, Чжао Цзелиня, Цюй Вэньи и Цуй Чжэна, Юй Цзяньхуа, Ван Хуань⁵ и др. Вследствие этого, на наш взгляд, целесообразно иметь полное и системное научное исследование, которое даст понимание сути взаимодействия России и Китая как влиятельных международных акторов, опирающихся на равноправие игроков, отсутствие дискриминации и давления со стороны других участников международных отношений и стремящихся к созданию многополярной системы.

В ходе данной научной работы были изучены диссертации исследователей, занимавшихся сходной проблематикой в области международных отношений и взаимодействия России и Китая на международной арене с целью противодействия террористической угрозе,

⁵ Баранов, А. Ю. Шанхайская организация сотрудничества: долгосрочные перспективы роста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2(16). – С. 150–156; Васильев, Л. Е. Перспективы взаимодействия ШОС с международными региональными организациями в сфере борьбы с терроризмом / Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. – Москва: ИДВ РАН, 2019. – С. 192-207; Грибанова, Г. И. БРИКС и формирование нового мирового порядка глазами западных политологов // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 130-140; Дадабаева, З. А. Россия – Центральная Азия: динамика межгосударственного сотрудничества (приоритеты, потенциал, перспективы) // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16-2. – С. 213–218; Литвинов, А. И. Шанхайская организация сотрудничества – пятнадцать лет успешной работы // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. – № 9. – С. 105–109; Севастьянов, С. В. Усиление влияния Китая в АТР и Евразии как особенность трансформации мирового и регионального порядков // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 117-130; Уянаев, С. В. Структуры ШОС, РИК и БРИКС: возможности и лимиты сетевого взаимодействия / Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. – Москва: ИДВ РАН, 2019. – С. 17-25; Чжао, Ц. Взаимодействие Китая и России в рамках Организации Объединенных наций (ООН) на современном этапе // Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 66-72; 曲文轶、崔铮。中国与转型国家在“一带一路”框架下的合作 / 曲文轶、崔铮。– 北京: 社会科学文献出版社, 2018 年版。– 263 页 (на русс.: Цюй Вэньи, Цуй Чжэн. Сотрудничество между Китаем и странами с переходной экономикой в рамках «Пояса и пути». – Пекин: Изд-во «Шэхуэй кэсюэ гунсянь чубаньшэ», 2018. – 263 с.); 余建华。上海合作组织非传统安全研究 / 余建华。– 上海: 上海社会科学院出版社, 2009 年版。– 278 页 (на русс.: Юй Цзяньхуа. Исследование нетрадиционных угроз безопасности в рамках ШОС – Шанхай: Изд-во «Шанхай шэхуэй кэсюэюань чубаньшэ», 2009. – 278 с.); 王欢。上海合作组织框架下的中俄反恐合作研究: 硕士学位论文 / 王欢; 黑龙江大学。– 哈尔滨, 2017 年。– 159 页 (на русс.: Ван Хуань. Исследование китайско-российского антитеррористического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества: диссертация на соискание ученой степени / Ван Хуань; Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2017. – 159 с.).

обеспечения международной стабильности и безопасности, разрешения этнических конфликтов. К числу таких работ относятся диссертации следующих китайских и российских исследователей: Ли Дэшуня, Чжан Лицюань, Цзян Чжэньцзюня, Кун Цяюй, Чжэн Жуньюй, Чашина В.В. и др.⁶ В рассмотренных работах авторы опираются на нормативную базу и статистические данные, актуальные для хронологических рамок на момент проведения ими исследований, однако в последнее десятилетие международная обстановка претерпевает значительную трансформацию, что оказывает существенное влияние на направления и формы взаимодействия. Таким образом, работы вышеперечисленных авторов являются ценными, прежде всего, в историческом аспекте.

Объектом диссертационного исследования является внешняя политика Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающая широкое взаимодействие сторон в направлении противодействия терроризму, обеспечения международной стабильности и выстраивания нового, более справедливого миропорядка.

Предметом исследования выступают содержание, площадки, формы и механизмы взаимодействия России и Китая в сфере принятия мер по противодействию терроризму и обеспечению международной стабильности,

⁶ 李德顺。战略稳定性中的相互依赖因素：政治学博士学位论文 / 李德顺；清华大学。—北京，2012。—175 页（на русс.：Ли Дэшунь。Факторы взаимозависимости стратегической стабильности：диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Ли Дэшунь；Университет Цинхуа。—Пекин，2012。—175 с.）；张丽娟。地缘政治视野下中亚民族问题对中国新疆民族关系的影响：政治学博士学位论文 / 张丽娟；中央民族大学。—北京，2011 年。—159 页（на русс.：Чжан Лицюань。Влияние этнических проблем в Центральной Азии на этнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая с точки зрения геополитики：диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Чжан Лицюань；Центральный университет национальностей。—Пекин，2011。—159 с.）；姜振军。俄罗斯国家安全问题研究：博士学位论文 / 姜振军；黑龙江大学。—哈尔滨，2008 年。—366 页（на русс.：Цзян Чжэньцзюнь。Исследование вопросов национальной безопасности России：диссертация на соискание ученой степени доктора наук / Цзян Чжэньцзюнь；Хэйлунцзянский университет。—Харбин，2008。—366 с.）；Кун, Цяюй。Борьба с международным терроризмом в современном политическом и политологическом дискурсе России, КНР и США：Дис. ... канд. полит. наук：23.00.04 — Санкт-Петербург, 2014。—178 с.；Чжэн, Жуньюй。Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом в рамках ШОС：автореферат дис. ... канд. полит. наук：23.00.04 / Чжэн Жуньюй。—Москва, 2008。—26 с.；Чашин, В.В. Межгосударственное сотрудничество РФ и КНР в борьбе с международным терроризмом：региональный аспект：автореферат дис. ... канд. полит. наук：23.00.02 / Чашин Виктор Владимирович。—Чита, 2008。—24 с.

оказывающих продуктивное воздействие на безопасность мировой системы и становление ее многополярности.

Научная задача. На основе проведенного исследования взаимодействия России и Китая в борьбе с терроризмом на двусторонней и многосторонней основе и обеспечении международной стабильности необходимо сформулировать научные и практические выводы относительно оптимальных стратегий, практик, механизмов и инструментов внешней политики двух стран для ответов на вызовы и угрозы международному порядку. Кроме того, значимым является выявление конструктивных моделей сотрудничества двух стран для последующей их проработки с целью практической реализации на международной арене.

Цель и задачи исследования. *Цель* диссертационной работы состоит в выяснении причин, обуславливающих стратегическое взаимодействие России и Китая, объяснении важности сотрудничества двух стран в сфере борьбы с терроризмом и укреплении международной стабильности в двустороннем и многостороннем форматах, являющихся основой становления более справедливого миропорядка, а также в выявлении позитивного опыта, успешных практик, эффективных механизмов и инструментов сотрудничества двух стран в смягчении остроты общенациональных и международных проблем. Опыт взаимодействия России и Китая является положительным примером противодействия международным угрозам для других национальных государств и может выступать в качестве апробированной практики для дальнейшего масштабирования на международном уровне.

Для достижения цели были поставлены и решены следующие *задачи*:

- 1) уточнить универсальное понятие международной стабильности как динамического состояния международной системы, обладающей комплексом свойств и факторов текущего положения и тенденциями развития;

2) охарактеризовать феномен терроризма, учитывая трансформацию террористической деятельности, характера нанесенного ущерба и субъекта насильственных действий;

3) сопоставить основные концепции взаимодействия акторов мировой политики в области обеспечения международной стабильности по критериям характера, мотивов и механизмов сотрудничества, а также выявить линию поведения России и Китая в рамках теории гибкого реализма;

4) уточнить социально-экономические и политические факторы, обуславливающие необходимость взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности;

5) выяснить принципы функционирования основных мировых площадок, механизмов и технологий борьбы с терроризмом и обеспечения мирового порядка, определить уровни взаимодействия заинтересованных акторов и направления такого взаимодействия на глобальном и региональных уровнях;

6) определить содержание и хронологические рамки этапов, которые прошло в своем развитии двустороннее взаимодействие России и Китая в противодействии международному терроризму, а также установить уровни этого взаимодействия, его виды и формы;

7) уточнить мотивы, побуждающие стороны осуществлять активный обмен опытом, выявить перспективы сотрудничества двух стран в преодолении деструктивных последствий терроризма и определить векторы совершенствования взаимодействия;

8) выявить причины и факторы, обуславливающие использование Россией и Китаем глобальных и региональных площадок, а также определить совместные меры противодействия терроризму в рамках международных организаций;

9) выяснить обстоятельства и факторы, обуславливающие изменения в структуре и содержании российско-китайского взаимодействия.

В ракурсе гипотезы представленного исследования диссертант рассматривает предположение о том, что взаимодействие России и Китая в борьбе с терроризмом и обеспечении международной стабильности является не только системой, площадкой и институтом в процессе преодоления рисков, угроз и деструкций, но и оптимумом в усилении друг друга на международной арене. Данный интеракционизм РФ и КНР демонстрирует потенциал конструктивного сотрудничества суверенных государств, а результативность принимаемых мер становится примером для других стран. Более того, взаимодействие России и Китая демонстрирует приоритетность модели сотрудничества вместо конфликтной деструкции, повышает шансы на формирование более справедливого многополярного миропорядка.

Теоретико-методологическая основа. Теоретическая основа диссертационного исследования базируется на ключевых научных концептах зарубежных и отечественных авторов в области теории международных отношений, сотрудничества национальных государств, мирового порядка и геополитики, феноменов терроризма и международной стабильности. Методологический фундамент диссертационного исследования составляет междисциплинарный подход с опорой на основные положения и методы структурного реализма (неореализма), либерализма (неолиберализма), конструктивизма. Методология диссертационной работы детерминирована комплексом методов научных исследований, включая методы индукции и дедукции для уточнения и определения понятий международной стабильности и терроризма, сравнительный анализ подходов теоретических школ международных отношений к межгосударственному сотрудничеству, статистический анализ для обоснования целесообразности взаимодействия России и Китая по вопросам противодействия международному терроризму, методы обобщения и синтеза информации по двустороннему взаимодействию России и Китая на различных уровнях. В рамках диссертационного

исследования применялся ивент-анализ мероприятий и проектов России и Китая на площадках ООН и ШОС, SWOT-анализ развития сотрудничества между Россией и Китаем в сфере борьбы с международными террористическими организациями, SWOT-анализ формирования эпистемического сообщества в рамках развития двустороннего сотрудничества по поддержанию международной стабильности, а также модели теории игр («охота на оленя» для России и Китая в рамках противодействия терроризму внутри страны и «модель заключенного» по сотрудничеству России и Китая в противодействии международному терроризму).

Эмпирическая база диссертационного исследования опирается на разноплановые источники, которые логично разделены на ряд групп. Первая группа источников – это национальные законодательные и доктринальные документы (стратегии и концепции) Российской Федерации и Китайской Народной Республики, направленные на преодоление внутренних и внешних угроз (сепаратизма и терроризма) и регулирующие внешнеполитическую деятельность государств на мировой арене. К этой группе источников также относятся двусторонние межведомственные соглашения и материалы заседаний Национального антитеррористического комитета России и Международных совещаний руководителей правоохранительных органов и спецслужб. Данные источники служат практическим фундаментом для понимания сущности терроризма и принципов осуществления международного сотрудничества, закрепленных в национальных законодательствах и двусторонних соглашениях.

Вторая группа источников – это официальные документы и материалы международных организаций (ООН, ШОС, ФАТФ) по внешнеполитической проблематике в контексте борьбы с терроризмом, определяющие формы и механизмы взаимодействия сторон, а также принципы и направления многостороннего антитеррористического сотрудничества, что позволило проанализировать вклад России и Китая в

контртеррористическую деятельность на глобальном и региональном уровне.

Третья группа эмпирической информации включает в себя аналитические материалы научно-исследовательских институтов, неправительственных организаций, экспертных и аналитических центров (РСМД, ИКСА РАН, АОН КНР, Institute for Economics and Peace, NBR, Clingendael), занимающихся исследованиями в области международных отношений. Информация из данных источников дала возможность изучить прогнозы по проблематике глобальной и региональной безопасности и стабильности, а также направления взаимодействия акторов мировой политики, в том числе России и Китая в сфере преодоления террористической угрозы.

Четвертая группа эмпирической информации, с одной стороны, представлена материалами российских и китайских государственных средств массовой информации (ТАСС, Известия, РИА Новости, Коммерсантъ, China Daily, Huanqiu, Global Times), с другой стороны, крупнейшими международными информационными агентствами (The New York Times, Foreign Policy, Nikkei Asia). Данные эмпирические источники позволяют всесторонне проследить актуальную информационную повестку по проблематике международной стабильности и терроризму, а также изучить позиции лидеров общественного мнения по отношению к взаимодействию России и Китая в области противодействия терроризму на площадках международных организаций. Данная группа источников позволяет своевременно отслеживать изменения в международном политическом процессе при выработке и реализации государственной политики России и Китая в сфере борьбы с терроризмом и обеспечении международной стабильности.

Пятая группа эмпирической информации базируется на материалах, представленных на официальных сайтах государственных органов, непосредственно участвующих во внешнеполитической деятельности

России и Китая, Министерства иностранных дел РФ, Министерства иностранных дел КНР, Посольства России в Китае, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также сетевом ресурсе Президента РФ В. В. Путина, что позволило проследить динамику двусторонних контактов, а также выявить круг проблем, обсуждаемых в рамках взаимодействия по обеспечению международной стабильности.

Область диссертационного исследования соответствует п. 7 Паспорта специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. **Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности.** Военная сила в международных отношениях. **Международный терроризм и борьба с ним.** Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Уточнено универсальное понятие международной стабильности как динамического состояния международной системы, обладающей комплексом свойств и факторов текущего положения и тенденциями развития, позволяющими определять состояние стабильности на разных исторических этапах и выявлять направления корректирующего воздействия.

2. Выделен репутационный ущерб в качестве издержки от террористических действий со стороны физических лиц, в том числе при поддержке государства, с целью извлечения политических выгод, что в дальнейшем позволит учитывать неявные и долгосрочные последствия от данного характера ущерба при определении ответственности за конкретный акт террора.

3. Сопоставлены основные концепции взаимодействия акторов мировой политики в области обеспечения международной стабильности по критериям характера, мотивов и механизмов сотрудничества, а также

выявлена линия поведения России и Китая в рамках теории гибкого реализма.

4. Уточнены социально-экономические и политические факторы, обуславливающие необходимость взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности.

5. Выяснены принципы функционирования основных мировых площадок, механизмов и технологий борьбы с терроризмом и обеспечения мирового порядка, определении уровней взаимодействия заинтересованных акторов и направлений такого взаимодействия на мировом и региональных уровнях.

6. Определено содержание и хронологические рамки этапов, которые прошло в своем развитии двустороннее взаимодействие России и Китая в противодействии международному терроризму, а также установлены уровни этого взаимодействия, его виды и формы.

7. Уточнены мотивы, побуждающие стороны осуществлять активный обмен опытом, выявлены перспективы сотрудничества двух стран в преодолении деструктивных последствий терроризма и определены векторы совершенствования взаимодействия.

8. Выявлены причины и факторы, обуславливающие использование Россией и Китаем глобальных и региональных площадок, а также определены совместные меры противодействия терроризму в рамках международных организаций.

9. Выявлены обстоятельства и факторы, обуславливающие изменения в структуре и содержании российско-китайского взаимодействия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Научную дефиницию международной стабильности логично рассматривать как ориентир в деятельности на международной арене национальных государств, включая Россию и Китай. Международная стабильность, на которую активно влияют оба государства, представляет собой динамическое состояние международной системы, которая

характеризуется комплексом свойств и факторов текущего положения и тенденциями развития, что обеспечивает возможность своевременного и эффективного управления переменными параметрами системы. Одним из наиболее важных переменных параметров динамики международной системы являются реальные и потенциальные угрозы, в этом случае угрозы выступают как дестабилизирующие факторы, прямое или косвенное воздействие которых способно вывести систему из состояния динамического равновесия, то есть нарушить международную стабильность. Россия и Китай прилагают серьезные усилия по совершенствованию механизмов поддержания международной стабильности. Приоритетное положение среди механизмов, обеспечивающих поддержание стабильности в рамках системы и ее подсистем различного уровня, принадлежит международным институтам, крупнейшим из которых является Совет Безопасности ООН (СБ ООН).

2. Терроризм рассматривается как применение или угроза применения насильственных действий, нанесение материального, морального, а также репутационного ущерба со стороны физических лиц, в том числе при поддержке государства, с целью извлечения политических выгод в идеологическом, организационном и правовом аспектах, дестабилизации систем национальной и общественной безопасности или подталкиванию государственных администраций либо организаций международной сферы деятельности к принятию каких-либо решений, совершению какого-либо действия или, напротив, отказа от последних. Дискредитация государства дипломатическими средствами, включающими агрессивные заявления со стороны глав государств или представителей международных организаций и создающими атмосферу не только нестабильности среди населения атакуемого государства, но и страха и неприятия со стороны других государств, позволяет говорить о формировании «дипломатического» терроризма.

3. Взаимодействие между Россией и Китаем в области обеспечения стабильности и противодействия терроризму на современном этапе осуществляется в формате сотрудничества, отвечающего основным тезисам гибкого реализма: соответствие внешнеполитическим мотивам обеспечения безопасности, получения выгоды и поддержания статуса военных держав, используя экономические механизмы и стратегическое политическое партнерство, в том числе с позиции лидерства в функционировании международных региональных организаций. Комплекс решений и дипломатических действий России и Китая приводит к расширению взаимодействия стран во внешнеполитической и экономической сферах, увеличению потенциала двустороннего сотрудничества, а также снижению остроты политических деструкций. В этом случае дипломатия рассматривается как инструмент реализации межгосударственных отношений, направленных на создание предпочтительных условий для страны во внешней политике, международной торговле, а также в сфере стратегической безопасности, включая противодействие международному терроризму.

4. Взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности обусловлено рядом социально-экономических и политических факторов, основными из которых являются:

- соседствующее положение государств и взаимовыгодные внешнеторговые отношения;
- геополитическое и геоэкономическое положение двух стран, в территориальных рамках которых сконцентрированы интересы, ресурсы, потенциал и коммуникации для многих международных акторов;
- наличие схожих проблем в рамках противодействия международным террористическим организациям исламского (мусульманского) толка;

– наличие опыта, стратегий и практик противодействия политическому терроризму и сепаратизму, а также усилий для поддержания международной стабильности.

5. На глобальном и региональном уровнях взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности происходит на крупнейших мировых площадках ООН и ШОС. Правительства двух стран осуществляют взаимодействие при помощи определенных механизмов и технологий борьбы с терроризмом. Являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН), Россия и Китай посредством разработки и осуществления резолюций СБ ООН по борьбе с терроризмом вносят ощутимый вклад в управление глобальной безопасностью и обеспечение международной стабильности, а также принимают участие в международных миротворческих операциях ⁷, проектах Контртеррористического центра ООН (КТЦ ООН) и программах по оказанию международной гуманитарной помощи. Россия и Китай выступают организаторами и источниками финансирования, обе страны являются активными участниками работы Контртеррористического управления (КТУ) и Контртеррористического центра (КТЦ), где реализуется ряд инновационных антитеррористических проектов, специализирующихся на борьбе с финансированием терроризма, усилением миграционного контроля, выявлением перемещения террористов и др. Важной площадкой противодействия терроризму и обеспечения международной стабильности, на которой активно работают КНР и РФ, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Главной территорией ответственности стран, входящих в ШОС, является Центральная Азия и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. За годы существования ШОС при участии России и Китая была разработана обширная договорная база сотрудничества,

⁷ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 137-150.

включающая более 15 договоров, деклараций и других документов, касающихся борьбы с терроризмом и экстремизмом⁸.

6. В диссертационном исследовании представлена авторская периодизация этапов и уровней контртеррористического взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на двусторонней основе. Совместная антитеррористическая деятельность двух стран имеет четыре этапа:

- 1) подготовительный этап – 1991–2000 гг.
- 2) фундаментальный этап – 2000–2003 гг.
- 3) конструктивный этап – 2003–2008 гг.
- 4) результирующий этап – 2008 – по настоящее время.

Уровни двустороннего взаимодействия России и Китая включают межгосударственный уровень (руководители государств и национальных правительств), межведомственный уровень (руководители отдельных ведомств в органах федеральной власти: федеральные министерства, службы и т. п., например, ФСБ России, Минпромторг России, Россельхознадзор, Главное таможенное управление КНР и т. д.) и приграничный уровень (руководители приграничных регионов, а также региональных министерств, комитетов, отделов).

7. Развитие взаимодействия России и Китая в сфере противодействия террористической деятельности мотивировано рядом угроз и вызовов международного характера, трансформирующихся вслед за изменениями международной ситуации. Обе страны имеют схожие возможности в самостоятельном решении проблем терроризма внутри страны, реализуя индивидуальные стратегии, однако международные аспекты террористической деятельности диктуют необходимость совершенствования межгосударственного сотрудничества и повышения эффективности обмена позитивным и негативным опытом двух стран в

⁸ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 137-150.

преодолении деструктивных последствий терроризма и стимулировании социально-экономического развития проблемных территорий с этнорелигиозной спецификой. Такое взаимодействие России и Китая базируется на концепции о том, что апробированные совместные практики государств-партнеров являются не менее эффективными, чем односторонний подход в преодолении деструкций. Таким образом, необходимо отметить позитивный эффект изучения индивидуальных стратегий для формирования комплексной стратегии взаимодействия двух стран на двусторонней и многосторонней основе.

8. Расширение географии деятельности МТО, использование широкого круга инструментов транснационального характера, миграционные потоки глобального значения обуславливают необходимость совместного противостояния терроризму в рамках организации глобального уровня – ООН, где наблюдается близость подходов России и Китая к международным проблемам. С целью укрепления ключевой роли ООН на мировой арене странам целесообразно совместно продвигать идею реформирования организации, рассматривая ее в качестве механизма глобального управления, миссия которого заключается в обеспечении стабильности и благополучия населения всех государств путем наращивания потенциала своевременного реагирования на транснациональные угрозы, включая международный терроризм. Учитывая растущее геополитическое значение Центральной Азии, регулярное сопряжение в этом регионе терроризма с внутренними конфликтами, а также непосредственную территориальную близость к России и Китаю и пересекающиеся интересы двух стран в регионе, ШОС становится приоритетной площадкой российско-китайского регионального взаимодействия, в рамках которой необходимо дальнейшее совершенствование контртеррористических мер.

9. Политическое взаимодействие России и Китая определяется внешнеполитическими факторами, зачастую негативного характера,

влияющими на стабильность международной системы. Появление новых факторов обуславливает содержательные, а иногда и структурные изменения в рамках двустороннего взаимодействия, направленные на выстраивание сотрудничества с долгосрочным прогнозированием развития социально-экономических и политических систем двух стран в свете террористической угрозы. Основное направление перспектив развития различных систем (экономических, политических, социальных, технических и т. д.) в аспекте антитеррористической деятельности заключается в формировании комплекса превентивных мер с высоким горизонтом прогнозирования (20-50-100 лет), что послужит фундаментом для формирования системы разработки долгосрочных упреждающих мероприятий.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена функциональными возможностями предложенных направлений развития понятий «международная стабильность» и «терроризм». В первом понятии подчеркивается сущность международной стабильности как динамического состояния международной системы, выделены параметры этого состояния, позволяющие определять уровень стабильности и направления корректирующего воздействия на разных исторических этапах. Определение терроризма учитывает расширение спектра задач террористической деятельности, в том числе ее нацеленность на нанесение ущерба политической репутации, а также выделяет в качестве субъекта террористических действий физическое лицо, действующее при поддержке государства (совокупный субъект), позволяет учитывать неявные и долгосрочные последствия от данного характера ущерба при определении ответственности за конкретный акт террора.

Практическая значимость исследования состоит в разработке выводов и рекомендаций по совершенствованию внутренней и внешней политики двух государств, продвижению взаимодействия России и Китая в

противодействию терроризму на территориях с отличной этнорелигиозной спецификой. Ключевые положения диссертационной работы автора целесообразно использовать при подготовке чтения дисциплин, связанных с внутренней и внешней политикой государств, геополитикой, международной безопасностью и дипломатией.

Апробация и внедрение результатов. Ключевые выводы и положения диссертационного исследования представлены соискателем в рамках участия в научных конференциях (международных, российских, межрегиональных): международной научно-практической конференции «Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты» (г. Орел, 2020 г.), II международной конференции «Современная культура и коммуникации» (секция «Терроризм и территория») (г. Санкт-Петербург, 2020 г.), всероссийской научно-практической конференции «Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления» (г. Курск, 2019). Базовые положения диссертационного исследования были отражены в научных работах соискателя. По теме диссертационной работы соискателем опубликовано 12 научных статей, в том числе в рецензируемых научных изданиях ВАК при Минобрнауки РФ.

Объем и структура диссертации. Предложенная диссертантом тема, цели и задачи диссертации определили структуру исследовательской работы, состоящей из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКТОРОВ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ УГРОЗ И ДЕСТРУКЦИЙ

Складывающиеся в современных условиях международные отношения характеризуются серьезными противоречиями, конфликтностью и драматизмом между ключевыми акторами: США и Россией, Китаем и США. Данные политические тренды позволяют научному и экспертному сообществу делать выводы о воссоздании феномена «холодной войны» с использованием акторами глобальных экономических санкций и контрсанкций, таргетировании основ международной стабильности. Вместе с тем Российская Федерация (РФ) и Китайская Народная Республика (КНР) в течение трех десятилетий выступают за многополярность международной системы, новый мировой порядок, базирующийся не только на международном праве и равной безопасности, но и на взаимодействии сторон в противодействии международным угрозам, включая борьбу с терроризмом на двусторонней и многосторонней основе.

1.1 Основные научные школы в исследовании международных систем: концепты международной стабильности

Исследуя взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности, нужно иметь в виду следующее: с одной стороны, эти взаимодействия могут быть объективно изучены лишь в рамках основных теоретических школ международных отношений, с другой стороны, взаимодействие России и Китая дает большой эмпирический материал для серьезных теоретических обобщений и их внесения в дискурс политической науки. Стоит также подчеркнуть, что Россия и Китай, как ключевые государства в системе международных отношений, являются неким образцом стран, обладающих

суверенитетом и ценностями, определяющими поведение этих акторов на международной арене, а также содержательными характеристиками международной деятельности и дипломатии. Более того, как полагает профессор политологии из Швеции К. Гоулдманн, именно национальные государства (Россия и КНР в их числе) являются основным компонентом всего «международного», ведь без национальных государств и их взаимодействий не может быть системы международных отношений⁹.

Рассматривая взаимодействие России и Китая в исследуемых областях, считаем важным провести анализ следующих научных концептов: 1) международных отношений, 2) системы, международных систем, 3) международной стабильности, 4) мирового порядка, 5) феномена терроризма, 6) взаимодействия в формате сотрудничества. Кроме того, важно, чтобы эти концепты были операционализируемы через призму теоретических школ в международных исследованиях. В таком русле исследования выводы и рекомендации автора могут считаться верифицированными.

Важным компонентом международных отношений в понимании взаимодействия России и Китая является научная школа реализма и неореализма, к представителям которой относятся нижеперечисленные зарубежные и отечественные исследователи: западные специалисты Г. Моргентау, Р. Коллинз, К. Уолтц, китайские политологи Янь Сюэту, У Дахуэй, Цзинь Цаньжун и др., а также российские ученые А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров, В. А. Никонов и др. В основе теорий данной научной школы лежат две ключевые идеи. Суть одной из них состоит в том, что в сфере международных отношений нет присутствия некоей центральной власти, которая распространяет свои решения на национальные государства. Другая идея предполагает, что основой международного взаимодействия

⁹Гоулдманн, К. Международные отношения: общие проблемы / Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой, под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е. Б. Шестопа. – Москва : Вече, 1999. – С.387-409, С.389.

конкретных государств является фактор интереса, который сконцентрирован в категориях «силы» или «власти»¹⁰.

Профессор политологии из США Р. Коллинз в рамках теории неореализма с точки зрения «силы» обращает внимание на принадлежность государств к типам аграрных или индустриальных политий, а также на наличие современных технологий¹¹, позволяющих конкретным странам более основательно играть роли в геополитическом противостоянии. В рамках научного подхода неореализма отечественный политолог А. А. Кокошин наравне с экономическим и военным потенциалом политий особое внимание обращает на наличие у национальных государств реального суверенитета¹², который может служить базовой основой реализации собственных интересов. В этом отношении в период 2000-х годов и Россия, и Китай усилили свой суверенитет, обеспечивая национальную безопасность.

Либеральная (неолиберальная) школа в международных отношениях берет свое начало в научных трудах Д. Локка, А. Смита, Л. Мизеса (доктрина, основанная на поведении людей в этом мире с целью повышения их материального благополучия¹³). Либеральный ракурс международных отношений, как и сфера государственного управления национальных государств, изложена в работах В. Вильсона, который декларировал демократичность, транспарентность и моральные императивы в международной деятельности и дипломатии. При этом развитые формы правления ряда государств, полагал В. Вильсон, проходят три этапа: оформление в систему, конституционность и политическое участие граждан

¹⁰Моргентау, Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир / Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. Москва : Гардарики, 2002. – С. 72-88.

¹¹Коллинз, Р. Современная технология и геополитика / Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / Под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 301-323.– С. 301.

¹²Кокошин, А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк. – изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: ЛЕНАНД, 2008. – 88 с.– С. 12.

¹³Мизес, фон Л. Либерализм. – пер. с англ. А. В. Куряева. – Москва : Экономика : Социум, 2001. – 239 с. – С.9.

в развитии управленческих систем¹⁴, включая управление международными системами. Фактически, В. Вильсоном была заложена идея институтов (учреждений, норм и правил), которые в сфере международных отношений будут постепенно доминировать над государствами.

Особую роль в развитии либерализма и неолиберализма в предметном поле международных отношений сыграли американские политологи Р. Кеохейн, Дж. Най-младший, Дж. Даффилд и др. К примеру, Кеохейн в своих работах подчеркивает, что в международной политике либеральные демократии ведут себя во многом иначе, чем государства с недемократическими политическими режимами¹⁵. Предпочтение либеральных демократий, по мысли Кеохейна, состоит во взаимодействии сторон в решении конфликтов в форме дипломатических переговоров. Одна из теорий, предложенная Кеохейном, – это теория взаимосвязанности внешнеполитических акторов, наличие многообразных каналов связи во взаимоотношениях сторон по решению международных проблем. В ракурсе этой теории стоит подчеркнуть, что, не являясь либеральными демократиями, Россия и Китай опираются на различные каналы взаимодействий как на двусторонней, так и многосторонней основе.

На международной арене для обеспечения стабильности Россия и Китай используют определенные ресурсы. Причем к таким ресурсам относится не только военная сила, что логично, но и экономическая сила, «мягкая сила» (по Дж. Наю-младшему вид силы, способ достижения желаемых результатов посредством продвижения ценностей и институтов¹⁶). Представители либеральной школы в российской политической науке, например Э. Я. Баталов, также отмечают взаимозависимость

¹⁴ Вильсон, В. Наука государственного управления / Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – С. 24-43. – С. 29.

¹⁵ Кеохейн, Р. Международные отношения: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопад. – Москва : Вече, 1999. – С.438-450, – С. 442.

¹⁶ Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти. – пер. с англ. В. Н. Верченко. – Москва : АСТ, 2014. – 444 с. – С. 150.

международных акторов и взаимодействие между ними, рассматривая международные отношения как живую сеть прямых и обратных связей¹⁷ в процессе усиливающейся коммуникации субъектов международной политики.

Наиболее соответствующей духу радикальных изменений в сфере международных отношений является научная школа постпозитивизма. К данной школе логично отнести ряд западных политологов: К. Дж. Холсти, Дж. Гэдиса, Й. Фергюссона и Р. Мансбаха, Дж. Э. Тикнера, российского исследователя А. Куманькова. Главное в содержании работ постпозитивистов заключается в сведении к минимуму оптимизма по поводу международного права, включении в науку новых проблемных вопросов (терроризм, сепаратизм и сецессия в судьбе национальных государств, дестабилизация международных отношений) и новых акторов (террористических организаций, националистических движений, непризнанных государств), акцентировании внимания на новые войны, которые меняют структуру миропорядка. В частности, профессор-международник из США Дж. Э. Тикнер полагает, что в исследованиях международных отношений должно быть отведено принципиальное значение строгому эмпиризму, пониманию того, что этими отношениями движут ценности и смыслы¹⁸.

Российский политолог А. Куманьков занимает более критическую позицию в отношении существующего миропорядка, отводя ключевое место разным типам войн в отношениях между государствами и группами государств. Кроме того, он полагает, что в основе любой современной войны и вооруженных конфликтов используются терроризм, деятельность частных военных компаний (ЧВК), роботизация и компьютеризация

¹⁷Баталов, Э.Я. Международные отношения как антропологический диалог / Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 50-66. – С. 50.

¹⁸Тикнер, Дж. Э. Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма / Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопал. – Москва : Вече, 1999. – С.425-437. – С. 430.

войны¹⁹. При этом за войной и вооруженным конфликтом международных акторов лежат, по мнению А. Куманькова, насилие или стремление навязать свою волю. Китайский специалист И. Чжэн в конфликтах внутри ряда государств и международных конфликтах отводит большое место феномену терроризма, за которым (терроризмом) зачастую стоят внешние игроки. Согласно И. Чжэну, противодействием терроризму, как составной части войн и конфликтов, является сотрудничество стран между собой. К примеру, определенным образцом в этом отношении предстают Россия и Китай²⁰.

Неомарксистская школа международных отношений с рядом научных теорий также основательно представлена в политической науке. В ее основе находится проблематика экономического неравенства государств, обостряющая противоречия между странами и нарушающая международную стабильность. Наиболее яркими ее представителями являются западные специалисты И. Валлерстайн, Дж. Арриги, А. Г. Франк, Дж. Дер-Дериан, российский политолог Б. Кагарлицкий. Наиболее весомой теорией в ракурсе неомарксистской школы международных отношений является мир-системная теория И. Валлерстайна, которая ориентирована на выделение центра (развитые страны мира) и периферию (развивающиеся страны). В четырехтомном исследовании «Мир-система модерна» политолог-неомарксист к периферии относил как колонии и полукolonии (зоны под прямым колониальным правлением), так и территории, формально независимые, но находящиеся под «ощутимым европейским господством»²¹.

Данная мир-система, по нашему мнению, создает конфликтные деструкции в мире, в том числе террористического характера. Отечественный исследователь Б. Кагарлицкий, характеризуя мировой

¹⁹ Куманьков, А.Д. Война в XXI веке / А.Д. Куманьков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 296 с. – С. 68.

²⁰ Чжэн, И. Российско-китайское сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом / И.Чжэн. – Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 2. – С. 290–295.

²¹ Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789-1914 / И. Валлерстайн; Пер. с англ., литер., ред., комм. Н. Проценко. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 496 с. – С. 310.

порядок в русле неомарксизма, подчеркивает его все более усиливающуюся конфликтность, постоянное столкновение на международной арене многочисленных и разноплановых сил. Эти силы выходят из-под опеки глобального контроля, стимулируя тем самым распространение хаоса. А это, в свою очередь, не всегда создает благоприятные условия для перемен к лучшему²². В этом отношении ряд международных политических акторов, включая Россию и Китай, с их историческим опытом более справедливого распределения ресурсов внутри национальных обществ, выступают на международной арене как конструктивная сила, нацеленная на поддержание международной стабильности.

Исследуя проблематику взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности, нужно отметить, что их совместная деятельность осуществляется в рамках существующей международной системы. При этом важно понимать сущность дефиниций «система», «международная система» с точки зрения теоретико-методологической основы. Западный исследователь Л. Фон Берталанфи под системами понимает иерархически организованные открытые системы, которые сохраняют себя или развивают себя с целью достижения подвижного равновесия²³. Только такая система может быть стабильной и устойчивой, даже несмотря на наличие вызовов и угроз. Американский социолог и политолог Т. Парсонс исследует данное понятие (схему-систему) как систему координат с наличием и ориентациями одного или многих действующих субъектов политики (акторов)²⁴.

Отечественный ученый-энциклопедист А. А. Богданов в работе по всеобщей организационной науке (тектологии) подчеркивает, что любая деятельность может быть организующей и дезорганизующей. Таким

²² Кагарлицкий, Б. Кризис и конфликт // Закат империи США: Кризисы и конфликты; с предисловием Бориса Кагарлицкого. – Москва : МАКС Пресс, 2013. – С. 5-18. – С.9.

²³Берталанфи, фон Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / Общ ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – Москва : Издательство «Прогресс», 1969. – С. 23–82.

²⁴Парсонс, Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – Москва : Академический Проект, 2002. – 832 с.

образом, перед политическими акторами стоит задача организовать ресурсы и средства в планомерно функционирующую систему²⁵ как антитезу хаоса и беспорядка. Политолог из США Д. Истон, рассматривая политическую жизнь, сформулировал понятие «политическая система» как сложный комплекс процессов, при помощи которых определенные типы «входов» (inputs) трансформируются в «выходы» (outputs). Д. Истон называл их (выходы) властными решениями²⁶. Данный исследователь при этом сопоставлял политическую жизнь с некоей поведенческой системой (в нашем случае международной системой) в определенной среде (международной среде), с которой эта система осуществляет взаимодействие.

Характеризуя систему международных отношений, в которой осуществляют взаимодействие Россия и Китай, логично операционализировать ее общепринятым понятием «Ялтинско-Потсдамская система». И. Валлерстайн называет эту систему миросистемой, которая, по его мнению, всегда была и остается мирэкономикой. В рамках этой мирэкономике, по свидетельству И. Валлерстайна, существует разделение труда между государствами, эта миросистема не связана единой политической структурой²⁷, а ее изменение предопределяют взаимодействия политий при помощи системы межгосударственных отношений. Для Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений характерны радикальные изменения, произошедшие с 1945 по 2022 гг.

С одной стороны, биполярный миропорядок (США и СССР) постепенно трансформировался в многополюсность²⁸, превратив Россию и Китай в центры нового, полицентричного мирового порядка. С другой

²⁵ Богданов, А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов; Под ред. Г.Д. Гловели. Изд. 6-е, испр. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 680 с. – С.94.

²⁶ Баталов, Э.Я. Американская политическая мысль XX века / Баталов Э. Я. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – 621. – С.94–105.

²⁷ Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение /И. Валлерстайн; Пер. с англ. /Вступ. ст. и прил. Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. – Москва : УРСС ЛЕНАНД, 2018. – 304 с. – С. 99.

²⁸ Симония, Н.А., Торкунов, А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности //Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 243-254.

стороны, международный политический процесс с его изменениями должен был бы не только вывести США на уровень доминирования в формирующемся миропорядке, но и обеспечить коллективному Западу с США господство в международном сообществе. Однако, как отмечает российский исследователь А.П. Кочетков, это доминирование и господство США ограничивается тремя ключевыми факторами: 1) экономическим потенциалом Китая, 2) ростом военно-политической мощи России, 3) взаимодействием ряда политических акторов (в первую очередь России и Китая) в противодействии «возросшей активности международного терроризма и экстремизма»²⁹.

Китайский исследователь международных отношений Янь Сюэтунь 2019 год назвал концом биполярности в понимании «холодной» войны и началом перехода к глобальной биполярности с центрами противостояния США и Китая. Однако в свете начала СВО на Украине и беспрецедентной поддержке действий украинских властей со стороны коллективного Запада, уместно говорить о становлении глобальной биполярности в разрезе дихотомии «Восток-Запад», где Россия и Китай стоят на одной стороне, защищая свои национальные интересы. При этом, по мнению исследователя, в отличие от периода «холодной» войны, когда наблюдалось идеологическое противостояние между СССР и США, в настоящее время увеличивается роль идеологии внутри страны и уменьшается ее влияние во внешней политике, а стратегическое соперничество постепенно переносится в плоскость киберпространства, вследствие чего происходит переход от геостратегического мышления к киберстратегическому³⁰. Таким образом, цифровые технологии подхватывают доминирование в экономическом развитии и сфере национальной безопасности, отражают инновационные

²⁹ Кочетков, А.П. О геополитических угрозах безопасности России в эпоху глобализации // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С.74-91. – С. 75.

³⁰ 阎学通。2019 年开启了世界两极格局 / 阎学通//现代国际关系。– 2020. – 1. – 6-8 页。(на русс. Янь Сюэтунь. 2019 год открывает биполярный мир / Янь Сюэтунь // Сяньтай гоцзи гуаньси. – 2020. – 1. – С. 6-8).

возможности в науке и технике, а также являются механизмом обеспечения стабильности или активным инструментом дестабилизации.

Рассматривая взаимодействие России и Китая на международной арене, стоит отметить совпадение ключевых приоритетов во внешней политике и дипломатии стран. Один из приоритетов состоит в обеспечении международной стабильности, другой – в противодействии внутренним и внешним угрозам, в особенности терроризму, а также деструкциям, питающим данный феномен: сепаратизму, экстремизму, ксенофобии. В теории международных отношений «стабильность» остается научным термином, в отношении которого не дано однозначного определения. Зачастую в работах многих исследователей стабильность интерпретируется как понятие, близкое по значению «статус-кво», «баланс сил», «силовое равновесие», «безопасность» и т. д.

Одним из первых, кто предпринял попытку дать определение стабильности применительно к системе международных отношений, был английский математик Люис Ричардсон, заимствовавший данный термин из классической механики. Ричардсон исследовал теорию конфликта и рассматривал стабильность как набор определенных условий, которые возвращают систему международных отношений в положение равновесия. Исходя из такого определения стабильности, нестабильность по Ричардсону означала такое состояние системы, «при котором она не только не возвращается в исходное положение, но и продолжает меняться под влиянием определенных факторов, вплоть до достижения своего предела или точки полного разрушения»³¹. Для доказательства своей теории Ричардсон анализировал переменные величины роста затрат на военные расходы и доходов населения держав, вовлеченных в Первую мировую войну. Так, в предвоенные годы рост суммарного военного бюджета двух главных коалиций составлял около 15% против роста доходов населения в

³¹Deutsch, K.W., Singer J.D. Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. – 1964. – Vol. 16, No. 3. – pp. 390-406. – P. 387. – URL: <https://doi.org/10.2307/2009578> (дата обращения: 15.02.2021).

5%³². В теории Л. Ричардсона несопоставимость двух экономических показателей воспринималась как индикатор нестабильности отношений между двумя государствами, что в свою очередь указывало на большую вероятность начала конфликта или развертывания войны.

Американские исследователи К. Дойч и Д. Сингер рассматривали стабильность на уровнях глобальной политической системы в целом и входящих в ее состав государств-акторов. На системном уровне они оценивали стабильность с позиции вероятности сохранения международной системой своих ключевых характеристик: 1) отсутствие доминирующих держав; 2) «выживание» большинства государств системы; 3) недопустимость глобальных войн. Таким образом, стабильное состояние системы должно позволить избежать появления доминирующих держав, обеспечить выживание наций и предотвратить крупномасштабные войны. С позиции отдельных государств стабильность рассматривалась как вероятность сохранения государствами своей политической независимости и территориальной целостности без вовлечения в военные конфликты и «войны за выживание».

По убеждениям Дойча и Сингера, многополярная система мирового устройства более стабильна, чем биполярная. Руководствуясь своей концепцией международной стабильности, они продемонстрировали прямую зависимость между числом акторов международных отношений и возможностями взаимодействия: увеличение количества участников в системе ведет к увеличению вариантов их взаимодействия³³. При этом общность интересов и различия в потребностях и нуждах наций будут способствовать реализации взаимовыгодного сотрудничества, тем самым подобная система характеризуется «ограниченной конфликтогенностью», а каждая возможность сотрудничества (вовлеченность во взаимовыгодную

³²Там же, с. 391.

³³Deutsch, K.W., Singer J.D. Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. – 1964. – Vol. 16, No. 3. – pp. 390-406. – P. 396. – URL: <https://doi.org/10.2307/2009578> (дата обращения: 15.02.2021).

сделку) будет уменьшать тенденцию к разжиганию конфликта и войн. Исходя из этого, переход от биполярной к многополярной системе должен снизить количество конфликтов и обеспечить стабильность международной политической системы. Однако, как показывает практика, такого положения после распада СССР не произошло, что может быть вызвано наличием доминирующих держав (ключевая характеристика нестабильности по теории Дойча и Сингера) и противоречивостью интересов и амбиций государств.

Американский политолог М. Каплан выделяет ряд правил, позволяющих многополярной системе поддерживать состояние стабильности. Отдельные правила лежат в основе выстраивания своей внешней политики Россией и Китаем: 1) использование потенциала дипломатического инструментария, т.е. переговоров; 2) противостояние коалиции или нации при навязывании своего доминирования; 3) противостояние идее о подчинении государств единой политической власти (высшей власти, мировому правительству); 4) следование принципу «приемлемого партнерства», взаимовыгодного сотрудничества и т.п.³⁴.

Заслуга Ричардсона, Дойча и Сингера заключалась в восприятии стабильности как состояния международной системы, а также их попытках определить ряд условий, при которых система сохраняет свое стабильное состояние, таким образом, уместно говорить о прикладном характере их научных работ, который положил начало более широкому применению данного термина в различных его интерпретациях в теории международных отношений.

Осмыслением теории стабильности в контексте биполярности мира занимался один из основателей теории неореализма, американский исследователь К. Уолтц. В работе «Стабильность биполярного мира» К. Уолтц рассматривал стабильность как состояние, при котором система

³⁴Цыганков, П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С.25-40.

может продолжать свое дальнейшее существование, и отстаивал идею о стабильности биполярного мира. При этом он аргументировал свою теорию тем, что именно биполярность позволила сохранить мир в период холодной войны и защищала подкрепленное ядерным оружием доминирование двух держав в мире³⁵.

Западный исследователь А. Саперстейн определяет стабильность международной системы как состояние отсутствия войны или «отсутствие вооруженного конфликта». Саперстейн также обращается к методу математического моделирования, чтобы разрешить вопрос, какая из предложенных моделей взаимодействия между государствами будет способствовать большей стабильности анархичной и конкурирующей международной системе: система отдельных конкурирующих государств или система, в которой конкурирующие государства являются членами одного альянса. В итоге автор приходит к выводу, что эгоистичные действия отдельных стран вероятнее перерастут в противодействие и конфликт, чем взаимоотношения государств-членов внутри альянса³⁶.

Во второй половине XX века произошло переосмысление и «военизация» понятия стабильности, появились новые концепции и доктрины, трансформирующие первоначальный смысл термина, основными из которых являются: а) стратегическая стабильность; б) конфронтационная стабильность; в) гегемоническая стабильность.

Для всех вышеупомянутых концепций характерно единое понимание стабильности. Во-первых, стабильность рассматривается как свойство, характеризующее состояние системы, а именно системы международных отношений, внешней политики и мировой экономики. Во-вторых, стабильность рассматривается как положительное состояние системы,

³⁵ Уолц, К.Н. Человек, государство и война: теоретический анализ / Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. Москва : Гардарики, 2002. – С. 93-110.

³⁶ Saperstein, A. M. Alliance Building versus Independent Action: A Nonlinear Modeling Approach to Comparative International Stability // The Journal of Conflict Resolution. – 1992. – Vol. 36, no. 3. – pp. 518-545. – URL: <http://www.jstor.org/stable/174345> (дата обращения: 18.01.2021).

поддерживаемое определенным набором правил. И наконец, в большинстве случаев под стабильностью понимается состояние отсутствия войны или крупных конфликтов.

Термин *«стратегическая стабильность»* появился в контексте проблемы сокращения ядерного вооружения на территориях СССР и США. Суть доктрины заключалась в признании стратегическими силами США и СССР бессмысленности нанесения первого удара ядерным оружием, так как независимо от очередности применения ядерного оружия, исход будет губительным для обеих сторон. Свой вклад в обоснование и популяризацию доктрины *«стратегической стабильности»* внесли американские исследователи Г. Г. Сондерс, Т. Шеллинг и др. Впоследствии доктрина легла в основу теории американской политики национальной безопасности³⁷. В этой связи происходит сращивание понятий *«стабильность»* и *«безопасность»*. Данный подход разделяет и отечественный исследователь А. И. Никитин³⁸.

Рассматривая стратегическую стабильность как состояние отношений между ядерными державами, Роберт Берлз, Леон Ратц и Брайан Роуз выделили три ключевых критерия, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности. Во-первых, это *«малая вероятность первого удара»*, т. е. минимизация причин и стимулов, побуждающих одну из сторон применить ядерное оружие. Во-вторых, это *«стабильность гонки вооружения»*, т. е. снижение стимулов для конкуренции в развитии и развертывании ядерных сил. И наконец, это *«стабильность в кризисной обстановке»*, т. е. отсутствие стимула к нанесению упреждающего удара в

³⁷ Сондерс, Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформация и изменения. – пер. с англ. И. В. Поляничевой, под. науч. ред. А. Г. Аксенёнка, И. Д. Звягельской. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 382 с.; Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг ; пер. с англ. под. ред. Ю. Кузнецова ; 2-е изд., испр. – Москва : ИРИСЭН, Социум, 2016. – 367 с.

³⁸ Никитин, А. И. Мировой порядок уходящий и грядущий/ Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Изд-во «Аспект пресс», 2019. – 375 с.

период кризиса, для чего необходимо обеспечить степень предсказуемости и прозрачности действий в периоды повышенной напряженности³⁹.

Отечественный политолог А. Д. Богатуров отмечает, что «со стабильностью связывалось представление об идеальной системе международных отношений; при этом основной целью считалось сохранение статус-кво, а главным условием ее реализации – сохранение силового равновесия»⁴⁰. Академик А. А. Кокошин рассматривал стратегическую стабильность как «комплексную, многомерную и междисциплинарную проблему, требующую постоянного внимания высшего государственного руководства, военного командования, отечественного экспертного сообщества, занимающегося проблемами национальной безопасности, ученых различных областей научного знания»⁴¹.

«Конфронтационная стабильность» является вариантом западной идеи «длинного мира» Д. Л. Гэддиса, в основе которой лежит страх взаимного уничтожения. В своей теории Гэддис выделяет структурные и поведенческие факторы стабильности. К структурным факторам он относит биполярность, независимость друг от друга (географическая удаленность, ограниченность контактов между населением и экономическая обособленность) и политическое устройство государства как звено в формировании внешней политики страны. В качестве поведенческих факторов, оказывающих влияние на стабильность, Гэддис приводит ядерное оружие, прорыв в технических средствах разведки, идеологическое ослабление конкурентов (врагов), соблюдение «правил игры» (уважение сфер влияния, избежание прямых военных противостояний, использование ядерного оружия как крайнего средства и т. д.).⁴²

³⁹Berls, R.E., et al. Rising Nuclear Dangers: Diverging Views of Strategic Stability / ed. by Nuclear Threat Initiative, 2018. – 24 p. – URL: www.jstor.org/stable/resrep20035 (дата обращения: 08.01.2021).

⁴⁰Богатуров, А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. – Москва : МОНФ; ИСКРАН, 1996. – 246 с. – С. 11

⁴¹Ефимов, Н. Стратегическая стабильность в мировой политике: формулы академика Кокошина // Международная жизнь. – 2014. – № 5. – С. 173-183.

⁴²Gaddis, J.L. The Long Peace: Element of Stability in the Postwar International System // International

Теория «гегемонической стабильности» обрела широкую известность в 1980-х годах, существенный вклад в ее разработку внесли представитель школы неореализма Роберт Гилпин и сторонник неолиберализма Роберт Кохейн. Теоретики гегемонической стабильности утверждали, что международная политика характеризуется последовательностью гегемоний, в которой единственное могущественное государство доминирует в мировой системе в результате победы в гонке за гегемонией⁴³. Р. Гилпин соотносит понятие «гегемонии» с лидерством одного государства над остальными в международной системе. Р. Кохейн и Дж. Най сходятся во мнении, что государство-гегемон должно обладать достаточными силами и желанием доминировать с целью поддержания в системе определенных правил, регулирующих межгосударственные отношения. В свою очередь, политолог Кристофер Лейн в рамках исследования «гегемонической стабильности» указывает на то, что в таком процессе должно быть желание самого государства быть гегемоном⁴⁴.

В продолжение данного направления исследований Р. Гилпин и С. Краснер в совместной работе приводили в качестве примера гегемонической стабильности период свободной торговли в середине 19 века, называя его продуктом британской гегемонии⁴⁵. Другим оспариваемым примером служит гегемония США в течение двадцати лет после окончания Второй мировой войны. В то же время, несмотря на ряд преимуществ данной теории, она подверглась критике сторонниками многополярной системы со ссылками на ослабление США в экономической отрасли и возрастающей роли Китая в мире. Таким образом, в процессе совершенствования внешней политики КНР и РФ, двустороннего взаимодействия по целому спектру актуальных вопросов,

Security. – 1986. – Vol. 10. N 4. – pp. 99-142. – P. 104. – URL: <https://doi.org/10.2307/2538951> (дата обращения: 21.02.2021).

⁴³Sheetz, M. S., Mastanduno M. Debating the Unipolar Moment // International Security. – 1997. – vol. 22, no. 3. – Pp. 168-174. – URL: <https://doi.org/10.2307/2539361> (дата обращения: 12.01.2021).

⁴⁴Deyermond, R. Matrioshka Hegemony? Multi-Levelled Hegemonic Competition and Security in Post-Soviet Central Asia // Review of International Studies. – 2009. – vol. 35, no. 1. – pp. 151-173. – P. 153. – URL: <http://www.jstor.org/stable/20542768> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴⁵McKeown, T.J. Hegemonic Stability Theory and 19th Century Tariff Levels in Europe // International Organization. – 1983. – vol. 37, no. 1. – Pp. 73-91. – P.75. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706486> (дата обращения: 10.02.2021).

государственные ведомства двух стран использовали научные наработки по проблемам геополитики и дипломатии.

Развитие теории международных отношений в Китае происходило под влиянием западных исследователей, долгое время китайские ученые рассматривали понятие стабильность главным образом в военно-политическом контексте и понимали под стабильностью общее состояние равновесия между державами в различных сферах, в частности военной и экономической⁴⁶.

Профессор Фуданьского университета, специалист в области американо-китайских отношений, Цай Цуйхун в работе «Влияние искусственного интеллекта на стратегическую стабильность и риск ядерной войны» рассматривает стабильность в узком и широком смыслах. В узком смысле она характеризует стабильность как баланс сил между державами. В широком смысле стабильность рассматривается как состояние самоограничения и взаимного сдерживания в мировом масштабе, позволяющее сохранить относительно устойчивое и сбалансированное положение акторов в международной системе. Она отмечает, что существуют многопрофильные вызовы, которые ставят под угрозу стабильность мирового сообщества: международный терроризм, распространение ядерного оружия, проблема несостоявшихся государств, климатические изменения и так далее⁴⁷.

Цай Цуйхун отмечает, что стабильность отношений между странами может подрываться фаталистическим реализмом, то есть верой в неизбежность конфликта. Подтверждением этого может служить тот факт, многие китайские эксперты инстинктивно расценивают последствия любых действий США как негативные для Китая, в свою очередь, американские

⁴⁶Schoff, J. L., Li, B. A Precarious Triangle: U.S.-China Strategic Stability and Japan. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. – 62 p. – URL: www.jstor.org/stable/resrep12972 (дата обращения: 15.01.2021).

⁴⁷Cai, C. The Shaping of Strategic Stability by Artificial Intelligence / The Impact of Artificial intelligence on strategic stability and nuclear risk. Volume II East Asian Perspectives. / edited by Lora Saalman, Stockholm International Peace Research Institute, 2019. – Pp. 54-77. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep24532.16> (дата обращения: 11.01.2021).

политики часто заявляют, что модернизация вооруженных сил Китая и активная деятельность Китая в разных сферах по всему миру являются негласным намерением бросить вызов США. В результате фаталистический реализм может разрушить все столпы, поддерживающие стабильность отношений между государствами, и привести к «самоисполняющемуся пророчеству».

Джеймс Шофф и Ли Бинь в работе «Непредсказуемый треугольник: стратегическая стабильность между США и Китаем и Японией» рассматривают понятие «многонациональная стратегическая стабильность» как суммарную стабильность между парами сверхдержав⁴⁸.

Поддержание состояния стабильности двусторонних отношений (как необходимого условия поддержания международной стабильности) требует четкого понимания действий и намерений партнеров, правильной интерпретации взаимных призывов и предпринимаемых шагов. Показательным может служить восприятие США и Китаем развития отношений в военной сфере. Алгоритм американских экспертов «прозрачность – предсказуемость – стабильность» неоднократно истолковывался китайской стороной как попытка американской стороны получить информацию о силовых структурах Китая с целью последующего ослабления военного потенциала страны. В данном случае важно понимать образ мышления и логику партнера, что напрямую связано с национальными особенностями мышления.

Российский политолог А. Д. Богатуров в работах по теоретическому осмыслению стабильности международной системы рассматривает понятие «стабильность» в плоскости ее движения и подходит к определению стабильности как «определенному типу движения системы международных отношений»⁴⁹. На этом основании он выделяет два типа стабильности:

⁴⁸Schoff, J. L., Li, B. A Precarious Triangle: U.S.-China Strategic Stability and Japan. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. – 62 p. – URL: www.jstor.org/stable/resrep12972 (дата обращения: 15.01.2021).

⁴⁹Богатуров, А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. – Москва : МОНФ; ИСКРАН, 1996. – 246 с.

статическую и динамическую. Примером статической стабильности служат межгосударственные отношения в Европе по окончании Второй мировой войны. К этому типу стабильности ученый относит концепции конфронтационной стабильности и гегемонической стабильности. В этих типах стабильности неизменность и постоянность международной системы считались формой устойчивого развития международных отношений⁵⁰. Динамический тип стабильности возник в 1970-е и 1980-е годы, в основе ее лежал новый принцип отношения к межгосударственным противоречиям в условиях происходящих на международной арене изменений.

О динамичности категории «стабильность» в международных отношениях говорит и А. С. Маныкин, характеризуя стабильность как состояние сложной системы, связанное с ее внутренним порядком и природой, которой свойственна периодическая трансформация⁵¹.

На региональном и двустороннем уровнях взаимоотношений динамическая стабильность проявляется в работе стран по преодолению конфликтных ситуаций и разногласий, а также в деятельности по укреплению партнерства, в противном случае разрыв отношений может привести к последствиям с невосполняемым ущербом для участвующих сторон. Таким образом, страны адаптируются к изменениям и накапливают опыт взаимодействия в условиях возникших кризисов.

Первый заместитель директора американского аналитического центра «Атлантический совет» (признан нежелательным в России) Б. Павел рассматривает новый подход к национальной стратегии США в системе «Вестфаль плюс». Он оперирует понятием «динамическая стабильность», понимая под этим внедрение в национальную систему определенных характеристик, которые поддерживали бы универсальные ценности либеральной международной системы, при этом являясь жизненно важными

⁵⁰Богатуров, А.Д., Аверков, В.В. История международных отношений. 1945-2017. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 560 с.

⁵¹Маныкин, А.С., Белоусов, Л.С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 5. – С. 97-117. – С. 100.

для процветания и безопасности США в меняющейся глобальной среде⁵². По мнению политика, самым подходящим для этого способом является не противостояние всем изменениям, которые, как представляется, подрывают стабильность в целом ряде областей, а наоборот, стремление как можно эффективнее использовать глобальные изменения для реализации национальных интересов. Таким образом, стабильность воспринимается как движение системы к определенному состоянию, при котором она может работать эффективно с извлечением определенных выгод в постоянно изменяющихся условиях. Среди первоочередных инструментов, которыми должна вооружиться власть для следования курсом динамической стабильности, американский политик называет модернизированную публичную дипломатию с применением информационных технологий, связь представителей власти с негосударственными акторами политики в социальных сетях, активное создание коалиций внутри страны и за рубежом, демонстрация власти посредством технологий «стриткрафт» (букв. «уличное ремесло»). Парадоксальным является тот факт, что все вышеперечисленные политические технологии в то же самое время используются американскими властями для эскалации конфликтов и ведения прокси-войн (например, против России на Украине), а не для разрешения конфликтных ситуаций и восстановления стабильности.

Резюмируя вышерассмотренные представления отечественных и зарубежных исследователей о стабильности, необходимо отметить, что определение понятия менялось под влиянием развития ситуации на международной арене, в частности в процессе трансформации дефиниции были выделены типы стабильности. К тому же вышеприведенные определения зачастую не учитывают параметров состояния системы и их тенденций, что может приводить к некорректным суждениям при сравнительном анализе исторических этапов, а также не позволять

⁵²Pavel, B., Engelke, P., Ward, P. Dynamic Stability. US Strategy for a World in Transition. – Washington: Atlantic Council, 2015. – 68 p. – Pp. 15–24.

оперативно осуществлять управляющее воздействие с целью стабилизации системы или недопущения ее дестабилизации.

В середине XX века в контексте международных отношений говорилось о стратегической стабильности (политика сдерживания при угрозе прямого ядерного столкновения во время «холодной войны»), конфронтационная стабильность охватывала период после «холодной войны» до 1990-х годов («длительный мир», порождаемый страхом взаимного уничтожения), международная стабильность (подход к стабильности в эпоху усиления процессов глобализации после 1990-х годов). Трансформация мирового порядка, открытая угроза применения «грязной бомбы» Украиной и т.п., т.е. рост турбулентности и неопределенности, привели к тому, что в настоящее время возросла активность использования в политической среде термина «стратегическая стабильность», хотя надо понимать, что четкого толкования этого типа стабильности, впрочем как и самого термина «стабильность», в современных условиях нарастания международной напряженности нет, о чем свидетельствуют результаты опроса, проведенного А. Г. Савельевым и О. М. Александрией среди ведущих российских экспертов в области международной безопасности. Исследователи сделали вывод, что респонденты вкладывали разный смысл в понятие стратегической стабильности: одни рассматривали ее в классической трактовке в контексте ядерного противостояния, другие – с позиции трансформации конфликта в ядерную войну⁵³. В зарубежной практике и научной мысли, прежде всего, англоязычных стран, как передовых акторов такого рода исследований, стабильность и дестабилизация исследуются в качестве инструментов достижения национальных и корпоративных интересов и носят преимущественно прикладной характер. При этом и в зарубежной литературе нет четкого определения терминологического аппарата, а вот методы и средства

⁵³Савельев, А.Г., Александрия, О.М. Единство средств и расхождение целей// Россия в глобальной политике. – 2022. – № 2 (том 20). – С. 166-182. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/edinstvo-sredstv/> (дата обращения: 17.11.2022).

дестабилизации и их анализ имеют достаточно глубокую научную проработку. Таким образом, считаем уместным развить понятие международной стабильности в направлении универсальности с учетом следующих значимых характеристик:

1. Предсказуемость (прогнозируемость) – определение возможного движения (развития) системы в контексте конкретных событий или складывающихся тенденций в международном пространстве.

2. Управляемость заключается в возможности регулирования (а не только саморегулированности, трансформации в период возникновения угроз) с учетом прогнозируемых угроз посредством взаимодействия (двустороннего и многостороннего) сторон на основе равноправного партнерства.

3. Разграничение параметров, характеризующих международную стабильность, на постоянные и переменные. К постоянным параметрам можно отнести такие свойства системы, как целостность, устойчивость, адаптивность, структурность, организованность и т. д., т. е. постоянными параметрами являются свойства динамической системы с фундаментальной точки зрения.

Целостность в глобальном масштабе формализуется таким институтом, как ООН, цели и структуры которого объединяют большинство стран мира. Первоначальная цель и условия функционирования ООН соответствовали принципу суверенного равенства (ст. 2 Устава ООН, принцип 1), однако в настоящее время часть принципов носит декларативный характер, но не отменена, что дает надежду на корректировку деятельности организации (а не замену, как, например, Лиги Наций). Устойчивость глобальной системы обуславливается наличием значительного количества акторов и определенных правил функционирования (которые, тем не менее, нарушаются, но тенденции трансформируются эволюционно, в течение значительного времени). Таким образом, подобная ситуация, характеризующаяся существованием

разновекторных связей между вышеуказанными акторами, позволяет международной системе приходить в определенное (новое) состояние равновесия с учетом инерционности большинства процессов. При этом воздействие деструктивных факторов, значительная часть которых отражена в переменных параметрах (по состоянию на конкретный момент времени или интервал), способно выводить систему из положения равновесия, причем сила воздействия на систему определяется не простой суммой сил отдельных факторов, а рассматривается с позиции системности (т. е. свойство эмерджентности). При этом и сама система обеспечения международной стабильности в соответствии со свойством эмерджентности не обладает простой суммой свойств входящих в нее элементов, что также оказывает влияние на особенности ее функционирования и уровень устойчивости. Данный факт нуждается в осознании и формализации в программных документах как ООН, так и иных организаций, ставящих перед собой цель по обеспечению международной стабильности в региональном или глобальном масштабе.

Адаптивность и эволюционность системы обеспечения международной стабильности даже при наличии акторов, препятствующих стабилизации, определяется возможностями ООН и мирового сообщества в форме объединений государств и отдельных стран воздействовать на «очаг», «эпицентр» конкретной сложившейся (потенциальной) проблемной ситуации с целью обеспечения устойчивости, а также возможности трансформации системы обеспечения международной стабильности в соответствии с изменяющимися условиями в случае необходимости. Так, эволюция системы свидетельствует о формировании временных или постоянных структур для выполнения определенных задач по поддержанию международной стабильности.

Следует отметить, что определение переменных и постоянных параметров весьма условно. Возможна ситуация, когда постоянная составляющая системы обеспечения международной стабильности может

быть подвергнута трансформации либо полностью заменена, но в настоящее время такое положение маловероятно и может быть вызвано кардинальными изменениями (например, прекращение функционирования Лиги Наций вследствие ее неспособности предотвратить Вторую мировую войну). В настоящее время, несмотря на СВО, Россия и Китай используют ООН как площадку для решения вопросов урегулирования в аспекте обеспечения международной стабильности, то есть сохраняется статус ООН как организации глобального уровня, хотя степень ее авторитета за последние десятилетия несколько снизилась.

4. Значения и количество переменных параметров определяются в процессе прогнозирования и зависят от исторического периода и тенденций в системе международных отношений: уровень, на котором проявляются угрозы (локальный, региональный, глобальный), интенсивность конфликтов (количество террористических актов, затяжная партизанская война, тлеющие конфликты или прогрессирующая межнациональная вражда, степень вовлеченности в конфликт третьих стран и т.д.), появление новых угроз в различных сферах (санкционная политика в отношении отдельных стран, распространение дезинформации в СМИ, прокси войны, создание нового военного альянса или нового вида оружия (в частности, биологического в формате пандемии), вопросы глобального экологического характера и т.д.

Исходя из понятия международной стабильности как динамического состояния системы при отсутствии угроз и вызовов, способных ее дестабилизировать как в настоящее время, так и в перспективе, представляется необходимым выделить факторы (переменные параметры системы), оказывающие дестабилизирующее влияние на ее устойчивость и предсказуемость.

Под дестабилизирующими факторами мы понимаем вызовы и угрозы, создающие кризисные ситуации разного характера и влекущие за собой последствия глобального (международного) масштаба. Отечественный

исследователь Р. Бальбек выделяет причины, которые порождают международную нестабильность⁵⁴. К ним относятся само общество, конкретные исторические условия развития общественной системы, наличие разнородных социальных групп, интересов, потребностей, мотивов, мировоззренческих позиций. В международном масштабе также уместно говорить о стратегических интересах отдельных государств, их национальных стратегиях, концепциях развития, направленных на создание дестабилизирующей обстановки в регионе или даже мире. Кроме того, существует ряд наднациональных проблем, влияющих на стабильность мировой политической системы и возникновение очагов нестабильности.

К основным угрозам стратегической стабильности в XXI веке российский исследователь А. А. Кокошин относит 1) региональные кризисные ситуации (КНДР – Республика Корея, Индия Пакистан, Израиль – Иран) с вероятностью применения ядерных боеприпасов; 2) распространение ядерного оружия; 3) развитие системы противоракетной обороны у крупных мировых держав (например, США); 4) распространение террористической угрозы с применением оружия массового поражения, в том числе биологического происхождения, со стороны международных экстремистских организаций⁵⁵.

В эпоху глобализации А. С. Манькин называет одной из сильнейших угроз стабильности и безопасности в мире появление национально-страновых и локальных элит, способных, не имея в своих странах сдерживающих их сил и механизмов, разжигать конфликты на этнической почве. Им противопоставляются глобальные элиты, стремящиеся с целью поддержания своего глобального лидерства и построения желаемого

⁵⁴Бальбек, Р.И. Теоретические подходы к исследованию политической стабильности в условиях изменяющейся реальности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – №4 (том 13). – С. 134-154. – С. 144.

⁵⁵Кокошин, А.А. Вопросы прикладной теории войны. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 227 с.; Кокошин, А.А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2008. – 88 с.

миропорядка к провоцированию международной конфликтности и дестабилизации международной системы⁵⁶.

В ежегоднике СИПРИ 2018, посвященном международной стабильности и обеспечению безопасности человека, главными угрозами 2017 года названы: угроза неограниченной гонки вооружений, развитие гиперзвукового высокоточного оружия и киберугроза⁵⁷.

Генеральный директор Российского Совета по международным делам (РСМД) А. В. Картунов, прогнозируя вызовы международной стабильности на период 2020-2025 гг., выделяет следующие основные угрозы:

- кризис государственных систем (в Центральной Азии, Северной Африке и ближневосточном регионе);
- экономический и финансовый беспорядок (непредсказуемость и нестабильность глобальных и региональных экономических и финансовых рынков);
- рост количества негосударственных игроков, среди которых имеются структуры, связанные с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и транснациональной преступностью;
- климатические изменения и ухудшение состояния окружающей среды (неконтролируемые катастрофические климатические изменения и изменения окружающей среды, проблемы сокращения биоразнообразия видов, ресурсный кризис);
- международная миграция (например, последствия миграционного кризиса в Европе 2015-2016 гг. будут волнообразно проявляться в европейских странах, неизбежно приводя к экономическим, политическим, социальным и культурным противоречиям и столкновениям);
- падение авторитета международных институтов и международных правовых норм (неспособность ООН эффективно разрешать

⁵⁶ Маныкин, А.С., Белоусов, Л.С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 5. – С. 97-117. – С. 102.

⁵⁷ Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. ИМЭМО им. Н.М. Примакова РАН. – Москва : ИМЭМОРАН, 1998 – 2018. – 2019. – 752 с.

международные проблемы, отход от норм международного публичного права, двойная трактовка правовых норм)⁵⁸.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство вышеперечисленных угроз уже обрели явные очертания и атакуют европейское пространство, зачастую потакающее распространению деструктивных явлений: новая волна миграции из Украины, спровоцировавшая беспорядки и русофобию в ряде европейских стран, подъем националистических организаций, использующих террористические методы деятельности, например «Азов» (запрещена в России), неспособность ООН к принятию взвешенных и объективных решений по ситуации вокруг Украины и т.д.

Что касается России и Китая, то обоим государствам приходится противостоять угрозе (способной выйти за рамки регионального уровня и оказать существенное влияние на международную стабильность на глобальном уровне) со стороны игроков глобальной геополитической арены (угроза стабильности по А. С. Маныкину) – США и их сторонников, спровоцировавших вооруженное столкновение России и Украины, подогревающих сепаратистские настроения на Тайване, а также поощрение националистических настроений в странах Средней Азии, которые впоследствии переходят в фазу межгосударственных конфликтов. Такая ситуация приводит к дальнейшему сближению России и Китая и возлагает на них ключевую роль (в силу экономических, военно-политических и демографических особенностей стран) в поддержании стабильности системы международных отношений на основе равноправия и учета национальных интересов, о чем в своем заявлении говорил на конференции

⁵⁸Kortunov, A. (09.01.2020) Challenges to International Stability in 2020-2025 // Russian Council: official website. – URL:<https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/challenges-to-international-stability-in-2020-2025/> (дата обращения: 25.01.2021).

«Китай и мир в новом походе» (10.11.2022) и.о. директора ИКСА РАН К. Бабаев⁵⁹.

В работе «Призраки Кигали: инфекционное заболевание и глобальная стабильность на рубеже века», изданной в 1999 году, канадский политолог Э. Прайс-Смит, анализируя современные вызовы международной стабильности, отмечает, что классические концепции безопасности зачастую игнорируют невидимый мир микробов как источник бедствий и угроз для человечества, однако новые и вновь появляющиеся инфекции создают серьезные угрозы политической стабильности и экономическому развитию не только в масштабах отдельных регионов, но и во всем мировом сообществе⁶⁰. И если эпидемию атипичной пневмонии 2003 года и эпидемию лихорадки Эбола в Западной Африке в середине 2010-х годов мировому сообществу совместными усилиями удалось локализовать и не допустить распространения в мировом масштабе, то пандемия 2020 г. стала главным вызовом стабильности.

Неготовность мировых лидеров к подобной угрозе привела к дестабилизации отношений между государствами, превратив диалог по решению данной проблемы во взаимные обвинения в умышленном сокрытии информации и породив множество версий происхождения самого вируса. Масштабность мер, предпринятых рядом государств по сдерживанию инфекции (закрытие границ, эвакуация гражданского населения из очагов заражения, отмена массовых мероприятий, в том числе международного уровня и т. д.) и последствий пандемии, сопоставим с итогами Второй мировой войны⁶¹. Учитывая дестабилизирующую силу инфекций, вирусы, не исключая их «рукотворного» происхождения, вполне могут стать действующим

⁵⁹ Климантович, А. (10.11.2022) Китай и мир в новом походе // Большая Азия. – URL: <https://bigasia.ru/content/news/politics/kitay-i-mir-v-novom-pokhode-smotrite-ocherednoy-vypusk-programmy-novosti-bolshoy-azii/> (дата обращения: 17.11.2022).

⁶⁰ Price-Smith, A. T. 'Ghosts of Kigali: Infectious Disease and Global Stability at the Turn of the Century' // International Journal. – vol.54, no. 3. – 1999. – Pp. 426–442. – URL: <https://doi.org/10.2307/40203404> (дата обращения: 30.01.2021).

⁶¹ Генсек ООН сравнил последствия пандемии с итогами Второй мировой войны // Известия. – URL: <https://iz.ru/1063977/2020-09-22/gensek-oon-sravnil-posledstviia-pandemii-s-itogami-vtoroi-mirovoi-voiny> (дата обращения: 25.09.2020).

биологическим оружием в руках террористов, выводя борьбу с терроризмом на новый уровень.

В настоящее время не существует универсальных методик расчета стабильности международной системы, однако, исходя из определения стабильности как состояния отсутствия в системе глобальных конфликтов или международных кризисов, способных привести к изменению (нарушению состояния мира) системы, считаем целесообразным обратить внимание на Глобальный индекс миролюбия (Global Peaceful Index), разработанный Институтом экономики и мира (IER) и Индекс нестабильности государств (Fragile States Index), ежегодно составляемый американским Фондом мира.

Глобальный индекс миролюбия включает в себя 23 показателя для определения внешнего и внутреннего миролюбия отдельного государства, региона и в целом мирового сообщества. Среди этих показателей можно выделить несколько индикаторов, характеристики которых близки по значению к определению факторов стабильности, например количество внутренних и внешних текущих конфликтов, масштабы политического террора, отношения с соседними странами, политическая нестабильность, масштабы терроризма, импорт и экспорт оружия и т. д.⁶²

Индекс нестабильности государств Фонда мира оценивает государства с позиции неспособности власти выстраивать и сохранять стабильную ситуацию в стране по 12 критериям в рамках пяти групп индикаторов: социальных, экономических, политических, индикаторов сплоченности и сквозного индикатора⁶³. Составленный индекс нестабильных (слабых) стран призван привлекать внимание к условиям, способствующим дестабилизации обстановки в странах и регионах, а также в случае необходимости ориентировать международное сообщество к

⁶²Institute for Economics & Peace. Global Peace Index 2020: Measuring Peace in a Complex World, Sydney, June 2020. – URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf (дата обращения: 02.05.2021).

⁶³Fragile State Index. – URL: <https://fragilestatesindex.org/indicators/> (дата обращения: 09.01.2021).

действиям для решения проблем или смягчения негативных последствий кризисов.

Однако индикаторы для расчета данных индексов являются достаточно сложными, т. е. включают в себя несколько параметров, или допускаются их упрощения, которые только отдаленно и весьма спорно характеризуют конечные индикаторы, в связи с этим представляется неоднозначным использование подобных индексов. На наш взгляд, формирование индексов, характеризующих международное состояние, должно производиться общепризнанной международной организацией по одобренной методике, которая допускает трансформацию вследствие динамичности среды, при этом корректировка должна проходить процедуру согласования.

С прикладной точки зрения, переменные параметры, выделяемые нами в универсальном определении международной стабильности, могут использоваться в качестве ориентиров для запуска стабилизирующих механизмов и мер превентивного действия, направляя усилия, например, на предотвращение эскалации конфликта и его переход в статус международного, ликвидацию эпидемиологических очагов, предотвращая пандемию, внесение организаций и движений в перечень террористических, расширяя масштабы борьбы с террористической угрозой.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в универсальном смысле *стабильность в международных отношениях представляет собой динамическое состояние международной системы, которая характеризуется комплексом свойств и факторов текущего положения и тенденциями развития, что обеспечивает возможность своевременного и эффективного управления переменными параметрами системы. Одним из наиболее важных переменных параметров динамики международной системы являются реальные и потенциальные угрозы, в этом случае угрозы выступают как дестабилизирующие факторы, прямое или косвенное воздействие которых способно вывести систему из*

состояния динамического равновесия, то есть нарушить международную стабильность.

В связи с этим необходим постоянный анализ и совершенствование механизмов поддержания международной стабильности как ориентира международной деятельности национальных государств, в том числе России и Китая, а также как системы диалога, решений и действий государств в направлении осуществления на практике курса поддержания стабильности мировой системы. На сегодняшний день приоритетное положение среди механизмов, обеспечивающих поддержание стабильности в рамках системы и ее подсистем различного уровня, принадлежит международным институтам, крупнейшим из которых является Совет Безопасности ООН. Современные тенденции функционирования таких институтов свидетельствуют об особой актуальности проблемы терроризма, которая представляется авторитетными экспертами ключевым деструктивным фактором международной стабильности.

1.2 Политический процесс и политические деструкции: международный терроризм как дестабилизирующий фактор

Политический процесс, оказывающий влияние на состояние стабильности международной системы и миропорядок, тесно связан с функционально-динамическими аспектами функционирования данной системы. К числу компонентов международных политических процессов стоит отнести: 1) международных акторов, в особенности национальные государства (прежде всего, США, Россия, Китай, Индия и др.), 2) взаимодействия между этими акторами, 3) нормы и правила (формальные и неформальные), 4) международную среду, 5) пространственно-временной континуум (в нашем случае период с 1992 по первую половину 2022 года), 6) проблематику стабильности (нестабильности) мировой системы. Анализ международных политических процессов и роли России и Китая в них

позволяют нам проследить устойчивость и стабильность мировой системы, а также влияние на нее политических деструкций (в частности, терроризма).

Политический процесс в национальных государствах, как и международный политический процесс, представляет собой борьбу, взаимодействие и взаимное давление групп в конкуренции за власть и управление, в том числе глобальное управление, которое в китайской политической мысли известный в России и Китае ученый-востоковед М. Л. Титаренко сравнивал с китайской идеей построения «гармоничного мира» и «сообщества единой судьбы»⁶⁴. При этом важно подчеркнуть, что политолог из США А. Бентли рассматривал роль элит (международных элит) как одну из ключевых составляющих политико-управленческого процесса⁶⁵. Стоит также отметить, что на международный политический процесс влияют особенности современного западного процесса, характерного для экономически развитых стран Западной Европы и США (безличные правительства, ограничение монополии на насилие⁶⁶) и незападного политического процесса (харизматический тип лидерства, выработка политики без участия политических «брокеров» и др.)⁶⁷. В рамках данного исследования взаимодействие России и Китая, прежде всего, будет рассматриваться в аспекте пространственно-временного континуума протекания международного политического процесса на глобальном, региональном и двустороннем уровнях.

Взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечению международной стабильности происходит не в изолированном пространстве, а в определенной системе (мировой системе, международной системе). При этом для этой системы (Ялтинско-Потсдамской) характерны

⁶⁴Титаренко, М.Л., Петровский, В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. – Институт Дальнего Востока РАН. – Москва : Весь Мир, 2016. – 304. – С. 141.

⁶⁵Bentli, A.F. The Process of Government. A Study of Social Pressures. – New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1995. – 502 p. – P. 223.

⁶⁶Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – пер. с англ. Д. Кралечкина; 2-е изд. – Москва : Из. Дом Высшей школы экономики, 2019. – 416 с. – С. 382.

⁶⁷Пай, Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 66-85.

международные отношения (МО), которые политолог К. Гоулдман называет институционализированными ⁶⁸, в том смысле что поведение международных акторов осознается как отображение норм, правил и соглашений. Именно такое понимание международных отношений дает основания США и странам Запада рассматривать международные отношения как миропорядок, основанный на правилах.

Российские политологи также понимают миропорядок как устойчивое и достаточно стабильное состояние мировой (международной) системы⁶⁹, в которой большинство акторов признают нормы и правила поведения, базирующиеся на балансе сил и интересов ключевых мировых держав, к которым относятся Россия и Китай, в том числе как члены СБ ООН. Определенную устойчивость и некоторую стабильность миропорядку дают следующие элементы: системность МО, тренды глобализации, экономическая взаимозависимость политий, становление нескольких центров глобального управления МО, тяготение государств к консенсусу по принятию принципиальных решений, стремление государств к соблюдению миропорядка, основанного на правилах, нормах и принципах.

При этом сам миропорядок подвержен изменениям. Ряд зарубежных исследователей отмечают уже произошедшие в мире изменения и трансформации. В частности, дипломат и теоретик международных отношений Р. Купер выделяет в нынешнем миропорядке, порядке в XXI веке, кризисные явления и конкретные тенденции. Это усиливающийся раздор между народами, сочетание порядка и хаоса, наличие в мире трех зон: зона безопасности, зона опасности и зона хаоса⁷⁰. К зонам безопасности Р. Купер относит коллективный Запад. К зонам опасности данный

⁶⁸Гоулдманн, К. Международные отношения: общие проблемы / Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопал. – Москва : Вече, 1999. – С.387-409. – С.400.

⁶⁹Никитин, А. И. Миропорядок уходящий и грядущий / Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Изд-во «Аспект пресс», 2019. – С. 9.

⁷⁰Купер, Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / Пер. с англ. яз. М. Дадяна. – Москва : Московская школа политических исследований, 2010. – 240 с. – С. 74.

исследователь относит те страны, где потенциально существует угроза терроризма (Россия и Китай в их числе). Третья зона по Р. Куперу несет в себе угрозу и беспорядок, например Афганистан как государство-источник международного терроризма.

Общепринятым в современных исследованиях миропорядка и международных отношений является четкая констатация кризиса, в том числе и из-за существующего с начала 1990-х годов однополюсного мира с гегемонией США. Однако к началу 2000-х годов, по свидетельству ряда политологов, однополярный (однополюсный) мир стал приводить к нестабильности международной системы. Этот фактор отмечают неомарксисты М. Хард и А. Негри, предлагая построение миропорядка, основанного на идее множества акторов⁷¹, готовых к созданию новой социально-политической структуры глобального общества, избавляющей мир от войн, терроризма и насилия. Аналитик из США Э. Тодд также выступает против однополюсного мира во главе с США, подчеркивая роль этой страны как «хищнической державы» и источника мировой нестабильности, высказываясь за неумолимое сокращение могущества Америки во все более населенном и развитом мире⁷².

Китайское видение мирового порядка построено на отсутствии гегемона и однополярности, о чем свидетельствуют заявления политических лидеров страны, делающих упор на то, что Китай не стремится занять место США и реализовывать внешнюю политику в ключе «Китай –прежде всего». Китайские исследователи международных отношений отмечают, что в настоящее время центр мировой силы балансирует между Западом и Востоком и дает возможность Китаю предложить международному сообществу свое видение построения нового мирового порядка в формате концепции «сообщества единой судьбы человечества», основанной на

⁷¹Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва : Культурная революция, 2006. – 559 с.– С. 395.

⁷²Тодд, Э. После империи. PaxAmericana – начало конца / Пер. с англ. Е.Н. Корендясовой. – Москва : «Международные отношения», 2004. – 240 с. – С. 14.

стабильности, открытости, культурном разнообразии и сотрудничестве⁷³. Предлагая такую инициативу, Китай констатирует свою международную идентичность, которая все еще нуждается в становлении баланса между стремлением к державности и обязанностями, которые в этой связи накладываются⁷⁴.

Негативную роль США в деградации миропорядка видит и правовед-неомарксист Б. Бауринг, который доказывает, что разрушение международного права, на базе которого и был выстроен данный миропорядок, было инициировано США и Великобританией в 2003 году их вторжением в Ирак⁷⁵. Именно это событие, как считает данный исследователь, стало опасным прецедентом и привело функционирующий миропорядок к нестабильности, к возрастанию угрозы терроризма. Однако, на наш взгляд, Б. Бауринг не обращается к более ранним событиям, в частности, к вторжению США и стран коалиции в Афганистан в 2001 году и Югославию в 1999 году, где на территории Косова сепаратизм и терроризм албанского большинства угрожал территориальной целостности влиятельной страны на Балканах.

В рамках исследования немаловажное значение имеет вопрос о причинах и акторах возникновения кризиса и деградации современного миропорядка. В существующем научном дискурсе существует два подхода к этому вопросу. Большинство западных политологов и специалистов по международным отношениям сходятся во мнении, что именно Россия и Китай, как страны-ревизионисты, спровоцировали данный кризис. В частности, действия России в Грузии в 2008 году, признание Крыма и

⁷³金灿荣、刘冰若。中国国际秩序观的演变与发展 //《西北师大学报》（社会科学版）。— 2021 年。—第 1 期。—URL: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_ttxw/202101/t20210113_5244422.shtml (на русс.: Цзинь Цаньжун, Лю Бинжо. Эволюция и развитие взглядов Китая на мировой порядок // Журнал «Сибэй шидасюэ бао» (Социологические науки). — 2021. — 1).

⁷⁴Гордон, А.В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм — Традиционализм — Глобализм: Аналит. обзор /РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Азии и Африки. — Москва, 2017. — 84 с. — С. 63.

⁷⁵Бауринг, Б. Деградация международного правового порядка? Реабилитация права и возможность политики / Пер. с английского А. Куманькова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 392 с. — С. 91.

сепаратистских движений на Донбассе в 2014 году, проведение военной операции на Украине в 2022 году торпедировали миропорядок, основанный на правилах. Альтернативная точка зрения, которой придерживаются большинство российских и китайских исследователей, состоит в том, что США и страны Запада положили начало кризису миропорядка, поддержав сепаратизм в Косово в 1990-е годы и осуществив военную агрессию против Югославии в 1999 году без соответствующей поддержки Совета безопасности ООН.

Важна для диссертационного исследования и проблематика нынешнего состояния миропорядка, то есть вопрос о том, на каком этапе эволюции миропорядка находятся все существующие и признанные национальные государства, вступающие во взаимодействия друг с другом (стратегические и ситуативные союзы). В оценке стадии международного политического процесса мы считаем необходимым согласиться с точкой зрения отечественных политологов Н. А. Симония и А. В. Торкунова, которые утверждают, что в настоящее время человечество имеет дело с переходным периодом от старого миропорядка, основанного на правилах (однополюсный мир), к новому миропорядку (многополюсный мир). Причем в рамках переходного периода формируется иной (новый) миропорядок на основе «строительных материалов», доставшихся человечеству от разных периодов истории⁷⁶.

Вместе с тем общепринятым в политической науке является подход, согласно которому вызовами и угрозами миропорядку являются: 1) международная нестабильность, порождаемая как стихийными событиями, так и целенаправленными действиями государств (групп государств), 2) политическими деструкциями, которые согласно Э. Фрому предполагают и тягу к разрушению⁷⁷. Под деструкциями один из представителей

⁷⁶Симония, Н.А., Торкунов, А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 243-254. – С. 243.

⁷⁷Фром, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фром; пер. с нем. Э.М. Телятникова. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 624 с. – С.30.

франкфуртской школы подразумевал проявление дремлющих импульсов, активизирующихся при чрезвычайных обстоятельствах. К числу политических деструкций стоит отнести экстремизм, сепаратизм и, на наш взгляд, самый главный вызов – терроризм.

Терроризм и деятельность международных террористических организаций в ряде научных работ причисляют к дестабилизирующим факторам, влияющим на стабильность международной системы и угрожающим глобальной и региональной безопасности. Хотя в 2020 году генсек ООН А. Гутерреш главной угрозой глобальной безопасности назвал не терроризм, а коронавирус⁷⁸, однако усиление уязвимости населения и неравенства, в большей степени проявившееся во время пандемии, могут стать своеобразным сигналом к расширению деятельности для террористических организаций. Тем более что, по данным Глобального индекса миролюбия-2020, мир стал в 9 раз менее безопасным за последние 12 лет⁷⁹. Несмотря на данные Глобального индекса терроризма-2020, согласно которым количество проявлений терроризма и жертв от террористических актов в 2019 году в целом снизилось на 15% по сравнению с предыдущим годом⁸⁰, террористическая угроза не исчезла, а трансформировалась и приобрела новые характерные черты, присущие процессу глобализации.

Исследователи В. И. Иванов и Я. А. Лубенец отмечают, что в настоящее время само по себе обострение и углубление проблемы международного терроризма как источника глобальных дисбалансов на рубеже 21 века стало своеобразной специфической характеристикой

⁷⁸ Генсек ООН назвал главную угрозу глобальной безопасности // Известия. – URL: <https://iz.ru/1061655/2020-09-16/gensek-oon-nazval-glavnuu-ugrozu-globalnoi-bezopasnosti> (дата обращения: 20.09.2020).

⁷⁹ Institute for Economics & Peace. Global Peace Index 2020: Measuring Peace in a Complex World, Sydney, June 2020. – URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

⁸⁰ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, June 2020. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-2.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).

современного этапа развития мирового сообщества⁸¹. К тому же последствия коронавирусной инфекции поведение государств в условиях пандемии предоставили возможность оценить исход использования биологического оружия в террористических и сепаратистских целях. При этом социально-экономическое расслоение населения вкупе с образом жизни в условиях изоляции создает дополнительные предпосылки для расширения вербовочной деятельности в интересах террористических организаций.

В связи с вышесказанным, именно чрезвычайной актуальностью террористической угрозы продиктовано повышенное внимание к данной проблеме со стороны широкого круга специалистов. В настоящее время проблемой терроризма занимаются как ученые-теоретики в различных научных областях (политологи, социологи, психологи и т. д.), эксперты-террологи, так и правоохранительные органы, специальные службы. Большой вклад в теоретическое осмысление проблемы внесли зарубежные и российские ученые П. Уилкинсон, О. Кронин, Э. Ноймайер, Т. Плюмпер, М. Креншоу, А. Е. Михайлов, Ю. С. Горбунов, Н. А. Чернядьева, А. В. Возжеников, А. П. Кошкин, Я. А. Лубенец и т.д. Яркими представителями ученых и практиков, исследования которых посвящены проблеме терроризма, в КНР являются Ван Ичжоу, Сюй Гуйминь, Ху Ляньхэ, Чжан Цзядун, Чжан Цзиньпин и др.

Проявления террористического характера существовали всегда, однако достаточно сложно выделить именно террористическую составляющую. В работе «Терроризм в современном мире» под редакцией А. П. Кошкина отмечается, что террор и терроризм известны человечеству достаточно давно, а упоминания о негативных последствиях его проявлений можно встретить в исследованиях как Древнего Востока, так греческих и

⁸¹Иванов, В.И., Лубенец, Я.А. Международный терроризм как глобальная проблема в современном мире // Территория науки. – 2014. – № 6. – С. 94-99. Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С.60.

римских республик. В качестве одного из наглядных примеров приводятся такие события, как казни египетские (Ветхий Завет)⁸². Китайские исследователи отмечают появление террористов-одиночек «цыкэ» еще в древнем Китае в период Воюющих царств (475–221 гг. до н. э.). «Цыкэ» выполняли поручения правителей отдельных земель по устранению соседних «ванов». По историческим данным, одной из таких легендарных личностей стал Цзин Кэ, наемный убийца царства Янь, посланный яньским наследником в царство Цинь для убийства будущего императора объединенного Китая Цинь Шихуана. Таким образом, Китай еще в древности столкнулся с проявлениями государственного терроризма⁸³.

В истории современного терроризма Э. Ноймайер и Т. Плюмпер выделяют три взаимоперекрывающихся волны терроризма: антиколониальный (этнонационалистический), левый терроризм и религиозный терроризм «с исламом на гребне волны»⁸⁴. События второй половины 2010-х годов, в том числе расцвет неонацизма на Украине, вполне могут стать началом новой волны терроризма, связанной с расцветом ультраправых движений в Европе и Северной Америке, в результате чего в перспективе может наступить четвертая волна.

Каждая из волн террористической активности сопровождалась формированием различных организаций, ставивших перед собой определенные цели (политические, социальные, религиозные) и использовавших для их достижения террористическую деятельность. В одних случаях это были национально-освободительные движения или движения за религиозное «очищение» (например, Индия, Корея, Вьетнам), в других – политические разногласия (например, Российская империя 1861-

⁸²Терроризм в современном мире / под ред. А. П. Кошкина. Вып. 5. – Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – 108 с.

⁸³Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 59.

⁸⁴Neumayer, E., Plümper, T. International Terrorism and the Clash of Civilizations. / E. Neumayer, T. Plümper // British Journal of Political Science. – 2009. – № 39 (4). – pp. 711-734. – URL: <http://www.jstor.org/stable/27742769> (дата обращения: 20.09.2021).

1914 гг., левый и правый терроризм в Европе), в третьих – социальное неравенство (например, 1890-1914 гг. Япония, Иран)⁸⁵ и, наконец, создание Всемирного исламского халифата (например, террористическая деятельность международных террористических организаций (МТО) «ИГИЛ» и «Аль-Каида» (запрещены на территории РФ).

В работе Ю. С. Горбунова указывается, что в рамках Первого международного конгресса по уголовному праву (1930-е гг.) предпринимались первые усилия по выработке дефиниции «терроризм» в процессе заседаний международных конференций по унификации уголовного права. Однако только в ходе работы Третьей конференции (1930 г.) был использован термин «терроризм», а уже в рамках Шестой конференции приняты документы под названиями «Терроризм» и «Рекомендации»⁸⁶.

В дальнейшем определения терроризма и конкретных преступлений, связанных с террористической деятельностью, были даны в универсальных документах международного права: Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о мерах по ликвидации международного терроризма (1994 г.)⁸⁷, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.)⁸⁸, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.)⁸⁹, резолюция СБ ООН 1566 (2004 г.)⁹⁰, международных региональных документах (Арабская конвенция о борьбе с терроризмом (1998 г.)⁹¹, Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества

⁸⁵ Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 60.

⁸⁶ Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. Монография. / Юрий Горбунов. – Москва: Молодая гвардия, 2008. – 460 с. – С.174.

⁸⁷ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml

⁸⁸ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml.

⁸⁹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.

⁹⁰ Резолюция 1566 (2004) Совета Безопасности ООН – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/542/84/PDF/N0454284.pdf?OpenElement>

⁹¹ Арабская конвенция о борьбе с терроризмом – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038141>.

Независимых государств в борьбе с терроризмом (1999 г.)⁹², Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.)⁹³, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005 г.)⁹⁴ и т.д.) и законодательствах отдельных государств (Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ⁹⁵, «Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики» (2018 г.)⁹⁶).

Несмотря на множество определений понятий терроризма, по своей сути они весьма схожи. Поскольку в дальнейшем в работе будет рассматриваться взаимодействие России и Китая в решении обозначенной проблемы, считаем целесообразным взять за основу определение понятия терроризма из Конвенции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая базируется на терминологической базе ООН, согласно которой терроризм – это преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, которые [акты] ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, использованные в качестве защитного аргумента⁹⁷. Соответственно в Конвенции ШОС терроризм определяется как любое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или

⁹² Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом – URL: <https://base.garant.ru/12130305/>

⁹³ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901812033>.

⁹⁴ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-soveta-evropy-o.html>

⁹⁵ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 г. №35-ФЗ: – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787>.

⁹⁶ Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики – URL: http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=629436&page=1

⁹⁷ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml.

причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения⁹⁸. Одним из аргументов в выборе международной организации, чей терминологический аппарат будет использован при осуществлении дальнейшего исследования, заключается в том, что ШОС объединяет страны, в своей эволюции столкнувшиеся с проявлениями практически всех видов терроризма. К тому же природный, экономический и социальный капитал имеет глобальное значение, а геополитическое положение – возрастающую тенденцию. В итоге, уже в настоящее время деятельность ШОС имеет важное значение в обеспечении международной стабильности и противодействии деструктивным факторам международной безопасности.

Необходимо подчеркнуть, что зачастую определение термина «терроризм» имеет узкофункциональное применение (например, в рамках таких международных региональных организаций как ШОС), но в смысловом плане подразумевает широкую трактовку, представляющую собой юридический компромисс законодательств разных стран. Таким образом, многообразие определений терроризма сводится к стандартным формулировкам, в которых отличительными характеристиками данного деструктивного явления являются:

– достижение политических целей (воздействие на органы власти, смена политического режима или достижение иных социальных изменений);

⁹⁸ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901812033>.

– применение или угроза применения насильственных действий (устрашение населения как средство достижения политических целей, создание атмосферы страха);

– нанесение материального или морального ущерба, что само себе не является конечной целью преступных действий.

Эти характеристики будут свойственны всем типам терроризма, классификаций которого существует множество. Так, по масштабности и широте проявлений последствий терроризма террористическую деятельность принято делить на внутренний и международный терроризм; по мотивам террористической деятельности выделяют политический, религиозно-националистический и сепаратистский; в зависимости от средств и инструментов, используемых террористами для достижения определенных целей, терроризм делят на технологический, информационный, ядерный, биологический и т.д. Эксперты-террологи выделяют социальный, националистический и религиозный терроризм⁹⁹.

Многие специалисты в отдельную группу выделяют терроризм, связанный с угрозой применения высокотехнологического оружия различного происхождения (ядерного, химического, биологического) и способный вызвать мировой кризис. В настоящее время реальная ядерная угроза исходит не от стран, располагающих ядерным оружием (Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Израиль, Пакистан и КНДР), и даже не от отдельных лиц или террористических организаций, а от амбициозных стран (например, Украины), использующих шантаж «грязной бомбой» с целью оказания внешнеполитического давления как на Россию, так и на своих западных партнеров. Показательными примерами ядерного терроризма также могут служить многочисленные вооруженные нападения на Запорожскую АЭС со стороны украинских боевиков, что

⁹⁹ Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под общ. ред. А.В. Возженикова. – Москва : Изд. РАГС, 2005. – 526 с. – С. 18-19.

поставило мероприятия вооруженных сил РФ по охране атомной электростанции в ряд с контртеррористическими операциями.

Среди прочих видов терроризма крайнюю озабоченность вызывает угроза, связанная с применением террористами оружия биологического происхождения. А. В. Возжеников указывает, что «сегодня биотерроризм представляет особую опасность для граждан и отдельных стран, а также для международного сообщества в целом, его деструктивная активность вызывает тревогу у всего населения планеты»¹⁰⁰. К основным деструктивным факторам биотерроризма можно отнести уничтожение флоры и фауны, населения отдельных стран и регионов с применением биологических средств (вирусов, бактерий, генетического воздействия, воздействия на сознание и т. п.). Таким образом, достижения биологической науки в руках террористов могут стать «тихим» оружием массового поражения, выступая в качестве рычага воздействия на правительства стран для принятия определенных решений в области межгосударственного взаимодействия и международных отношений. А в руках государств биологическое оружие становится еще более опасным, так как может использоваться в качестве инструмента уничтожения целой нации. В этой связи показательным примером являются обнаруженные биолaborатории на Украине, в которых выполнялись заказы Министерства обороны США по изучению и распространению опасных инфекций, прежде всего, на территории России, с использованием для этой цели мигрирующих птиц¹⁰¹.

Другой относительно новой разновидностью терроризма с большими возможностями воздействия на мировое сообщество, чем уже пользуются международные террористические организации, является кибертерроризм. Так, политолог из Казани А. Г. Большаков справедливо указывает, что в условиях формирования цифрового общества терроризм перерос уже в

¹⁰⁰ Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под общ. ред. А.В. Возженикова. – Москва : Изд-во РАГС, 2005. – 526 с. – С. 65.

¹⁰¹ Минобороны опубликовало документы о секретных лабораториях США на Украине / Новостное агентство Lenta. – URL: https://lenta.ru/news/2022/03/10/bio_ukr/ (дата обращения: 18.11.2022).

отдельную угрозу государственной целостности и международной стабильности¹⁰². Это, в первую очередь, связано с тем, что данное явление (терроризм в информационной сети Интернет) все больше угрожает безопасности многих стран и их граждан, вызывая огромные политические, экономические и моральные потери, оказывая сильное психологическое давление на большие массы людей¹⁰³. Как показывает практика, в структуре террористических организаций имеются не только боевые подразделения и органы управления, в настоящее время они порой похожи на армии или государства (по структуре).

Специальные органы активно используют информационные технологии как для вербовки новых членов, так и для пропаганды своих идей (например, через социальные сети или специальные Интернет-ресурсы). Жесткая политика Китая в вопросе борьбы с кибертерроризмом внутри страны подкрепляется конкретными шагами по работе с населением, интернет-компаниями и платформами. Так, 24 июня 2014 года Администрацией по надзору за киберпространством КНР был выпущен документальный фильм «Террористические аудио и видео материалы «Исламского движения Восточного Туркестана» как движущая сила онлайн-пропаганды терроризма», тогда же 30 крупнейших китайских компаний в сфере информационных технологий (Tencent, Sina.com, Baidu, 360, iQiyi, Xunlei и др.) подписали совместное заявление о приверженности принципу соблюдения чистоты интернет-пространства и оперативной обработке информации, несущей террористический контент¹⁰⁴. Помимо

¹⁰² Большаков, А.Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 90-106.

¹⁰³ Бураева, Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве / Л.А. Бураева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 131-134.

¹⁰⁴ 赵丽莉. 多措并举依法遏制恐怖信息网络传播研究// 当前暴力恐怖活动的发展态势与对策策略/ 曹剑编。 - 乌鲁木齐: 新疆维吾尔自治区法学会出版社, 2014 年版。 - 570 页- 第 121 页(на русс. Чжао Лили. Исследование по сдерживанию распространения террористической информации в сети путем принятия в соответствии с законодательством комплексных мер // Тенденции развития и меры противодействия современной насильственной террористической деятельности / отв. ред. Цао Цзянь. – Урумчи : Изд-во «Юридическое сообщество Синьцзян-Уйгурского автономного района», 2014. – 579 с.–С. 121).

всего прочего, в результате кибератак, совершаемых террористами, может происходить утечка конфиденциальной информации, использование которой в свою очередь также может послужить причиной международных конфликтов и нестабильности в отношениях между государствами.

Рассматривая характерные черты религиозного терроризма, Ю. И. Авдеев¹⁰⁵ называет одним из его разрушительных последствий легитимацию и сакрализацию насилия и насильственных действий террористов, что ведет к массовому появлению сочувствующих и сопереживающих борцам с неверными, многие из которых в дальнейшем пополняют ряды сетевых международных террористических организаций, деструктивных сект и прочих структурных единиц террористических формирований. В качестве механизма реализации деструктивных планов сторонники религиозного терроризма зачастую используют прикрытие в виде гуманитарных организаций и учреждений, являющихся участниками международных обменов. Таким образом создаются законспирированные каналы распространения экстремистских идей в определенных районах, регионах и даже странах, деятельность которых направлена на массовое разрушительное воздействие на сознание людей с вытекающими последствиями.

Из представленных выше классификаций видно, что развитие технологий и процесс глобализации привели к появлению новых видов терроризма, а также возрастанию риска возникновения террористической угрозы. С развитием глобализации значительно увеличились и получили дополнительный импульс масштабы международной террористической деятельности, выраженные в количестве жертв атак, расширении круга субъектов терроризма (от террористов-одиночек и террористических организаций до государств), объеме финансового обеспечения и

¹⁰⁵ Авдеев, Ю. И. Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты // Реформирование России: от мифов к реальности. Т. 1. / Под ред. Г. В. Осипова (руководитель), В. К. Левашова, В. В. Локосова. Москва : ИСПИРАН. 2001. – 440 с.

пропаганды, а также фактами формирования условий политической и экономической дестабилизации¹⁰⁶.

Российский специалист Р. Х. Макуев указывает на увеличение риска осуществления террористических атак в сфере высоких технологий, что является прямым отрицательным последствием глобализации¹⁰⁷. М. З. Шкундин отмечает, что быстрые темпы развития процесса глобализации способствовали росту дисгармонии мирового хозяйства (возрастанию международной нестабильности), что привело к расширению такого дестабилизирующего фактора, как терроризм. Н. Я. Лепешкин в своей работе подчеркивает, что международный терроризм может рассматриваться в качестве средства борьбы с глобализацией, в результате чего деформации подвергаются традиционные ценности и т. п. Таким образом, глобализация и терроризм являются взаимосвязанными явлениями, в связи с чем при изменении динамики одного из них неизбежно происходит новый виток развития другого¹⁰⁸.

По результатам исследования террористических актов и личных данных субъектов терроризма, в т. ч. по этническому и конфессиональному признакам, появляется возможность заключить, что на современном этапе терроризм в большинстве случаев имеет международный характер. Тем не менее по-прежнему актуальной остается проблема разграничения внутреннего и международного терроризма и их взаимосвязи. Так, заместитель директора Всемирного исследовательского института экономики развития (UNU-WIDER) Университета ООН в Хельсинки (Финляндия) Т. Аддисон связывает международный терроризм с внутренними конфликтами и проблемами внутри государства¹⁰⁹. Профессор

¹⁰⁶Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 60.

¹⁰⁷Макуев, Р. Х. Терроризм в условиях глобализации / Р.Х. Макуев // Государство и право. – 2007. – №3. – С. 43-49.

¹⁰⁸Чернядьева, Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия : монография. – Москва : Проспект, 2019. – 336 с. – С. 37-38.

¹⁰⁹Addison, T. and Murshed S. Transnational Terrorism as a Spillover of Domestic Disputes in Other Countries //Defence and Peace Economics. 2002. – №16(2). – pp. 69-82.

Айовского университета (США) Б. Лай предполагает, что неспособность государства контролировать свою территорию ведет к выходу терроризма за границы страны¹¹⁰. Китайский исследователь Ли Цюань также связывает международный терроризм с состоянием экономической и политической систем внутри государства¹¹¹. А. Е. Михайлов указывает на следующие специфические свойства международного терроризма: намерения террористов распространяются на территории нескольких стран; террористические акты возникают в одной стране, перекидываются на соседние и могут закатываться за пределами региона; финансирование террористических организаций происходит из разных стран; ущерб от терактов терпят несколько стран; население разных стран становится жертвами террористической деятельности¹¹².

Необходимо отметить, что любая из разновидностей современного терроризма принимает международный характер, если несет в себе хотя бы одно из вышеперечисленных свойств. Считаем уместным добавить, что пособничество террористам со стороны иностранного государства (предоставление убежища и консультаций, организация идеологических тренингов и военной подготовки) также выводит терроризм на уровень международного. В этой связи возникают трудности юридического характера, в частности выделение совокупного субъекта терроризма (физическое лицо и государство), о чем говорит А. Е. Михайлов, рассматривая «пробелы» международного антитеррористического права¹¹³.

Кроме того, в последнее десятилетие очевидным становится вовлеченность влиятельных политических кругов иностранных государств,

¹¹⁰Lai, B. 'Draining the Swamp': An Empirical Examination of the Production of International Terrorism, 1968-1998 / B. Lai // Conflict Management and Peace Science. – 2007. – №24(4). – pp. 297-310. – P. 305. – URL: <http://www.jstor.org/stable/26275248> (дата обращения: 18.05.2021).

¹¹¹Li, Quan. Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents / Quan Li // Journal of Conflict Resolution. – 2005. – №49(2). – pp. 278-297. – URL: <http://www.jstor.org/stable/30045112> (дата обращения: 25.02.2021).

¹¹²Михайлов, А.Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект: монография. – Москва : Прометей, 2019. –120 с. – С. 59-60.

¹¹³Михайлов, А.Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект: монография. – Москва : Прометей, 2019. –120 с. – С. 61.

транснациональных корпораций, а также зарубежных спецслужб в деятельность террористического характера. В связи с чем считаем необходимым указать на тот факт, что в настоящее время все более четко вырисовываются контуры «дипломатического» терроризма, заключающегося в дискредитации государства дипломатическими средствами (например, агрессивными заявлениями официальных лиц: глав государств или представителей международных организаций), создающими как атмосферу нестабильности среди населения атакуемого государства, так и атмосферу страха и неприятия со стороны других государств. Таким образом, из формулировки видно, что данные действия вполне можно рассматривать как террористические, поскольку субъекты действия преднамеренно подрывают авторитет другого государства на мировой арене (политическая цель), тем самым наносится репутационный, зачастую переходящий в материальный, ущерб путем агрессивного политического нарратива, создающего обстановку паники среди населения. По нашему мнению, к фактам дипломатического терроризма можно отнести заявление генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга о признании России угрозой безопасности и стабильности¹¹⁴, а также неоднократные громкие высказывания официальных лиц США о поддержке демократии на Тайване, которые, с одной стороны, провоцируют выступления среди населения, с другой стороны, оцениваются китайскими экспертами в области международных отношений как фактор скорейшего объединения страны¹¹⁵. Безусловно, деструктивные последствия дипломатического терроризма будут иметь значительное дестабилизирующее влияние на международную систему.

¹¹⁴ Столтенберг: НАТО признает Россию угрозой своей безопасности. – URL: <https://ria.ru/20220619/nato-1796516149.html> (дата обращения: 19.11.2022).

¹¹⁵ 金灿荣。(13.08.2022) 佩洛西窜访台湾，让我们正式启动了国家统一进程。 – URL: https://www.sohu.com/a/575997864_121287511?scm=1102.xchannel:325:100002.0.6.0&spm=smpr.channel_248.block3_308_NDdFbm_1_fd.1.1668867054877TDbLzqV_324 (на русс.: Цзинь Цаньжун. Визит Пелоси на Тайвань позволит нам официально начать процесс национального воссоединения) (дата обращения: 19.11.2022).

В научной литературе по рассматриваемой проблеме довольно широко трактуют причины терроризма. П. Уилкинсон среди главных действующих катализаторов терроризма выделяет этнические, религиозные и идеологические конфликты, бедность, негативные последствия модернизации, проявления несправедливости, революционное настроение в обществе, слабое правительство и внутреннюю борьбу за власть¹¹⁶. Таким образом, он ссылается на политические, социальные, экономические, психологические и культурные факторы, неоднородные по своей природе.

Эксперт по стратегии безопасности Европейского Союза, профессор Университета имени Адама Мицкевича (Польша) С. Войцеховский в определении причин терроризма исходит из многогранности (гибридности) факторов и их наложении друг на друга: территориальной привязки, почвы проявления терроризма, времени и особенностей протекания и особенностей эволюционирования (трансформации) террористической деятельности¹¹⁷.

О. Кронин предлагает классифицировать причины терроризма по четырем уровням: 1) индивидуальный уровень – персональные мотивы, 2) уровень коллектива – желание индивида быть частью сообщества или группы, 3) государственный уровень – получение государством выгоды от терроризма, 4) международный уровень – терроризм в системе международных отношений в контексте теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона и трансформации терроризма в процессе глобализации¹¹⁸.

Российский исследователь А. К. Шарапов рассматривает деструктивную направленность террористической деятельности через негативные последствия проявлений и воздействий терроризма на

¹¹⁶Wilkinson, P. Terrorism: the international response / P. Wilkinson // The World Today. – 1978. – vol.34(1). – pp. 5-13. – P.9. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40395011> (дата обращения: 02.03.2021).

¹¹⁷Wojciechowski, S. Reasons of Contemporary Terrorism: An Analysis of Main Determinants / S. Wojciechowski / Radicalism and Terrorism in the 21st Century: Implications for Security ed. by Sroka A., Garrone F. C.-R., Kumbrian R. D. T., Frankfurt Am Main: Peter Lang AG, 2017. – pp. 49-70. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv2t4bgx.6> (дата обращения: 15.02.2021).

¹¹⁸Cronin, A., Ludes, J.M. Sources of Contemporary Terrorism / Attacking terrorism: elements of a grand strategy / A.K. Cronin, J. M. Ludes, Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2004. – 320 p.

определенные сферы общества; таким образом, он выделяет следующие дестабилизирующие функции терроризма: политические, экономические, морально-психологические, идеологические, организационно-мобилизирующие, криминогенные и международные¹¹⁹. При этом большинство терактов направлены не только на массовые человеческие жертвы (т.е. терроризирование, запугивание с определенными целями), нанесение материального либо экономического ущерба, но и на формирование панических настроений и атмосферы неуверенности в безопасности, воздействие которых на людей формирует благоприятную обстановку для достижения целей, которые преследуют террористы¹²⁰.

К основным политическим функциям относятся захват власти, подрыв устойчивости функционирования политической системы, дискредитация авторитета органов власти. Деструктивность терроризма в экономической сфере выражается в непосредственном нанесении материального ущерба, подрыве финансовой стабильности, разрушении инфраструктуры, создании экономических барьеров и т. п. Морально-психологическая функция заключается в создании атмосферы напряженности, безысходности, паники и страха, как результат – сокращение эффективности мыслительных процессов, заикливание и гиперчувствительность к информации, имеющей отношение к террористической угрозе¹²¹.

Идеологическая составляющая направлена на внедрение радикальных идей, популяризацию идей национализма, сепаратизма, расизма, этноцентризма, ксенофобии, религиозного фундаментализма и т. д. Криминогенность терроризма связана с незаконным распространением оружия, созданием криминального бизнеса по продаже наркотиков и

¹¹⁹ Шарапов, А.К. Деструктивная направленность доминирующих функций терроризма в геополитическом процессе / А.К. Шарапов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. – Т. 23, №9. – С. 123-133.

¹²⁰ Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 61. – DOI 10.22394/2071-2367-2020-15-2-57-72.

¹²¹ Leonie, H., et al The Consequences of Terrorism: Disentangling the Effects of Personal and National Threat / H. Leonie, et al. // Political Psychology. – 2002. – №23(3). – pp. 485-509. – URL: <http://www.jstor.org/stable/3792589> (дата обращения: 02.03.2021).

торговле людьми, доходы от которых идут на финансирование терроризма. Организационно-мобилизирующая функция состоит в создании очагов нестабильности в определенных точках государства, региона или мира. В международной функции А. К. Шарапов отдельно выделяет геополитический сегмент, дестабилизирующая роль которого заключается в покушении на территориальную целостность страны, захвате территории, создании самопровозглашенных территориальных образований (квазигосударство «Исламское государство»).

Аналитик Центра международных исследований и исследований в области безопасности Мэрилендского университета (США) Меррик Ямамото рассматривает возникновение деструктивных последствий терроризма в виде двухфазового процесса. Первая фаза включает в себя непосредственную угрозу жизни и материальный ущерб, нанесенные в результате насильственных действий. В данном случае материальный ущерб является наиболее видимым и измеримым последствием террористической атаки, его можно увидеть и оценить, а количество жертв можно подсчитать. Однако, как отмечает исследователь, некоторые потери, например, при приостановке деловой активности просчитать намного труднее, а определенные последствия могут быть непоправимы и не компенсированы, это относится к случаям уничтожения исторических и культурных памятников¹²².

Однако, по утверждению Ямамото, куда серьезнее и разрушительнее в экономическом, политическом и правовом плане могут быть последствия второй фазы, которые заключаются в ответной реакции третьих сторон на террористические действия. Имеется в виду повышение затрат государственных структур, частного бизнеса на обеспечение безопасности в условиях повышенной нестабильности и готовности к отражению новых террористических угроз. Терроризм вынуждает инвесторов, в том числе

¹²²Yamamoto, M. M. Terrorism against Democracy / M. M. Yamamoto. – Maryland: Center for International & Security Studies at Maryland, 2017. – 282 p. – Pp. 56-70. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep05041.7>. (дата обращения: 15.02.2021).

иностранных, отзываться капитал и приостанавливать проекты, а туристический бизнес – закрывать целые туристические направления, как это было в 2015 году в Египте после теракта над Синайским полуостровом. Китаю, в свою очередь, в связи с террористической угрозой приходится усиливать меры безопасности для дальнейшей реализации проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в Центральной Азии, в том числе «Китайско-пакистанского экономического коридора».

В политическом плане опосредованными деструктивными последствиями могут являться отвлечение и переключение внимания органов власти и мирового сообщества от одних проблем на проблему терроризма, таким образом вынуждая органы власти работать над разработкой нового законодательства, ограничение публичного общения (изоляция) с политическими или религиозными лидерами, сокращение дипломатического корпуса в странах и регионах с повышенным уровнем террористической угрозы и т. д.

С точки зрения прав и свобод человека, нанесение ущерба физическим лицам может повлечь за собой ответную реакцию, например, со стороны конкретных людей совершение самосуда или возмездия над подозреваемыми в причастности к терроризму. Усиление законодательных мер и ограничений со стороны органов власти (введение комендантского часа, организация дополнительных пунктов для идентификации личности, открытие центров образования и профессиональной подготовки для радикально настроенного населения (Синьцзян), правила ношения хиджабов в общественных местах) могут восприниматься как ущемление прав этнических меньшинств и отдельных слоев населения, зачастую такие меры подвергаются острой критике и порицанию со стороны западных стран и США, при этом с обвинением того же Китая в геноциде уйгуров.

В конечном итоге деструктивное влияние терроризма и появление новых террористических угроз в мире ведет к развитию определенных тенденций в его проявлениях и распространении. Согласно результатам

Глобального индекса терроризма-2020, в мире наблюдается тенденция смещения террористической активности в Южную Азию и Центральную Африку (регион к югу от Сахары). Как следствие, экономики этих регионов в 2020 году больше всего пострадали от терроризма¹²³.

Исследователи Нидерландского института международных отношений Клингendaель в качестве основных тенденций распространения современного терроризма называют постепенную релокацию ИГИЛ (запрещена в России) в регион юго-восточной Азии (Малайзию, Бангладеш, Индонезию и Филиппины); возвращение в Европу правого терроризма, вызванного исламизацией населения и преступлениями, совершенными беженцами с Ближнего Востока; укрепление связи ИГИЛ (запрещена в РФ) с криминальными структурами, при участии в преступной деятельности, направленной на получение дохода от контрабанды предположительно в Центральной Азии, Ближнем Востоке и на Балканах¹²⁴.

Учитывая тот факт, в 2022 году усилилась террористическая (в узком смысле) риторика официальных представителей государств, способная спровоцировать полноценные деяния и деструктивные последствия, о чем говорилось выше в работе, считаем нужным предположить, что «дипломатический» терроризм будет набирать силу и может стать негативной тенденций в международных отношениях.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о трансформации террористической деятельности; ссылаясь на это, профессор института права Чжэнчжоуского университета (КНР) Сюй Гуйминь отмечает «архаичность» самого понятия терроризма, указывая на необходимость следования определению терроризма пространственно-временным

¹²³Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, June 2020. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-2.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).

¹²⁴Bruijne, K., et al. New dots on the security horizon: Results from the Clingendael Expert Survey. Clingendael Institute, 2017. – 17 p. – pp.2-4. – URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2017-12/Report_Clingendael_Expert_Survey.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

изменениям истории и реальности¹²⁵, то есть говорит о необходимости эволюционирования термина исходя из появления новых террористических вызовов и угроз международному сообществу.

Несмотря на предпринимаемые попытки формулирования термина «терроризм», дефиниция сохраняет в себе довольно размытые контуры, что позволяет, порой, трактовать терроризм по-своему в зависимости от конъюнктурных реалий и преследуемых целей. Это касается и формулировок, предлагаемых научным сообществом, в том числе исследователей из России и Китая.

В российских академических кругах в силу бесспорного преступного характера террористической деятельности определение терроризма лежит в юридической плоскости. Российский исследователь О. В. Тепляков делает упор на политической функции терроризма и предлагает рассматривать его как «противоправное деяние, направленное на порождение ненависти с целью разложения общества и уничтожения государственности»¹²⁶. В. А. Пономарев под терроризмом понимает политику, основанную на систематическом применении террора, то есть устрашения, насильственных действий¹²⁷. Автор отмечает, что терроризм, несомненно, является преступлением, однако в настоящее время существуют противоречия в унификации подходов к оценке террористических действий (это касается и межгосударственного уровня), что является следствием отсутствия единой трактовки данного феномена.

Ю. С. Горбунов говорит о необходимости отграничить терроризм от смежных понятий (террора, политического насилия и т.п.), что не позволит участникам террористических действий избежать правосудия, таким

¹²⁵ 许桂敏, 司顺鑫. 恐怖主义概念研究 / 许桂敏, 司顺鑫 // 浙江警察学院学报. – 2016 年. – 153 (1). – 83-87 页. (на русс.: Сю Гуйминь, Сы Шуньсинь. Исследование концепций терроризма // Вестник Чжэцзянского колледжа полиции. – 2016. – 153(1). – С. 83-87).

¹²⁶ Тепляков, О.В. проблему в подходе к вопросу квалификации современного терроризма / О.В. Тепляков // Армия и общество. – 2010. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-v-podhode-k-voprosu-klassifikatsii-sovremennogo-terrorizma> (дата обращения: 25.11.2022).

¹²⁷ Пономарев, В.А. Понятие терроризма и его квалификация: философско-правовой аспект. / А.В. Пономарев // Вестник науки Сибири. – 2015. – №1(16). – С. 98-103. – С. 98.

образом, исследователь рассматривает терроризм с юридической точки зрения как совокупность противоправных действий и отвергаемой обществом идеологии противоправного насилия¹²⁸. Необходимо отметить, что представленные выше определения не определяют субъект террористических действий, а также не рассматривают возможные последствия (ущерб), нанесенный противоправными действиями.

Рассматривая узусальное значение терроризма, обратимся к Большой российской энциклопедии и универсальному китайскому энциклопедическому словарю «Цыхай». Так, российский энциклопедический источник дает следующее определение терроризму: «система взглядов (идеология) и преднамеренная деятельность отдельных лиц, групп и организаций, преследующая, как правило, политические цели и систематически использующая методы террора»¹²⁹. Китайский энциклопедический словарь «Цыхай» 1999 года издания использует терроризм как общий термин для преступных действий, связанных с применением насилия в отношении безвинных гражданских лиц для достижения определенных политических и религиозных целей¹³⁰. Определение терроризма в последней онлайн версии словаря «Цыхай» политизирует трактовку терроризма, называя его «крайним политическим воззрением, которое проявляется в угрозе или давлении на людей, вызывая чувства страха и подчинения, с целью противостояния органам государственной власти¹³¹». Во всех трех определениях явно обозначены политические цели терроризма, а в российском словаре даже уточняются субъекты террористической идеологии.

¹²⁸ Горбунов, Ю.С. Об определении понятий «Террор» и «Терроризм»/ Ю.С. Горбунов // Журнал российского права. – 2010. – №2(158). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-opredelenii-ponyatiy-terror-i-terrorizm> (дата обращения: 25.11.2022).

¹²⁹ Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4189950 (дата обращения: 09.12.2022).

¹³⁰ 姚臻. 关于“恐怖主义”的界定 / 姚臻 // 北京政法职业学院学报. – 2010 年. – 70 (2). – 74-77 页. (на русс.: Яо Чжэнь. К вопросу об определении терроризма / Чжэнь Яо // Журнал Пекинского профессионального колледжа политических наук и права. – 2010. – 70(2). – С. 74-77).

¹³¹ 辞海. – URL: <http://cihai123.com/cidian/1084018.html> (дата обращения: 20.11.2022). (Толковый словарь китайского языка «Цыхай»).

Китайский эксперт, директор Управления международной политики Китайской академии общественных наук Ли Шаоцзюнь в книге «Предостережения международной безопасности» рассматривает терроризм как акт применения организованного насилия или угрозу насилия со стороны боевиков в отношении невооруженных лиц с политическими целями, к которым можно отнести попытки заставить определенные объекты совершить действия, на которые они в обычных условиях не пошли бы¹³². Таким образом, автор концентрирует внимание на вооруженную составляющую проявлений терроризма, при этом цели указываются только политические, в то время как, по исследованиям практики террористической деятельности, цели преимущественно сочетают политические и экономические интересы, а религиозные и национальные порой являются своеобразной «ширмой».

Определение понятия «терроризм», данное профессором института международной политики и международных отношений Фуданьского университета Янь Шэньи, трактует это деструктивное явление «как насилие или угрозу насилия со стороны фанатично настроенных лиц или организаций, направленное против избранных учреждений, материальных объектов, транспортных средств или граждан, или это неизбирательные убийства или действия, приводящие к всеобщей трагедии в условиях массового нагнетания чувства страха среди мирного населения»¹³³. В представленном определении отсутствует, например, целевая составляющая. Также автор не рассматривает последствия проявления терроризма как точечного (акта террора), так и длительного явления, выходящего за целевые рамки организаторов и пособников.

¹³²李少军. 国际安全警示录 / 李少军. – 北京: 金城出版社, 1997 年版. – 第 153 页. (на русс.: Ли Сяоцзюнь. Предостережения международной безопасности / Ли Сяоцзюнь. – Пекин: Изд-во «Цзиньчэн чубаньшэ», 1997. – С. 153.

¹³³颜声毅. 当代国际关系 / 颜声毅. – 上海: 复旦大学出版社, 1996 年版. – 第 344 页. (на русс.: Янь Шэньи. Современные международные отношения / Янь Шэньи. – Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 1996. – С. 344).

В целом, в китайской научной мысли существует еще достаточно много вариантов трактовки дефиниции «терроризм», однако они базируются на представленных выше и во многом соответствуют им. Ван Ичжоу, главный редактор китайского научного журнала «Мировая экономика и политика», отмечает, что «зачастую определение терроризма является неполным, смешанным с конкретными интересами и ценностными ориентирами и, следовательно, недостаточно убедительным»¹³⁴. Таким образом, подчеркивается потребность корректировки понятийного аппарата, причем не статичной, а обусловленной принципами необходимости и своевременности.

Как видно из представленных определений, они оставляют возможность «выводить» заинтересованным сторонам деяния из-под конкретных, но «размытых» определений. В частности, в энциклопедических словарях не указывается на поддержку со стороны государств или, что активно используется в современном мире, негосударственных, т. е. частных и формально не имеющих связей с государствами, фондов различного рода. Также не рассматривается ущерб, которые наносят государствам террористические действия различного характера в аспекте авторитета на международной арене, т. е. репутационные издержки. К тому же современные события показывают непосредственную вовлеченность государств в поддержку террористической деятельности, а также попытках давления, граничащего с террором, на дипломатическом уровне, что, может быть, приведет к вычленению дипломатического терроризма как самостоятельного вида проявления международного терроризма. Уже 2022 год явился достаточно интересным с позиции трактовок дефиниции «терроризм», когда официальные представители органов государственной власти обвиняли оппонентов в «технологическом терроризме» или «государственном

¹³⁴王逸舟。如何界定恐怖主义/逸舟王// 现代国际关系。— 2001 年。— 第 10 期。— 22-24 页。(на русс.: Ван Ичжоу. Как определять терроризм / Ван Ичжоу // Современные международные отношения . — 2001. — 10. — С. 22-24).

терроризме», а порой и само государство называлось «государством-террористом», что недопустимо на дипломатическом уровне без предъявления соответствующих доказательств. Таким образом, необходимо совершенствование терминологического аппарата, прежде всего, дефиниции «терроризм» в части уточнения и конкретизации.

Принимая во внимание точку зрения Сюй Гуйминь и Ван Ичжоу, а также исходя из вышеизложенных деструктивных факторов терроризма и учитывая тот факт, что субъектом терроризма может выступать не только физическое лицо, но и государство, предлагаем в контексте работы рассматривать *терроризм как применение или угрозу применения насильственных действий, нанесение материального, морального, а также репутационного ущерба со стороны физических лиц, в том числе при поддержке государства, с целью извлечения политических выгод в идеологическом, организационном и правовом аспектах, дестабилизации систем национальной и общественной безопасности или подталкивании государственных администраций либо организаций международной сферы деятельности к принятию каких-либо решений, совершению какого-либо действия или, напротив, отказа от последних.*

Представленное выше определение носит уточняющий характер, направленный на учет современных реалий, однако далеко от совершенства и представлено с позиции международных отношений. Выделение репутационного ущерба позволит разграничить характер правовой ответственности за конкретный акт террора: физическое лицо, непосредственно совершающее акт терроризма, может преследовать материальную выгоду и подвержено уголовной ответственности по законодательству конкретного государства, а интересант и, возможно, спонсор (подстрекатель) данного теракта в лице государства должен быть подвержен международному порицанию. Таким образом, в дальнейшем необходима работа юридического характера, в том числе с выделением

совокупного субъекта терроризма (физическое лицо и государство), о чем говорит А. Е. Михайлов.

1.3 Научные концепты взаимодействия в формате сотрудничества по обеспечению международной стабильности

Важно учитывать тот факт, что научная дефиниция «взаимодействие» представлена в политической науке как в симметричных отношениях (сотрудничество, союз, соглашение), так и в асимметричных (соперничество, конкуренция, конфликт). Вследствие этого мы полагаем, что можно говорить о различных типах взаимодействий. Исследуя отношения России и Китая, необходимо иметь в виду, что для них также характерны два основных формата взаимодействия: соперничество на международной арене (конкуренция) и сотрудничество по ряду приоритетных направлений. Соперничество России и Китая за влияние на мировой арене имеет конкретные примеры и конкретные регионы, где конкуренция между странами достаточно сильна: постсоветское пространство (в особенности Средняя Азия), Африка, Латинская Америка. При этом соперничество РФ и КНР отражается, прежде всего, в области поставок вооружения и определенном идеологическом влиянии на развивающиеся страны.

Исходя из научных подходов, например итальянского политолога Дж. Сартори, отношения политий могут быть консенсусными или конфликтными¹³⁵. В рамках своей теории Сартори также отмечает согласительно конфликтные отношения, занимающие промежуточную позицию. На наш взгляд, отношения России и Китая в период 1990-х и 2000-х годов можно оценивать как согласительно конфликтные, переходящие в консенсусные: в ракурсе таких отношений правительства двух стран выходили на уровень консенсуса (ценностного, процедурного, на

¹³⁵Сартори, Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. Сборник статей / Пер с англ., нем., исп., венг., итал. / Составитель Киселева Е.А. – Москва : Политологический центр РАУ, 1992. – с. 122-127. – С.123.

уровне выработки и реализации согласованной внешней политики), преодолевая негативные последствия случайных событий и воздействия на эти отношения третьих стран.

М. Л. Титаренко и В. Е. Петровский, характеризуя отношения России и Китая по ряду критических вопросов после присоединения Россией Крыма в 2014 году, говорят о сдержанно-нейтральной позиции китайской стороны, готовой принять участие в урегулировании проблемы, не без получения выгод для себя¹³⁶. Такой позиции официальный Пекин предпочитает придерживаться и в свете проведения Россией специальной операции на Донбассе.

Наличие консенсуса между Россией и Китаем по ряду принципиальных международных вопросов подтверждают двусторонние транзакции (сделки), которые, по мнению профессора экономики А. Грайфа, подкрепляются общей установкой, эмоцией и мнением¹³⁷. В этой связи имеет смысл привести примеры сделок-транзакций между двумя странами: экономические (ввод газопровода «Сила Сибири»), политические (единое голосование в Совете Безопасности ООН, совместное право «вето»), социальные (одобрение большинством китайского общества проведения специальной военной операции России на Украине, поддержка российским обществом политики Китая в отношении Тайваня). Консенсус правительств двух стран серьезно влияет и на системную работу РФ и КНР, формируя многоплановое взаимодействие двух государств. Сам же подход России и Китая к взаимодействию на двусторонней и многосторонней основе очень значим, поскольку таким образом «капитализируются» преимущества сторон, которые впоследствии предоставляются в распоряжение общества¹³⁸.

¹³⁶Титаренко, М.Л., Петровский, В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / М.Л. Титаренко, В.Е. Петровский; Институт Дальнего Востока РАН. – Москва : Весь Мир, 2016. – 304. – С. 93.

¹³⁷Грайф, А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли/А. Грайф; пер. с англ. И. Кушнareвой; вступит. ст. М. Юдкевич. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с. – С. 72.

¹³⁸Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; Пер. с нем. И.Д. Газиева; Под ред. Н.А. Головина. – Санкт-Петербург : «Наука», 2007. – 648 с. – С. 536.

Исходя из вышесказанного, а также учитывая тот факт, что Россия и Китай имеют схожие позиции (консенсус) по ряду внешнеполитических вопросов (построение многополярного мира, отрицание гегемонии США и т.д.), в данной работе мы будем рассматривать взаимодействие с позиций сотрудничества в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности.

В современной литературе по теории международных отношений сотрудничество между государствами рассматривается как одна из функций международных отношений. Проблемой сотрудничества занимались представители разных теоретических школ политической мысли и международных отношений, а понятие «международное сотрудничество» широко употребляется в нормативно-правовой документации, в том числе международного уровня. Среди отечественных исследований международных отношений теории сотрудничества посвящены работы П. А. Цыганкова, М. М. Лебедевой, М. А. Мунтяна, А. В. Крысанова и т. д. В зарубежной политической науке проблемами сотрудничества занимались Р. Джервис, Р. Кохейн, Р. Аксельрод, Дж. Грико, Х. Милнер и др.

В теоретическом аспекте важнейший вопрос, который поднимался исследователями, заключался в определении понятия сотрудничества: что можно считать сотрудничеством, а также при каких условиях сотрудничество возникает. По утверждению Роберта Кохейна, феномен сотрудничества достаточно расплывчат, а его источники довольно многогранны и переплетены. Более того, он полагает, что особую важность в международных отношениях представляет осмысление сотрудничества с позиций преемственности и изменчивости ¹³⁹. Того же мнения придерживается и Роберт Джервис, указывающий на то, что зачастую

¹³⁹Кохейн, Р. Международные отношения: вчера и сегодня / Р. Кохейн // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопал. – Москва : Вече, 1999. –С.438-450. – С.442.

сотрудничество остается неясным в исследованиях, посвященных этой теме, и содержательные определения (сотрудничеству) все еще отсутствуют¹⁴⁰.

Тем не менее, обобщая определение сотрудничества из специализированных словарей (психологического, педагогического, культурологии, конфликтологии и т. д.) можно в качестве общего понятия обозначить сотрудничество как согласованное взаимодействие сторон, ориентированное на достижение определенного результата с учетом интересов всех участников процесса. Принимая во внимание направление исследования, международным сотрудничеством целесообразно назвать совместную деятельность субъектов международных отношений (государств и международных организаций) по поддержанию стабильности и обеспечению безопасности на различных уровнях управления (глобальном, региональном, двустороннем). Одним из актуальных направлений международного сотрудничества остается коллективное взаимодействие государств по противодействию глобальным вызовам международной стабильности, в том числе терроризму.

Рассматривая эволюцию теоретических взглядов на сотрудничество и принимая во внимание трансформацию и усложнение отношений между государствами, Майкл Гиллиган и Лесли Джонс в работе «Формальные модели международных институтов»¹⁴¹ выделяют три этапа развития прикладного исследования международного сотрудничества. По мнению ученых, фундаментальная основа теоретического исследования моделей международного сотрудничества сформировалась к середине 1980-х годов, когда сотрудничество выделилось как самостоятельное направление исследований международных отношений.

В исследованиях этого периода в основном в качестве участников международных отношений выступают государства, не затрагивается

¹⁴⁰Jervis, R. Realism, Game Theory, and Cooperation / R. Jervis // World Politics. – 1988. – Vol.40, no. 3. – pp. 317-347. – P. 330. – URL: <https://doi.org/10.2307/2010216> (дата обращения: 23.03.2021).

¹⁴¹Gilligan M.J., Johns L. Formal Models of International Institutions / M.J. Gilligan, L. Johns // The Annual Review of Political Science. – 2012. – Vol. 15. – pp. 221–243. – P. 222. – URL: <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-043010-095828> (дата обращения: 28.02.2021).

вопрос о влиянии внутренней политики государства на международное сотрудничество, а дискурс разворачивается в контексте различий теоретических подходов к изучаемой проблеме у представителей школ реализма (неореализма) и либерализма (неолиберализма).

Появление исследований международного сотрудничества второго поколения Гиллиган и Джонс относят к середине 1990-х годов. В этот период в исследованиях фокусируется внимание на прикладные модели переговоров по заключению международных соглашений в условиях отсутствия гегемона, прослеживается взаимосвязь между переговорами, соглашением и его выполнением, также предпринимаются попытки включить в международное сотрудничество фактор внутренней политики государства.

В 2000-х годах к изучению международного сотрудничества начинают подходить с позиции исследования его определенных параметров и характеристик, наиболее значимыми из которых являются ¹⁴² : *распределение* выгод между странами по результатам международных переговоров, *проработанность* (глубина) договора, степень *гибкости* правил взаимодействия, *мультилатерализм*, *функциональность международных институтов* (использование институтов для легализации применения силы, манипуляции внутренней политикой, раздувания бюрократических процедур и рассмотрения споров).

Рассмотрим понимание сотрудничества с позиции фундаментальных теоретических школ в международных исследованиях. Исходя из теории политического реализма (Ганс Моргентау, Эдвард Карр, Кеннет Томпсон, Джордж Кеннан и др.), люди в целом эгоистичны и агрессивны. Этим принципом руководствуются и главные участники «единицы» международных отношений – государства, которые в силу своей эгоистичной природы находятся в состоянии постоянного противоборства,

¹⁴²Gilligan, M.J., John, L. Formal Models of International Institutions / M.J. Gilligan, L. Johns // The Annual Review of Political Science. – 2012. – Vol. 15. – pp. 221–243. – P. 225. – URL: <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-043010-095828> (дата обращения: 28.02.2021).

что ведет к неизбежности конфликтов, поэтому задача государств заключается в максимизировании своей власти и безопасности, наращивании своего военного потенциала и создании союзов с другими государствами. При этом регулирующие договорными отношениями взаимодействия между государствами на мировой арене носят хаотичный характер.

Теоретическими разработками проблемы межгосударственного сотрудничества занимался представитель классического реализма Арнольд Уолферс¹⁴³. Теория взаимодействия государств стала одним из направлений исследования представителей школы неореалистов, которые в качестве объектов анализа рассматривали не только сами государства, но и союзы и организации, образованные ими. Представитель неореализма Кеннет Уолтц сравнивал государства с фирмами, которые могут конкурировать или сотрудничать¹⁴⁴. Согласно Уолтцу, взаимовыгодное взаимодействие снижает вероятность возникновения конфликтных ситуаций, однако в процессе сотрудничества и получения прибыли, исследователь поднимал вопрос, каким образом должна распределяться прибыль, кто получит большую прибыль и на что пойдет эта дополнительная прибыль. Последнему аргументу придается особое значение, так как в случае использования прибыли на приобретение вооружения повышается вероятность возникновения недоверия между акторами международных отношений и, как следствие, нарушения состояния стабильности системы международных отношений.

В свою очередь Дж. Грико предполагал, что на взаимодействие двух государств будут оказывать влияние исторические обстоятельства взаимоотношения стран, то есть государства с длительным опытом двусторонних контактов более расположены к сотрудничеству и меньше

¹⁴³Stoessinger, J. G. Review of Discord and Collaboration by A. Wolfers / J. G. Stoessinger – Текст: электронный // Naval War College Review. – 1962. – 15(4). – Pp. 451-452. – URL: <http://www.jstor.org/stable/45205384> (дата обращения: 10.02.2021).

¹⁴⁴Waltz, K. N. Structural Realism after the Cold War / K.N. Waltz // International Security. – 2000. – vol.25, no. 1. – pp. 5-41. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2626772> (дата обращения: 12.01.2021).

будут озабочены получением относительной выгоды¹⁴⁵. Это предположение вполне справедливо в отношении России и Китая, исторически связанных длительным временным отрезком (300 лет) и пространственным фактором, однако это не приуменьшает значения экономической составляющей сотрудничества.

Одним из действенных механизмов взаимодействия в стратегии реалистов являются военные блоки: государства создают институты безопасности, такие как союзы или организации коллективной безопасности, чтобы защитить себя от общих угроз. Представитель школы неореализма Стивен Краснер рассматривает международные институты как «совокупность принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания участников в данном конкретном случае международных отношений»¹⁴⁶. Таким образом, международные институты являются своеобразным общим проектом, в который вовлечены единомышленники для воплощения общих идей или видений для решения проблемы. В этом смысле институты являются структурами, снижающими неопределенность, поскольку единомышленники, инвестирующие в них, подтверждают свою приверженность общему пути.

Такие организации безопасности предлагают объединять резервы возможностей, которые могут удерживать общих врагов от нападения. Таким образом, реалисты в качестве лучших союзников называют государства с общими интересами, то есть с общими врагами¹⁴⁷, а движимой силой взаимодействия, согласно реалистам, являются национальные интересы. В тоже время, если государство способно обезопасить свои национальные интересы без сторонней помощи, оно будет стараться

¹⁴⁵Сандерс, Д. Международные отношения: неореализм и неолиберализм. Политическая наука: новые направления. / Под ред. Р. Гудинаи Х.-Д. Клингеманна. – Москва : Вече, 1999. – С. 418.

¹⁴⁶Krasner, S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables / S.D. Krasner // *International Organization*. – 1982. – vol. 36, no. 2. – pp. 185–205. – P. 196. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706520> (дата обращения: 25.03.2021).

¹⁴⁷Farber, H. S., Gowa J. Politics and Peace/ H.S. Farber, J. Gowa // *International Security*. – 1995. – Vol. 20, no. 2. – pp.123-146. – P. 135.

избегать взаимодействия (проведение специальной военной операции Россией на Украине, решение Китаем «тайваньского вопроса»).

Представитель китайской школы реализма, ученый в области международных отношений, профессор Пекинского университета Янь Сюэтунь является основоположником теории морального реализма, основанной на трудах китайских философов (Лао-цзы, Конфуция, Чжуан-цзы, Мо-цзы и т. д.) доциньского периода. Так, согласно теории морального реализма существует прямая взаимосвязь между взглядами и убеждениями лидера страны (представителя, обладающего политической силой), природой государства и устройством международной системы. Соблюдение универсальных принципов морали главой государства при реализации национальных интересов (соблюдение договоренностей, равенство, следование ритуалу (протоколу) и т. д.) усиливает политический вес государства на международной арене, ведет страну к лидерству среди союзников. Наличие союзников Янь Сюэтунь придает особую роль, призывая к отказу от политики невступления в блоки и альянсы¹⁴⁸. Таким образом, китайский исследователь не отвергает идею сотрудничества с позиции активного лидерства при следовании национальным интересам и поднимает вопрос универсальной морали, игнорируемой школой классического реализма, также не затрагивающей важность понятий идентичности и культуры и не придающей значения тому факту, что государства, например, с одинаковой религией и культурой, с большой вероятностью будут сотрудничать друг с другом.

Резюмируя парадигму сотрудничества реалистов, выделим основные положения:

¹⁴⁸ 阎学通、张旗。道义现实主义与中国的崛起战略 / 阎学通、张旗。— 北京：中国社会科学出版社，2018 年版。— 290 页。(на русс.: Янь Сюэтунь, Чжан Ци. Моральный реализм и восходящая стратегия Китая. — Пекин: Изд-во «Чжунго шэngxуэй кэсюэ чубаньшэ», 2018. — 290 с.)

1. Сотрудничество продиктовано необходимостью, это касается ситуаций, когда государство самостоятельно не способно отразить внешние угрозы собственными усилиями.

2. Партнерами становятся государства с общими интересами, причем идеологическая и культурная близость государств играют незначительную роль в становлении отношений сотрудничества.

3. Институты по обеспечению безопасности и союзы служат механизмами для координации деятельности и играют свою роль до того момента, пока не изменятся национальные интересы взаимодействующих государств.

Школа либерализма ориентирована на демократические принципы, стремление к сотрудничеству и объединение человечества. По мнению представителей либерализма, люди способны сдерживать агрессию, а такие институциональные образования, как государства и интеграционные объединения, должны трансформировать свои политические системы таким образом, чтобы субъекты регулирования в каждой стране оказывали содействие формированию и развитию сотрудничества в глобальном масштабе¹⁴⁹. В целом либералисты не поддерживают идею неизбежности войны и отмечают возможность эффективного межгосударственного сотрудничества при нейтрализации агрессии. В данном контексте уместно упомянуть концепцию «сообщества единой судьбы человечества», выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2012 году и направленной в том числе и на укрепление межгосударственного сотрудничества в борьбе с глобальными угрозами.

В теории стабильности Дойча и Сингера указывается на то, что взаимовыгодное сотрудничество и общность интересов могут служить инструментом, снижающим вероятность конфликтов и войн¹⁵⁰. Однако с

¹⁴⁹Лебедева, М. М. Современные глобальные вызовы: содержание и структура / М. М. Лебедева – // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 299-313.

¹⁵⁰Deutsch, K.W., Singer, J.D. Multipolar Power Systems and International Stability / Karl W. Deutsch, J. David Singer // World Politics. – 1964. – Vol. 16, No. 3. – pp. 390-406. – P. 402. – URL: <https://doi.org/10.2307/2009578> (дата

поправкой на то, что применительно к современным дестабилизирующим факторам глобального масштаба, например, международному терроризму или климатическим изменениям, этот принцип будет работать только в случае осознания всеми участниками международных отношений глобальных последствий распространения терроризма или климатических изменений, в противном случае сотрудничество отдельных государств не принесет видимых результатов.

Теоретик неолиберализма Роберт Кохейн определяет международное сотрудничество как скоординированное поведение между государствами, которое призвано принести им больше пользы, чем одностороннее поведение¹⁵¹. В данном определении можно выделить две ключевые мысли. Во-первых, сотрудничество рассматривается как согласованное поведение. Под координацией подразумевается то, что два или более участников ведут себя в соответствии с ожиданиями всех сторон, участвующих в такой совместной деятельности. Эти ожидания могут быть подкреплены, например, официальным соглашением, которое оговаривает ожидаемое поведение в рамках заранее заданной ситуации, или возникать спонтанно в результате официальной или негласной корректировки ожиданий акторами без официального соглашения или даже при отсутствии общения между сторонами. Второй элемент определения связан с причинами, лежащими в основе такого скоординированного поведения. Акторы координируют свое поведение исходя из понимания, что совместная деятельность принесет им большую пользу, чем единоличные попытки реализовать свои цели. Результатом скоординированного поведения необязательно должен быть материальный продукт, это также может быть эмоциональное, духовное или психологическое удовлетворение.

Остановившись на межгосударственном сотрудничестве, необходимо отметить, что оно может реализовываться в разных формах. Более того,

обращения: 28.05.2021).

¹⁵¹Maoz, Z., Henderson, E.A. *Scriptures, Shrines, Scapegoats, and World Politics: Religious Sources of Conflict and Cooperation in the Modern Era*. University of Michigan Press, 2020. – pp. 224-282.

одни и те же государства могут сотрудничать в одной сфере и открыто конфронтовать в другой (например, США и Китай сотрудничают в гуманитарной сфере и конфронтуют по ситуации вокруг Тайваня).

Многие отечественные и зарубежные исследователи международных отношений отталкиваются от определения сотрудничества Кохейна и, следуя ему, рассматривают возникновение сотрудничества при условиях, «когда участники согласовывают свое поведение с фактическими или прогнозируемыми предпочтениями остальных посредством процесса координации политик»¹⁵². Под координацией политики подразумеваются действия каждого государства в политической сфере, направленные на уменьшение негативных последствий для других государств. При этом важным результатом взаимодействия государств является возможность получения взаимной выгоды от процесса сотрудничества, то есть невозможность одного из государств получить выгоду ставит под сомнение вероятность реализации сотрудничества.

Роберт Джервис в работе «Реализм, неолиберализм и сотрудничество: понимание дебатов» (1999) указывает, что неолиберализм склонен к сотрудничеству не более реализма, однако сторонники неолиберализма находят в мире намного больше нереализованных или потенциальных возможностей сотрудничества, чем реалисты. Так, сторонники неолиберализма подчеркивают роль институтов и институциональных механизмов в развитии сотрудничества, в то время как реалисты считают их сомнительным инструментом, поскольку государство будет вовлекать их в сотрудничество, если только видит в этом очевидную выгоду и преимущество. Анализируя роль и связь институтов с политикой и сотрудничеством, с позиции механизмов и подходов в достижении определенных целей Р. Джервис выделяет 3 вида институтов¹⁵³:

¹⁵²Keohane, R.O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton: Princeton University Press, 290 p.

¹⁵³Jervis, R. *Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate* / R. Jervis // *International Security*. – 1999. – Vol. 24 (1). – pp. 42-63. – P. 54. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2539347> (дата обращения: 21.02.2021).

– институты со стандартными подходами к управлению взаимодействиями, такими как торговые договоры и союзы;

– институты с инновационными подходами, обладающие высоким потенциалом разрешения конфликтов и налаживания сотрудничества посредством предложения нестандартных путей решения проблем (например, разработка компромиссных предложений по решению перуанско-эквадорского пограничного конфликта в 1995 году);

– институты, способные изменять представления государств о возможном и желаемом, а также влиять на ожидаемые результаты в вопросах международных договоренностей.

Резюмируя, в концепции сотрудничества либералистов и неолибералистов можно выделить несколько главных идей:

1. Поведение каждого участника направлено на получение определенной выгоды, эти цели необязательно должны быть одинаковыми, но их достижение подразумевает рациональное поведение.

2. Сотрудничество обеспечивает участников прибылью (наградой), прибыль необязательно должна быть одинаковой, но она должна быть взаимной.

3. Создание международных институтов, продвигающих поддержание глобальной стабильности и соблюдение международных правовых норм, увеличивает шансы развития межгосударственного сотрудничества.

В 1990-х годах популярным течением в международных отношениях становится *конструктивизм*, теоретиками которого считаются Фридрих Кратохвилл, Николас Онуф и Александр Вендт. Основная критика конструктивистов, направленная против других парадигм, лежала в области категории интересов, воспринимаемых сторонниками реализма и либерализма, по мнению конструктивистов, как экзогенные, неизменные и, в первую очередь, материальные. Конструктивистский подход рассматривает интересы как переменную категорию, которая может меняться со временем и отличаться от одного государства к другому.

Реализм и либерализм отмечают материальность интересов государств, то есть склоняются к тому, что интересы можно измерить военным потенциалом, экономическим богатством или внутренней стабильностью. Конструктивисты в качестве материальных индикаторов интересов рассматривают социальные факторы или социальную природу акторов международных отношений, например: национальную идентичность, формирующие восприятие и мировоззрение лидеров государств, понятия партнерства и соперничества и так далее. В основе идентичности, по мнению конструктивистов, лежат не только культурные и религиозные ценности, социальные и политические атрибуты, но и представления и убеждения, приобретенные в процессе действий, речевых актов (высказываний, убеждений) и дискурсивного взаимодействия с окружающим миром. Таким образом, как отмечает Т. А. Алексеева, идентичность и интересы акторов конструируются разделяемыми идеями, нормами и правилами. Однако, принимая во внимание тот факт, что государство может извлекать определенную выгоду из взаимодействия с другими странами, конструктивизм не отвергает полностью материальные интересы, а главными вопросами в области международного сотрудничества оставляет, зачем и с кем сотрудничать.

Отвечая на эти вопросы, теоретики конструктивизма Фридрих Кратохвилл и Николас Онуф утверждают, что в основе сотрудничества лежит концепция идентичности, зависящая от национальной специфики государства, идейной близости между государствами (общности их ценностей) и формируемая под влиянием эмоциональной привязки (обоюдности), коммуникативного процесса и ритуальной (протокольной) деятельности¹⁵⁴. Степень совпадения идентичностей определяет политику государства, принимающего решение о выстраивании межгосударственных

¹⁵⁴ Азизов, У.Б. Конструктивизм в международных отношениях: интерпретация Николаса Онуфа, Фридриха Кратохвила и Александра Вендта / У. Азизов. – Санкт-Петербург: Алетей, 2015. – 159 с. – С.90.

отношений в трех плоскостях: сотрудничество, нейтралитет или угроза¹⁵⁵ (по Сантори: консенсус, согласительно-конфликтные отношения и конфликт). На общих ценностях и идеях строится доверие и устанавливаются «правила игры», т.е. социальные нормы. Поскольку для сотрудничества требуется доверие, вероятность сотрудничества между государствами возрастает по мере совпадения идей.

Выделим основные положения концепции сотрудничества в контексте конструктивизма:

1. Общие идеи и разделяемые нормы и правила конструируют международное сотрудничество и определяют интересы.

2. Каждое государство самостоятельно принимает решение о сотрудничестве посредством установления идентичности других акторов под влиянием эмоциональной привязки, коммуникативного действия (речевых актов) и ритуальных связей.

3. Государства являются социальными субъектами, поэтому им присущи коллективные взаимоотношения, например, в рамках организаций.

4. На более поздних этапах государства продолжают сотрудничество на основе представлений и опыта, приобретенных в процессе совместной деятельности («конструируемой в процессе коммуникации» идентичности).

Обобщая концепции сотрудничества в рамках вышерассмотренных теоретических школ международных отношений, сопоставим их основные положения в размере актуальных для международного взаимодействия критериев (характера взаимодействия, механизмов взаимодействия, мотивов взаимодействия) в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Теоретические подходы реализма, либерализма и конструктивизма к межгосударственному сотрудничеству

Критерии сотрудничества	Теоретические школы международных отношений		
	Реализм	Либерализм	Конструктивизм
Характер	Хаотичное взаимодействие	Рациональное поведение	Дискурсивное, интересубъективное

¹⁵⁵ Алексеева, Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т.А. Алексеева // Сравнительная политика. – 2014. – 1 (14). – с. 4-21. – С. 15.

			взаимодействие
Мотивы	Обеспечение национальной безопасности посредством силового фактора	Получение глобальной выгоды (экономической, политической) всеми сторонами	Общие идеи, основанные на понятии идентичности, формируемой под влиянием коммуникативных действий, эмоциональной привязки и протокольной деятельности
Механизмы	Создание военных блоков, наращивание военного потенциала	Международные институты и организации	Разделяемые правила и нормы, конструирующие социальную реальность (международные отношения) посредством речевых актов и языковых понятий

Анализируя механизмы сотрудничества, считаем необходимым подчеркнуть, что они в полной степени соответствуют и взаимодействию акторов мировой политики в области обеспечения международной стабильности, т.е. для реалистов – это проведение политики сдерживания путем наращивания военного потенциала; для теории либерализма – использование авторитетных международных институтов, способных не допустить или снизить дестабилизацию мировой системы; для конструктивистов – реализация дискурсивного взаимодействия сторон посредством аргументации своей позиции и формирования одинаковой трактовки угрозы.

Принимая во внимание содержательную часть критериев сотрудничества каждой из теоретических школ, можно отметить, что для взаимодействия России и Китая характерны в той или иной мере черты каждой из теорий:

1. Характер сотрудничества определяется такими чертами либерализма и конструктивизма, как рационализм, выраженный в использовании международных институтов в качестве площадок по

выработке решений по обеспечению международной стабильности, и дискурсивность (созидательный диалог, прежде всего, на двусторонней основе). При этом страны стремятся поддерживать оборонный потенциал, что можно отнести к основам теории реализма.

2. Мотивы сотрудничества двух стран включают в себя обеспечение национальной безопасности и целостности территории посредством развития вооруженных сил (теоретические основы реализма); двусторонние экономические интересы, в т.ч. в рамках глобальной концепции Китая построения «сообщества единой судьбы» (теоретические основы либерализма), общей идеи построения многополярного мира на основе взаимовыгодного партнерства и разделяемых ценностей (теоретические основы конструктивизма).

3. Механизмы сотрудничества направлены на укрепление военного потенциала России и Китая путем проведения совместных военных учений, реализации импорта-экспорта продукции военного назначения (реализм), представлены международными организациями с совместным участием (ШОС, БРИКС, РИК, АТЭС) (либерализм) и подчинены разделяемым нормам и правилам, сформулированным в процессе успешных речевых актов (высказываниях и утверждениях) и зафиксированных в программных документах(конструктивизм).

Суммируя вышеобозначенные утверждения о характерных чертах российско-китайского взаимодействия и учитывая характер угроз, с которыми сталкиваются Россия и Китай, можно заключить, что сотрудничество двух стран отвечает основным тезисам гибкого реализма (по Д. Сандерсу) и придерживается определенной стратегии взаимодействия.

Во-первых, взаимодействие России и Китая руководствуется такими внешнеполитическими мотивами гибкого реализма, как обеспечение безопасности, получение выгоды и поддержание (а в случае Китая утверждение за собой) статуса сильной военной державы.

Во-вторых, обе страны используют экономические механизмы и стратегическое политическое партнерство для укрепления и поддержания своих позиций на международной арене (особенно в условиях широкого санкционного воздействия на Россию).

В-третьих, Россия и Китай занимают активную позицию лидерства в функционировании международных региональных организаций (например, ШОС, БРИКС, РИК) и их дальнейшего развития.

Наконец, при прямой угрозе или военном воздействии на Россию и Китай со стороны одного агрессора (например, США) вполне допустимо, что обе стороны в оборонительных целях, несмотря на политику невмешательства Китая, начнут проводить реалистическую стратегию с образованием военно-политического блока, о чем давно говорят США и их союзники.

В ракурсе основных научных теорий и походов мы отмечаем, что взаимодействие национальных государств на международной арене (в нашем случае России и Китая) по большей части имеет смешанно-мотивированный характер, который выражается в том, что государства сотрудничают, когда совместная деятельность максимизирует выгоду отдельного государства, а также общую выгоду всех участников взаимодействия, точно также государства сотрудничают с целью избежать индивидуальных, а также коллективных катастроф, т. е. недопущения (уменьшения) потенциальных потерь.

Целесообразность продуктивного взаимодействия России и Китая на международной арене по предотвращению угроз логично объяснить через призму геополитического и цивилизационного подходов в международных отношениях и дипломатии. Геополитический подход существования жизненных форм политики национальных государств, по оценке К. Хаусхофера, предполагает наличие у государств мощного инстинкта¹⁵⁶,

¹⁵⁶Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер // Геополитика: Антология. – Москва : Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 256-324. – С. 278.

связанного со стремлением расширения своего жизненного пространства, а также попытками территорий и общин государств добиться общенационального успеха. Исторически это свойственно и России, и Китаю, к тому же имеются схожие механизмы расширения жизненного пространства. Цивилизационный подход (С. Хантингтон, О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Я. Данилевский) предполагает разделение мира на цивилизационные сообщества и ранжирование этих сообществ в мире.

К примеру, С. Хантингтон из выделенных им восьми цивилизаций четыре считает доминантными, включая западную, славянско-православную, конфуцианскую (китайскую) и исламскую. Наличие этих цивилизаций предопределяет как конфликты и столкновения между ними, так и сотрудничество между некоторыми из них. Вышедшая в 1993 году работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» уже обозначила наличие конфликта в ситуации, когда могущество Запада (по выражению С. Хантингтона) сталкивается с незападными странами, которые обладают ресурсами, волей и стремлением в придании миру незападного облика¹⁵⁷. На цивилизационном подходе строится и концепция евразийства (неоевразийства), которая, по мнению ряда российских политиков (В. В. Путин, С. В. Лавров) и исследователей (А. Г. Дугин, М. Л. Титаренко, С. А. Панарин), должна стать основой для поддержания продуктивного сотрудничества России с другими государствами, в том числе Китаем, поскольку два государства опираются на близкие ценности и смыслы.

Рассматривая концепции межгосударственного сотрудничества, считаем необходимым остановиться на классификации сотрудничества, а также условиях, при которых оно может быть реализовано. Американский политолог Хелен Милнер в работе «Международные теории сотрудничества между народами: сильные и слабые стороны», анализируя труды Р. Кохейна, Дж. Грико, К. Ой, П. Хааса и Р. Аксельрода, взяв за основу пути достижения

¹⁵⁷ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Геополитика: Антология. – Москва : Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 591-628. – С. 612.

сотрудничества, выделяет следующие виды сотрудничества: неявное, согласованное (осознанное) и навязанное. Неявное сотрудничество возникает без заключения соглашений и договоренностей, оно реализуется на основе тождественных и совпадающих намерений участников. Р. Аксельрод рассматривает такой тип взаимодействия в контексте дилеммы заключенного.

Самым распространенным типом сотрудничества считается согласованное сотрудничество, достигнутое в результате сознательных взаимодействий по согласованию политики. Как отмечает Х. Милнер, большая часть работ в теории международных отношений посвящена именно этому типу сотрудничества.

При навязанном типе сотрудничества более сильная сторона может принудить более слабую сторону к пересмотру своей политики. В данной ситуации сотрудничество состоится, если сильная сторона тоже будет корректировать свою политику в сторону реализации взаимных интересов. Однако чем асимметричнее соотношение сил, тем более неравномерным будет распределение выгоды, тем не менее перевес полученных преимуществ не обязательно должен быть в пользу более сильного участника. Данный тип сотрудничества рассматривается учеными в контексте теории гегемонистской стабильности: гегемон может выступать функциональным эквивалентом общественной власти в международной политике и, таким образом, способствовать сотрудничеству.

Отечественный исследователь М. А. Мунтян к типам международного сотрудничества также относит переговоры и создание специализированных институтов. В переговорах он видит путь к реализации сотрудничества и показатель его существования. Что касается специализированных институтов, то примером могут служить институты ООН, например, Совбез ООН, содействующий развитию сотрудничества по поддержанию

безопасности и стабильности в мире¹⁵⁸. С целью определения ситуаций реализации межгосударственного сотрудничества Х. Милнер вводит ряд гипотетических условий, остановимся на каждом из них¹⁵⁹.

1. Теория абсолютной выгоды, относительной выгоды и взаимности.

Один из основных тезисов в теории межгосударственного сотрудничества заключается в стремлении государств к получению абсолютной выгоды в процессе взаимодействия. Исходя из экономических причин, государства рационально взаимодействуют с целью получения чистой прибыли. Р. Аксельрод, Р. Кохейн и другие сторонники неореализма утверждают, что поведение, основанное на принципах сотрудничества, вероятнее всего, будет демонстрироваться в ситуациях, когда страны придерживаются стратегии взаимности (взаимозависимости), так как они осознают, что будут поощрены за сотрудничество и наказаны за уклонение от него.

В теории игр ключевыми элементами взаимности выступают санкции и итерация (длительность и повторяемость процесса), таким образом, в теории игр сотрудничество возможно тогда, когда уклонение от сотрудничества наказуемо, а это вероятно только в ситуации повторения игры. Сотрудничество возникает негласно, оно формируется с течением времени, когда ожидания акторов сходятся (совпадают).

Р. Кохейн указывает, что центральными элементами сотрудничества являются непредвиденность и равноценность. Взаимность заключается в обмене приблизительно равноценным восприятием плохого и хорошего. Отсутствие равноценности или его нехватка, вероятнее всего, приведут к недопониманию сторон или даже перерастут во вражду, а не сотрудничество.

¹⁵⁸Мунтян, М.А. Основы теории международных отношений / М.А. Мунтян. – Москва : Изд-во МАБиУ, 2006, – 270 с. – С.177.

¹⁵⁹Milner, H. International Theories of Cooperation among Nations: Strengths and Weaknesses / H. Milner // World Politics. – 1992. – 44(3). – pp. 466-496. – URL: <https://doi.org/10.2307/2010546> (дата обращения: 15.02.2021).

Дж. Грико затрагивает проблему абсолютных и относительных выигрышей. Исследователь утверждает, что в погоне за относительными выигрышами государства всегда сравнивают свои абсолютные выигрыши с выигрышами других акторов. Однако даже в случае если все акторы получают свою абсолютную выгоду, ни один из участников не хочет получить меньше, чем другие, таким образом, озабоченность относительным выигрышем препятствует сотрудничеству между сторонами. Исходя из теории реалистов о том, что международные отношения являются «анархичными», а взаимодействие хаотичным, государства находятся в состоянии конкуренции и конфликтности, поэтому о продуктивном сотрудничестве говорить довольно трудно. Однако Грико отмечает, что сотрудничество может иметь место при условии достижения равноценного обмена между сторонами (одна сторона идет на уступки и ожидает от другой стороны равноценной компенсации).

Таким образом, идея сбалансированного обмена Грико, концепция взаимности Кохейна и стратегия «око за око» Аксельрода, по мнению Милнер, сводятся к следующему: стремление к абсолютному выигрышу в сочетании с взаимностью могут быть равноценны предположению, что все государства ориентированы на получение относительной прибыли.

2. Теория количества акторов.

До сих пор остается открытым вопрос о количестве участников взаимодействия: является ли двустороннее сотрудничество более эффективным и надежным, чем многостороннее.

Сторонники теории (парных) игр оперируют утверждением, что при многостороннем сотрудничестве увеличивается вероятность уклонения от взаимодействия и уменьшается вероятность быть наказанным за такие действия. С другой стороны, Грико отмечает, что большее количество игроков увеличивает возможности равноценного обмена и побочных платежей (дополнительной выгоды). Кроме того, при многостороннем взаимодействии участники стратегически могут быть разделены (например,

по принципу влияния) на более мелкие группы, например, для проведения переговоров в несколько этапов. И наконец, защищая себя от возможных потерь, несколько игроков могут объединяться в коалиции.

3. Гипотеза итерации (длительности) строится на заключении о том, что желание государств вступать в сотрудничество зависит от того, насколько они верят в продолжительное взаимодействие. Таким образом, длительность сотрудничества определяется восприятием и ожиданиями лиц, участвующих в принятии решений.

4. «Гипотеза международных режимов», или гипотеза об узловых точках (центрах) международного взаимодействия, говорит о том, что эти взаимодействия можно охарактеризовать как систему правил, норм и процедур по принятию решений, они дают представление о ключевых интересах сотрудничающих сторон. Таким образом, деятельность режимов направлена на укрепление взаимодействия сторон, а также решение проблем, связанных с уклонением от сотрудничества. Например, Генеральное соглашение по тарифам и торговле. Режимы (центры) выступают в роли своеобразного информационного банка, располагающего информацией о фактическом соблюдении договоренностей и вероятности мошеннических действий со стороны участников.

5. «Гипотеза эпистемических сообществ», то есть группы экспертов (например, из научных кругов), разделяющих общие ценности и понимание проблемы, и их роли в наращивании сотрудничества. Эпистемические сообщества, как и «режимы», аккумулирующие информацию о поведенческих проявлениях сторон, обеспечивают переговорщиков экспертным материалом, конкретным предложением, служащим ключевым пунктом, координирующим процесс переговоров и продвигающим дальнейшее сотрудничество, таким образом, обеспечивается устойчивость взаимодействия. Как правило, государства с деятельным эпистемическим сообществом занимают активную позицию в сотрудничестве, что указывает на взаимосвязь «сообществ» с внутренней политикой.

6. «Гипотеза асимметрии силы», которая базируется на предположении о положительной роли сильного участника в координировании сотрудничества, что придает ей сходство с теорией гегемонистской стабильности в ее «умеренном» варианте.

Значительный вклад в изучение процессов сотрудничества внесла математическая теория анализа взаимодействия сторон, получившая название «теория игр». В свете отхода от однополярности в настоящее время теория игр находит применение для анализа международных отношений. В частности Дегтерева в качестве основных направлений применения теоретико-игровых подходов в исследовании международных отношений в 2000-е годы называют международные переговоры и сотрудничество, обеспечение стратегической стабильности, исследование международных организаций¹⁶⁰. Чаще всего для анализа взаимодействия стран и построения стратегии сотрудничества в международных отношениях используют такие игры, как «Дилемма заключенного» (вопрос доверия между взаимодействующими странами), «Страховка» (взаимодействие стран по вопросам глобального характера), «Охота на оленя» (взаимная выдача преступников).

Кроме того, теория игр является важным инструментом для исследования противодействия терроризму, поскольку она позволяет в полной мере охватить стратегическое взаимодействие между террористами и взаимосвязанными общими интересами государствами-«мишенями». Таким образом, задается широкий спектр стратегических ситуаций и выбора стратегий в рамках актуализированной террористической угрозы¹⁶¹.

Среди ряда ученых, применявших теорию игр в сфере исследования проблем сотрудничества, необходимо отметить Роберта Джервиса,

¹⁶⁰ Дегтерев, А.Х., Дегтерев, Д.А. Теория игр и международные отношения / А.Х. Дегтерев, Д.А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №2. – С. 79-89. – С. 80.

¹⁶¹ Arce, D.M.G., Sandler, T. Counterterrorism: A Game-Theoretic Analysis / D.M.G. Arce, T. Sandler // The Journal of Conflict Resolution. – 2005. – vol. 49, no. 2. – P. 183–200.

изучавшего возможности и потенциал сотрудничества в контексте дилеммы безопасности по модели некооперативной игры «дилемма заключенного».

Идеи Р. Джервиса получили дальнейшее развитие в трудах другого американского ученого Роберта Аксельрода, чьи исследования посвящены проблеме установления сотрудничества между отдельными лицами в условиях отсутствия центральной власти¹⁶². В результате отбора наиболее результативных стратегий в повторяемой дилемме заключенного Р. Аксельрод разработал принципы поведения, соблюдение которых способствует укреплению межгосударственного сотрудничества и поддержанию состояния стабильности мировой системы¹⁶³.

1. Не идти на предательство первым, пока оппонент не будет уличен в факте измены.

2. Использовать мщение и поощрение в качестве ответной реакции на предательство: акт мщения должен сменяться проявлением великодушия и возобновлением сотрудничества при условии раскаяния оппонента и его желания продолжить взаимодействие.

3. Отказаться от демонстрации излишнего ума, показывать предсказуемость действий и соответствие ожиданиям оппонента, чтобы тот мог предвидеть возможный ход событий.

4. Побороть зависть, соперничество и стремление к наживе, помнить о том, что поражение одной стороны приведет и к потерям другой.

А. Дегтерев в качестве основных направлений применения теоретико-игровых подходов в исследовании международных отношений в 2000-е годы называет международные переговоры и сотрудничество, обеспечение стратегической стабильности, исследование проблем международного терроризма и международных организаций.

Резюмируя теоретический материал по теории сотрудничества (как формы взаимодействия между государствами), считаем уместным

¹⁶²Дегтерев, А.Х., Дегтерев, Д.А. Теория игр и международные отношения / А.Х. Дегтерев, Д.А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №2. – С. 79-89. – С. 83.

¹⁶³Axelrod, R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1985. – 241 p.

рассматривать взаимодействие России и Китая на двусторонней и многосторонней основе как комплекс решений и действий, площадок и процедур для обмена значимой информацией, адаптивным опытом и положительными практиками. Данный комплекс решений и действий России и Китая приводит к улучшению сотрудничества стран во внешнеполитической и экономической сферах, повышению эффективности совместной деятельности на мировой арене, увеличению потенциала двустороннего сотрудничества, а также снижению остроты политических деструкций, прежде всего терроризма. Принимая во внимание теорию «гибкого реализма», можно утверждать, что политическое партнерство и линия поведения России и Китая опираются на рациональный выбор и направлены на обеспечение стабильности и решение внутренних проблем, а также приращение посредством дипломатии как собственного блага, так и международного. В этом случае дипломатия рассматривается нами как инструмент реализации межгосударственных отношений, направленных на создание предпочтительных условий для страны во внешней политике и международной торговле, а также в сфере стратегической безопасности, включая противодействие международному терроризму. В последние 30 лет продуктивная дипломатия России и Китая в китайском обществе и правящем классе базируется на отсутствии русофобии, а в России – на угасании антикитайских настроений, прежде всего среди жителей Дальнего Востока.

Подводя итоги первой главы диссертационного исследования, необходимо отметить следующее.

Во-первых, стабильность в международных отношениях представляет собой динамическое состояние международной системы, которая характеризуется комплексом свойств и факторов текущего положения и тенденциями развития, что обеспечивает возможность своевременного и эффективного управления переменными параметрами системы. Одним из наиболее важных переменных параметров динамики международной

системы являются реальные и потенциальные угрозы, способные вывести систему из состояния динамического равновесия, то есть нарушить международную стабильность, служащую ориентиром международной деятельности национальных государств, в том числе России и Китая, а также системой диалога, решений и действий государств в направлении осуществления на практике курса поддержания стабильности в мире.

Во-вторых, ключевой угрозой для современной международной системы и миропорядка становится растущее влияние феномена терроризма как источника глобальных дисбалансов. На основе имеющейся эмпирической информации автор исследовал причины возникновения данной политической деструкции, феномен международного терроризма, а также современные тенденции трансформации терроризма, в частности, появление террористического подхода в дипломатии. Мы полагаем, что в глобальном масштабе каждая из волн террористической активности сопровождалась формированием различных организаций, ставивших перед собой определенные цели (политические, социальные, религиозные) и использующих для их достижения террористическую деятельность¹⁶⁴.

В-третьих, современное состояние и динамика реализации межгосударственного сотрудничества, включая взаимодействие России и Китая, определяются как, в целом, глобальными процессами, так и внутренним положением в конкретных государствах. Однако с учетом процесса глобализации и постоянно трансформирующегося мироустройства с нарастающим числом международных конфликтов, различных типов войн, терроризмом происходит повышение значимости межгосударственного сотрудничества. Следовательно, задействуются различные механизмы, инструменты и технологии, реализующие направления внешней политики

¹⁶⁴Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 70.

между странами, основным из которых является дипломатия на различных уровнях с участием двух и более сторон.

Формы двустороннего и многостороннего сотрудничества России и Китая зависят непосредственно от направления взаимодействия, а их выбор определяется целями и задачами, стоящими между взаимодействующими сторонами. Можно говорить о том, что в настоящее время с целью поддержания международной стабильности и обеспечения безопасности идет поиск оптимальных инструментов для противодействия терроризму в соответствии с нормами и правилами международного права.

2 РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ И ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: УРОВНИ И ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Для становления, развития и углубления взаимодействия России и Китая в борьбе с террористической угрозой, укрепления международной стабильности, ориентиром которой, согласно доктринальным документам двух стран, является многополярный мир, формируемый на принципах справедливости и равной безопасности, характерна некая предопределенность. Данный детерминизм взаимодействия РФ и КНР обусловлен двумя блоками причин. Первый блок – ценностный, позволяющий реализовывать на практике символический интеракционизм. Это приверженность традиционным ценностям, характерным для российского и китайского общества, идеи развития и конструктивного сотрудничества государств на международной арене, схожие подходы двух стран в формировании миропорядка, наличие индивидуальной цивилизационной идентичности (славянско-православной и конфуцианской) в рамках конфликта цивилизаций. Второй блок причин – рационально-реалистичный. Россия и Китай сформировались в 1992-2022 гг. как стратегические партнеры, взаимодействие которых на мировой арене основано на взаимных интересах и обоюдной выгоде. Кроме того, для РФ и КНР характерна общность взглядов двух стран на решение проблем международной безопасности, обеспечение региональной и глобальной стабильности и защищенность пограничного пространства. Такой блок причин также сближает Россию и Китай в подходах в борьбе с террористической угрозой.

2.1 Предпосылки взаимодействия России и Китая в борьбе с терроризмом

Терроризм сегодня характеризуется все большей интернационализацией, чему способствуют объективные процессы развития мировой системы (прежде всего, глобализация, ускорение НТП и т. п.). В связи с этим и противостояние данному деструктивному явлению должно носить признак научной обоснованности, системности и опираться на международное сотрудничество, особенности которого проявляются в уровнях его осуществления: глобальном, региональном и двустороннем (возможно распределение на подуровни). К данной идее есть обращение и в новой стратегии национальной безопасности (утверждена президентом РФ В. Путиным 02 июля 2021 года), которая подчеркивает необходимость развития международного сотрудничества в противодействии терроризму (п. 101 (25)), а взаимодействие с Китайской Народной Республикой рассматривается как механизм обеспечения стабильности (п.101(7))¹⁶⁵.

Основными предпосылками, обуславливающими актуальность взаимодействия России и Китая по вопросам противодействия международному терроризму, являются:

- соседствующее положение и внешнеторговые отношения;
- геополитическое и геоэкономическое положение стран;
- схожие проблемы в рамках противодействия международным террористическим организациям исламского (мусульманского) толка;
- опыт противодействия политическому терроризму и сепаратизму.

С целью определения направлений совершенствования сотрудничества России и Китая в сфере борьбы с международным терроризмом необходимо проанализировать вышеперечисленные предпосылки, опираясь на международный характер каждой из них, т. е. с

¹⁶⁵ Информационно-правовой портал Гарант.ру Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (garant.ru).

точки зрения международных отношений, учитывая международные особенности исследуемой проблемы.

Соседствующее положение и внешнеторговые отношения. Об определяющей роли местоположения в определении внешней политики государства в начале XX века говорили многие основатели геополитической мысли (Н. Спикмэн, К. Хаусхофер, Х. Маккиндер, А. Мэхэм и др.). Так, Николас Спикмэн отмечал, что характер взаимодействия между странами обусловлен особенностями географической среды, в частности, рельефом, влияющим на конфигурации границ и, как следствие, на возможности коммуникаций¹⁶⁶. По типу местоположения Россию и Китай Спикмэн относил к группе государств, имеющих как морские, так и сухопутные границы, однако рассматривал их в качестве сухопутных держав, поскольку морское пространство России находится в северных районах с трудными климатическими условиями, а Китай, несмотря на протяженную береговую линию на востоке, не отличался в середине XX века развитым флотом, что на тот момент определяло сухопутную ориентацию государства. Таким образом, одной из ключевых предпосылок российско-китайского взаимодействия является соседствующее положение двух анализируемых стран и соответствующие внешнеторговые отношения. Россия и Китай представляют собой крупнейшие мировые державы (по площади территории, численности населения, военному и экономическому потенциалу, а также геополитической роли в регионе и мире в целом). К тому же они связаны общей границей, длина участка которой между сопредельными территориями составляет примерно 4300 км. Причем он обладает достаточно сложным рельефом местности, проходящим в значительной части по фарватеру рек Амур и Уссури, а также по хребтам горных систем, которые включены в более масштабные экосистемы: в

¹⁶⁶ Спикмэн, Н. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. / Н. Спикмэн, К. Шмитт; [переводы М.Н. Грачева, Ю.Ю. Коринца]. – Москва : Родина, 2022. – 224с. – С. 40-41.

западной части границы по Алтайскому хребту, в восточной части участка границы (в Приморье) – Пограничный хребет.

По признаку административных образований сопредельных территорий участок российско-китайской границы можно разделить на западный и восточный. Протяженность западного участка, где сопредельными территориями выступают Республика Алтай (Россия) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китай), составляет 55 км. Восточный участок отличается своей протяженностью, общая длина участка равняется 4200 км. С российской стороны вдоль границы располагаются Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край и Приморский край, граничащие с автономным районом Внутренняя Монголия, провинциями Хэйлунцзян и Цзилинь¹⁶⁷.

По результатам Всероссийской и Всекитайской переписей населения, проводимых в обеих странах в 2010 г., в общей сложности на приграничных российских территориях проживает 5,5 млн чел., а в китайских пограничных провинциях и автономных районах – 112,3 млн чел. В последние годы наблюдается уменьшение численности населения восточных субъектов Российской Федерации, что делает приграничные территории уязвимыми перед различными видами угроз, а именно: «доступными» и «открытыми» для трансграничной преступности, связанной с незаконным оборотом оружия и наркотических средств, нелегальным перемещением людей (в том числе с преступным прошлым), доходы от которой могут пойти на финансирование терроризма или же обеспечение его другими материальными ресурсами. Не менее уязвимыми для деятельности, связанной с террористической, являются и приграничные густонаселенные районы Китая.

С другой стороны, развитие транспортной логистики приграничных регионов, например, ввод в эксплуатацию автомобильного моста

¹⁶⁷Арсеньева, И.И. Российско-китайское приграничье: тенденции и перспективы развития / И.И. Арсеньева // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – №2. – с. 18-27. – С. 18.

Благовещенск–Хэйхэ и железнодорожного контейнерного маршрута Телин–Москва через пункт пропуска Маньчжурия–Забайкальск, а также обсуждаемое строительство железнодорожного пути в западную часть Китая через территорию республики Алтай¹⁶⁸, откроет новые логистические перспективы, торговые возможности и облегчит наземное перемещение между двумя странами, в частности, из/в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. В тоже время это может сделать данные участки границы более «востребованными» среди террористических формирований и террористов-одиночек. Однако внешнеэкономическое взаимодействие является логичным и объективным следствием развития двух соседних государств с учетом множества факторов международной специфики каждого из них. Уже в настоящее время между странами осуществляется торговое взаимодействие (рис. 1), которое имеет устойчивую тенденцию к расширению.

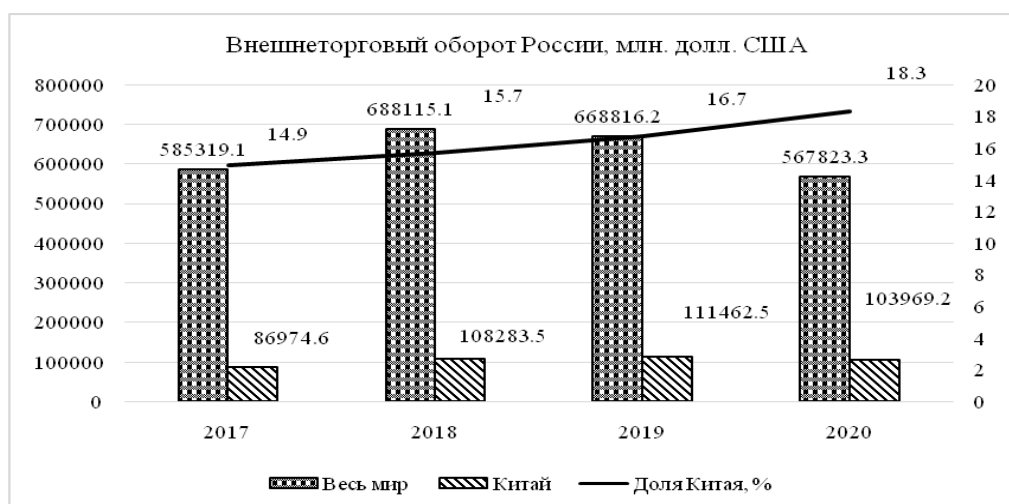


Рисунок 1 – Объем внешнеторгового оборота России в целом и отдельно с КНР, млн долл. США (составлено автором по данным ФТС России)

Для России Китай является основным внешнеторговым партнером, одним из крупнейших источников инвестиций в экономику России,

¹⁶⁸Скорлыгина, Н. (08.04.2021) Железная дорога пошла в гору. Россия ищет путь в Китай через Алтай // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4762493> (дата обращения: 20.06.2021).

поставщиком товаров высокого передела, а также потребителем ресурсов (в т. ч. энергоресурсов). В настоящее время осуществляется стратегическая программа России по диверсификации рынков сбыта с расширением ориентации на развивающиеся относительно ускоренными темпами страны Азии и Ближнего Востока, примером чему может служить реализация крупных международных проектов (газопроводы из России в Китай «Сила Сибири» и «Сила Сибири 2», строительство железной дороги в Индию через территорию Ирана в рамках международного коридора «Север-Юг» и т.д.).

В целом, в 2020 году Китай занимает второе место (вместе с США) в рейтинге стран, активно инвестирующих в экономику России, уступая только Германии. Также интерес представляет развитие транзитного потенциала России с целью перемещения товаров из Китая в Европу как сухопутным путем (в т. ч. в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути»), так и морским через Северный Ледовитый океан (Северный морской путь). Данное направление получило дополнительный импульс в результате событий в Суэцком канале, что указало на уязвимость «традиционных» логистических артерий.

Однако расширение логистического и иного внешнеэкономического сотрудничества России и Китая, их активизация объективно несут и определенные риски, в том числе террористического характера и предикатных преступлений. Причем экономическое сотрудничество носит перспективный характер, в связи с чем необходимо его развитие с учетом обеспечения безопасности процессов и явлений всех видов, а также формирование условий невозможности использования в террористической деятельности. В итоге данный процесс приобретает сложную конфигурацию ввиду многовекторности «перекрестных» интересов различного характера (экономического, политического и т. п.), что приводит к необходимости многоуровневого разностороннего взаимодействия (как на уровне глав государств и правительств в двустороннем и многостороннем порядке, так и

на уровне ведомственного сотрудничества (например, в вопросах таможенного дела (на уровне таможенных администраций), органов госбезопасности и охраны правопорядка и т.д.).

Геополитическое и геоэкономическое положение стран.

Геополитическое и геоэкономическое положение стран оказывает непосредственное влияние на развитие партнерских отношений рассматриваемых государств в вопросах противодействия международному терроризму, поскольку значение каждой из стран является ключевым как в регионе Юго-Восточной и Средней Азии, так и всего Азиатско-Тихоокеанского региона и в целом в глобальном масштабе.

Общность геополитического и геоэкономического положения России и Китая, прежде всего, связана со странами Центральной Азии, обеспечением региональной безопасности и международной стабильности, для подрыва которой иностранные государства зачастую используют мощный инструмент в виде терроризма. По мнению американского политолога и эксперта по России Американского совета по внешней политике Стивена Бланка, в перспективе Центральная Азия будет оставаться регионом повышенного внимания, в котором «большая игра будет набирать новые обороты»¹⁶⁹. В данном случае уместно говорить о стратегических и геополитических интересах крупнейших мировых и региональных держав: России, Китая, США, Турции и т. д. (ярким примером чему является обстановка вокруг Афганистана после вывода из него подразделений армии США и союзников).

Ряд российских исследователей отмечают, что за последние 10 лет политика Вашингтона в Центрально-Азиатском регионе активно направлена на сдерживание интеграционных процессов с участием России (ЕАЭС и ОДКБ) и Китая (ШОС), усиление своего военно-политического

¹⁶⁹ Sarwat, R. Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects/ R. Sarwat // Strategic Studies. – 2017. – Vol.37, no. 4. – pp. 149-65. – P. 154. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48537577> (дата обращения: 23.05.2021).

присутствия¹⁷⁰ и стремление установления контроля в зоне конфликтов, зачастую выступая в виде силы, провоцирующей эти конфликты с помощью террористических сил. Военное присутствие США в регионе, военное сотрудничество США со странами Центральной Азии, заключающееся в основном в использовании этих стран в качестве транзитного маршрута для снабжения войск НАТО (например, создание авиабаз), и реализация американской стороной проекта «Нового Шелкового пути» направлены на ослабление геополитической роли России и Китая на пространстве «Большой Центральной Азии». При этом американские методы ведения борьбы за геополитическое влияние в регионе остаются довольно сомнительными¹⁷¹. Издание New York Times неоднократно сообщало о регулярных потерях бдительности американских военнослужащих, что облегчало перемещение террористов из числа уроженцев Средней Азии на северные территории Афганистана и далее в центральноазиатские страны. Данный факт подтолкнул ряд экспертов к выводу о попустительстве американской стороны усилению талибов в северных районах Афганистана и дестабилизации обстановки в соседних странах, продвижению таким образом спроса на американские услуги в обеспечении безопасности¹⁷².

Для Китая обеспечение стабильности в регионе означает сохранение целостности территории, укрепление государственной границы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, проходящей вдоль Синьцзян-Уйгурского автономного района, реализацию комбинации геополитических и геоэкономических проектов с соседними странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь», китайско-пакистанского экономического коридора и т.д. Подобный подход характерен и для России,

¹⁷⁰Ионова, Е. Об угрозе терроризма в Центральной Азии / Е. Ионова // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4 (31). – С.92-113.

¹⁷¹Букреева, Т.Н. Основные направления политического вмешательства США во внутренние дела Китая (на примере Тайваня и Синьцзяна) / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т.12, №2. – С. 98-113. – С.105.

¹⁷²Сафранчук, И. Концепция «Новый Шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» / И. Сафранчук // Международная жизнь. – 2013. – № 7 – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/903> (дата обращения: 20.07.2021).

для которой первоочередной задачей является пресечение проникновения исламистских боевиков и наркотрафика через южные границы страны.

Говоря о стратегической важности отдельных регионов России в рамках изучаемой темы, необходимо отметить тот факт, что в государственных документах Северный Кавказ определен как Северо-Кавказский регион и выделен в отдельный федеральный округ России, занимающий особое место в стратегии территориального развития. В целом можно отметить, что в российской правовой системе отдельное место уделяется только двум регионам (макрорегионам в составе Российской Федерации – Северо-Кавказский и Дальневосточный), что подчеркивает их особенности. Причем именно в Северо-Кавказском регионе России отмечается повышенная активность террористических группировок, имеющих связи с международными террористическими организациями. На Северном Кавказе России явление терроризма прежде всего связано с геополитическим и геоэкономическим положением региона, который располагается на территории, являющейся сферой интересов (национальных, экономических) таких игроков мировой политики и экономики, как США, Турция, Иран, а также входит в виртуальный халифат, предполагаемое к созданию отдельными террористическими движениями квазигосударство «Великий Хорасан» с границами от российского Поволжья на севере до острова Шри-Ланка на юге, от Ирана на Западе до внутренних районов Китая на востоке¹⁷³.

Кроме того, в настоящее время получила распространение концепция «системы трех морей», в соответствии с которой Южный Кавказ (тесно связанный с Северо-Кавказским регионом России) является частью более обширного региона, который простирается до Средиземного моря включительно (причем это повышает как геополитическое, так и

¹⁷³ Призрак Великого Хорасана (27.07.2016) – URL:<https://cezarium.com/khurasan-ghost/> (дата обращения 04.05.2021).

геоэкономическое положение Южного Кавказа)¹⁷⁴. В результате противостояние мировых держав за геополитическое преимущество осуществляется различными средствами, в том числе и посредством использования террористических и сепаратистских организаций. Данному моменту способствует географическое положение «проблемных» с точки зрения террористической активности регионов России и Китая (Северный Кавказ и Синьцзян), сложность контроля некоторых районов, среди которых приграничные, что делает государственную границу «относительно прозрачной».

В дополнение необходимо отметить, что международный авторитет анализируемых государств, подкрепленный соответствующим потенциалом, свидетельствует об их существенном влиянии в регионе и мире, что накладывает на них определенные обязательства по поддержанию международной стабильности на Земле. Таким образом, как в рамках региона, так и в мировом масштабе, геополитические и геоэкономические интересы стран совпадают в стремлении к обеспечению соответствующей международной стабильности. В конечном итоге это приводит к объективности развития деятельности в противодействии такому деструктивному элементу, как международный терроризм.

Противодействие международным террористическим организациям исламского (мусульманского) толка. Россия и Китай имеют схожие проблемы в рамках противодействия международным террористическим организациям исламистского толка.

В истории существует ряд свидетельств тому, что террористические организации, как и сами проявления террористического характера, известны человечеству довольно давно. В качестве примера одной из первых организаций, осуществляющих террористическую деятельность на

¹⁷⁴Иванов С.М. Южный Кавказ в региональной геополитике / С.М. Иванов // Дипломатическая служба. – 2019. – № 2. – С. 41-52. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2019/Diplomatic_Service_022019_text.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

профессиональной основе, можно привести деятельность мусульманской (шиитского направления) секты исмаилитов (в иных источниках приводится следующее название – «орден неоисмаилитов-низаритов»). Для большей части населения (в т. ч. посредством современных компьютерных игр и СМИ) она известна под термином «ассасины». В рамках своей деятельности ассасины совершали теракты и набеги на Сирию (сама организация располагалась в Иране), убивали префектов, губернаторов, калифов. Следует отметить, что методы подготовки ассасинов используются и в настоящее время (религиозные догмы, наркотические средства и т. д.), а их деятельность приобрела международный характер¹⁷⁵, став глобальной угрозой того времени.

Соответственно, в рамках противодействия международному терроризму как ключевому дестабилизирующему фактору получила распространение практика формирования национальными государствами определенных перечней организаций, деятельность которых носит террористический характер и запрещена на территории данной страны.

В России в единый федеральный список запрещенных террористических организаций, включая международные, по состоянию на апрель 2022 года входят 39 организаций, из них 31 исламистского толка¹⁷⁶. Часть международных террористических организаций из этого списка, например «Братья-мусульмане» (запрещена в России), в 1990-е гг. воевала с Россией на стороне незаконных вооруженных формирований в Чечне и Дагестане¹⁷⁷. Другая международная террористическая организация «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (ХТ, запрещена в России) с панисламистской идеологией, ячейки которой функционируют по всему миру, включая

¹⁷⁵ Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 60.

¹⁷⁶ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁷⁷ Красинский, В.В. Кто есть кто в международном терроризме: справочник / В.В. Красинский, В. В. Машко. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 128 с. – С. 90.

постсоветское пространство и Китай, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. вела активную деятельность в российских регионах по дестабилизации политической обстановки¹⁷⁸.

В Китае подобный список террористических организаций впервые появился в 2003 году, в него китайские власти внесли сторонников движения «Восточного Туркестана», включая наиболее активно действующую организацию Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ)¹⁷⁹. На идеологию ИДВТ серьезное влияние с усилением пантюркистской составляющей оказало Исламское движение Узбекистана (ИДУ, запрещена в России). В свою очередь, китайское правительство связывает террористическую деятельность в стране, прежде всего, с ИДВТ, а, по данным китайских аналитиков, на территории КНР и за ее пределами насчитывается более 50 подразделений «Восточного Туркестана»¹⁸⁰. В 2002 году ИДВТ была признана Госдепартаментом США террористической организацией¹⁸¹, что, по утверждению западных исследователей уйгурской проблемы, было сделано исключительно в силу наличия на тот момент у американской стороны оперативной информации о планируемой атаке боевиками ИДВТ на американское посольство в Кыргызстане¹⁸². Однако в октябре 2020 года госсекретарь США Майк Помпео сделал заявление об исключении ИДВТ из списка террористических организаций, ввиду «отсутствия в течение десятилетия неоспоримых доказательств того, что

¹⁷⁸Там же, стр. 70.

¹⁷⁹В Китае впервые опубликован список террористов «Восточного Туркестана» // Centrasia. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1071526080> (дата обращения: 05.10.2019).

¹⁸⁰张丽娟. 地缘政治视野下中亚民族问题对中国新疆民族关系的影响: 政治学博士学位论文 / 张丽娟; 中央民族大学. – 北京, 2011 年. – 159 页. (на русс.: Чжан Лицюань. Влияние этнических проблем в Центральной Азии на этнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая с точки зрения геополитики: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Чжан Ли Цюань; Центральный университет национальностей. – Пекин, 2011. – 159 с. – С. 59.)

¹⁸¹Букреева, Т. Н. Анализ социально-экономических и этнополитических причин проявления международного терроризма в Китае / Т. Н. Букреева, А. В. Попова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 11-2. – С. 37-43. – DOI 10.17513/vaael.817.

¹⁸²Cunningham, C. P. Counterterrorism in Xinjiang: the ETIM, China, and the Uyghurs / C.P. Cunningham // International Journal on World Peace. – 2012. – Vol.29 (3). – pp. 7-50. – URL: <http://www.jstor.org/stable/24543768> (дата обращения: 24.05.2021).

ИДТВ все еще существует»¹⁸³. Тот факт, что в мировом сообществе существуют разные подходы к определению статуса террористических организаций, в целом значительно усложняет работу по противодействию терроризму и пресечению сопутствующих преступлений.

В России во второй половине 2010-х годов основная антитеррористическая деятельность, направленная на борьбу с террористическими организациями исламистского толка, велась на территории Северного Кавказа. Комплексные меры и усилия сократили террористическую угрозу и риски финансирования терроризма в регионе, однако проблема не исчезла, а перешла в другую плоскость: встал вопрос о финансировании выезда боевиков из России в зоны конфликтов с целью участия в мероприятиях террористического характера на территориях других стран (Сирия, Ливия и т. д.). По состоянию на 2017 год в Сирийской Арабской Республике (САР) в подразделениях международных террористических организаций участвовало в боевых действиях около четырех тысяч граждан РФ или выходцев из России¹⁸⁴. При этом, ввиду недавнего сокращения территории, находящейся под контролем террористических организаций, в том числе «Исламского государства» (ИГИЛ, запрещена в РФ), иностранные боевики, вновь въезжающие в Россию или находящиеся в России транзитом, являются объектом повышенного внимания со стороны правоохранительных и специальных органов.

Аналогичная ситуация складывается в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Китайские СМИ регулярно сообщают о связях уйгуров с ИГИЛ (запрещена в РФ). Китайская газета «Жэньминь жибао», ссылаясь на «источники в органах безопасности Сирии», оценила общую численность воюющих граждан Китая в рядах международных

¹⁸³Lipes, J. (05.11.2020) US Drops ETIM From Terror List, Weakening China's Pretext For Xinjiang Crackdown // Radio Free Asia. – URL: <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/etim-11052020155816.html> (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁸⁴Путин: в Сирии на стороне боевиков сражаются до четырех тысяч выходцев из РФ (23.02.2017) // TASS. – URL: <https://tass.ru/politika/4047882> (дата обращения: 04.11.2019).

террористических организаций в 300 человек¹⁸⁵. Хотя эта цифра может показаться довольно скромной, однако необходимо отметить особую роль информационных платформ, используемых террористами в пропагандистских целях, а также многочисленных диаспор за границей, ведущих целенаправленную работу по формированию негативной картины восприятия отдельных мероприятий по противодействию террористическим проявлениям у мирового сообщества.

В целом оценить этнический состав одной из самых многочисленных международных террористических организаций ИГИЛ (ISIL) (запрещена в РФ) можно по рисунку 2¹⁸⁶.

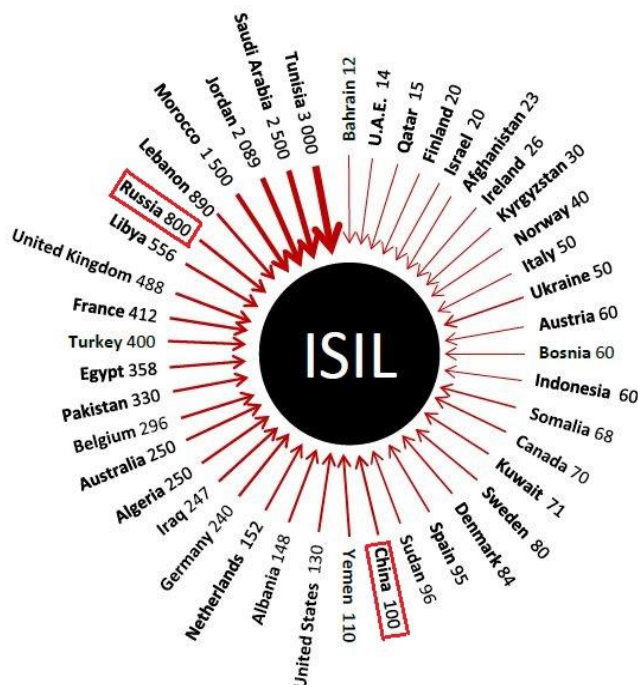


Рисунок 2 – Этнический состав боевиков-террористов ИГИЛ (запрещена в РФ) по странам, чел.

Хотя на рисунке 2 представлены данные на 2014 год, однако в данном случае особого внимания заслуживает не количество человек, а перечень

¹⁸⁵Коростиков, М. (14.07.2015) Уйгурский джихад. Власти КНР обвиняют сепаратистов в связях с «Исламским государством» // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2768223> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁸⁶Financing of the Terrorist Organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL), February 2015 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Financing-of-the-terrorist-organisation-ISIL.pdf> (дата обращения: 29.11.2021).

«стран-поставщиков» боевиков, воюющих в рядах ИГИЛ (запрещена в РФ), среди 43-х государств, обозначенных на рисунке, присутствуют Россия и Китай.

Возвращаясь к Китаю, хочется отметить, что наибольшее расположение к последователям ИДВТ демонстрирует турецкая сторона, исторически имеющая одну из самых больших уйгурских диаспор в мире – 50000 человек¹⁸⁷. По заявлениям китайской стороны, среди турецких уйгуров есть немало приверженцев «Восточного Туркестана» и подобных ей организаций, имеющих определенное влияние в политической, научной, культурной и военной сферах Турции. Просепаратистские организации, вовлекая в свою деятельность правозащитные группы и политические партии, пытаются оказывать влияние на турецкое правительство при принятии внешнеполитических решений, которые не всегда благоприятно сказываются на развитии китайско-турецких отношений¹⁸⁸.

На сегодняшний день можно говорить о том, что действующие на территории России и Китая международные террористические организации, спекулируя религиозными чувствами верующих, используют националистические идеи и идеи обретения независимости для воздействия на сознание отдельных социальных групп с целью дестабилизации внутривнутриполитической или внешнеполитической (при столкновении интересов нескольких стран) обстановки¹⁸⁹.

Следует отметить, что представители СУАР Китая принимали участие в войне в Чечне (Россия) на стороне сепаратистских и террористических организаций, что, например, отмечено в мемуарах Г. Трошева. При этом важно помнить, что свой геополитический интерес к Северо-Кавказскому

¹⁸⁷Tavsan, S. (25.03.2021) Uyghurs in Turkey protest against 'genocide' in China's Xinjiang // Nikkei Asia. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Uyghurs-in-Turkey-protest-against-genocide-in-China-s-Xinjiang> (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁸⁸Букреева, Т. Н. Анализ социально-экономических и этнополитических причин проявления международного терроризма в Китае / Т. Н. Букреева, А. В. Попова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 11-2. – С. 37-43.

¹⁸⁹Там же.

региону России проявляют и США, и Великобритания, и Турция, которые также проявляют «активность» в отношении СУАР.

Таким образом, Россия и Китай имеют схожие проблемы в противодействии террористической угрозе: международная направленность деятельности террористических движений, использование террористических организаций в сепаратистских целях геополитическими и экономическими конкурентами исследуемых государств, религиозный и национальный фактор, активное использование сопредельных территорий в рамках террористической деятельности и т. д. К тому же многие страны активно используют фактор международного терроризма для достижения своих целей, в результате чего возникают трудности с четкой однозначной идентификацией террористов и их деятельности, что приводит к формированию системы разновекторных подходов, что в итоге затрудняет контртеррористическую деятельность.

Опыт противодействия политическому терроризму и сепаратизму. Вследствие отмеченного выше, рассматриваемые страны имеют определенный опыт противодействия политическому терроризму и сепаратизму. Так, Россия и Китай, являясь полиэтническими государствами, неоднократно сталкивались с сепаратизмом, представляющим собой угрозу целостности страны.

В России проблема сепаратизма в первую очередь ассоциируется с Северным Кавказом, однако подобные сепаратистские настроения в разные годы наблюдались на Дальнем Востоке России, на территориях финно-угорских народностей, Поволжье и т. д. Очередной виток в истории развития идей сепаратизма в России связан с началом XX столетия, когда появилась идея единения братских народов Кавказа, а именно создание «Кавказского дома» или «Кавказского союза» – политического конфедеративного образования из трех независимых государств Центрального Кавказа (Азербайджан, Грузия, Армения) и субъектов России на Северном Кавказе, которым для начала тоже было необходимо обрести статус суверенных

государств. В наши дни сторонники идеи единого кавказского государства при поддержке европейской общественности и политической элиты ведут активную работу за границей по информационному сопровождению деятельности общественно-политического движения «Свободный Кавказ», направленной, в том числе, и на разъяснение деструктивной составляющей политики России в отношении народов Северного Кавказа. Эффект от такой «просветительской» работы может иметь разрушительные последствия, провоцируя нестабильность как в Кавказском регионе в целом, так и на европейском пространстве, где проживает большая диаспора выходцев с Кавказа.

Новая волна сепаратизма в России и Китае приходится на начало 1990-х годов и связана с распадом СССР, что, с одной стороны, повлекло за собой образование независимых государств в Центральной Азии, а с другой стороны, ряд российских регионов выразил желание выйти из состава России. После распада СССР в бывших центральноазиатских республиках (Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане) начали распространяться идеи пантюркизма о создании Великого Турана как результата объединения всех тюркоязычных народов с последующим распространением зоны его влияния на территории всех народов туранского происхождения, к которым относятся и уйгуры. В начале 1992 года тогдашний глава кабинета министров Турции С. Демирель выдвинул цель создания «великого тюркского мира от Адриатики до Великой китайской стены»¹⁹⁰.

Таким образом, можно говорить о том, что в отдельных автономных районах КНР (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия) и ряде автономных республик и округов России возникла острая проблема политизации этнического чувства, культивируемого на почве общей этнической и культурной идентичности, включая религию, что заложило основу для

¹⁹⁰ Букреева, Т. Н. Анализ социально-экономических и этнополитических причин проявления международного терроризма в Китае / Т. Н. Букреева, А. В. Попова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 11-2. – С. 37-43.

распространения регионального сепаратизма. В России открытое проявление сепаратистских настроений связано с республиками Карелия, Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия), Северо-Кавказским регионом. Нельзя забывать и о «региональной идее», обсуждаемой в Сибири, Забайкальском крае, на юге России (Краснодарский край, Ростовская область), что также может служить вестником сепаратизма. На Северном Кавказе борьба с сепаратизмом и подавление мятежей переросло в крайнюю форму открытых вооруженных действий – две «чеченских» кампании (1994-1996 гг. и 1999-2009 гг.), войну с политическим терроризмом, действия которой вышли далеко за пределы России, а деструктивные последствия террористических актов бывших чеченских боевиков, а ныне граждан Западной Европы, на территории западноевропейских стран до сих пор создают ситуации нестабильности в международном масштабе.

По мнению С. С. Сулакшина и В. И. Якунина, в настоящее время ресурсы сепаратизма в России весьма велики, хотя и находятся в латентном состоянии ¹⁹¹. Однако в какой бы фазе развития ни находились сепаратистские настроения, они являются «потенциальным» ресурсом угрозы стабильности со стороны антироссийских сил, а учитывая геополитическое положение страны, и международной стабильности.

Подобный ресурс был не раз активизирован в Китае. Показательными примерами служат протесты в Гонконге, захлестнувшие бывшую британскую колонию в сентябре 2014 года («зонтичные революции»), июне 2019 года и в мае 2020 года. Китайские власти, исходя из характера беспорядков, объявили выступления протестующих актами политического терроризма с явным американским и британским следом в организации антикитайских волнений. Западные СМИ активно освещали события в Гонконге, сочувствуя протестующим и критикуя политику центрального аппарата власти за нарушение принципа «одна страна, две системы»,

¹⁹¹Национальная идея России. В 6 т. Т. V / под ред. Якунина В.И., Сулакшина С.С. и др. – Москва : Научный эксперт, 2012. – 696 с.

ущемление демократических прав и свобод жителей Гонконга, а американская общественность в свою очередь летом 2019 года запустила сайт Free Hong Kong, на портале которого было заявлено, что конечная цель активистов – «освободить Гонконг от тоталитарной власти Компартии Китая»¹⁹². Здесь нельзя не упомянуть поддержку США сепаратистских настроений на Тайване и уже открытое военное содействие американских властей действующим правящим кругам Китайской республики, выступающим за полную независимость (политическую и экономическую) от материкового Китая.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что террористическая деятельность против России и Китая с использованием международных организаций имеет довольно значительную историю, что привело к формированию системы противодействия фактам международного терроризма на территориях рассматриваемых государств.

В целом формы и методы борьбы с террористическими проявлениями в России и Китае являются одинаковыми. Кроме того, наблюдается схожесть в общем подходе двух стран к терроризму в части определения его сущности и дестабилизирующего влияния, а также имеющихся возможностях обеих стран, о чем свидетельствуют нижеследующие факты.

1. Близкие трактовки понятия терроризм, рассмотренные в п.1.2 данной работы, что является немаловажным, поскольку разные подходы к определению терроризма (начиная с терминологии и определения сущности) значительно усложняют контртеррористическое сотрудничество, например, Китая и США, о чем неоднократно упоминалось американскими исследователями в контексте ограничения китайскими властями доступа независимых экспертов в места происшествий для верификации актов насилия как террористических действий¹⁹³. Прежде всего, это касается

¹⁹²Портякова, Н. (15.08.2019) В дружбу, но не в службу: к чему ведет поддержка США протестов в Гонконге // Известия. – URL:<https://iz.ru/909782/nataliia-portiakova/v-druzhbu-no-ne-v-sluzhbu-k-chemu-vedet-podderzhka-ssha-protestov-v-gonkonge> (дата обращения: 30.04.2021).

¹⁹³Tanner, M.S., Bellacqua, J. China's Response to Terrorism. CAN Analysis and Solutions, June, 2016. – 186 p. – P.120.

ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в середине 2010-х годов.

2. В обоих государствах разработана национальная законодательная база по борьбе с терроризмом, включая профильные законы: Федеральный закон №35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. и «Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики» от 27.12.2015 г. Оба документа предусматривают международное сотрудничество в противодействии терроризму, в том числе допускают участие национальных вооруженных сил в контртеррористических операциях на территории сопредельных государств, что является важным шагом отступления Китая от политики невмешательства.

3. Близкий военный потенциал двух стран, что позволяет говорить о значительной совокупной военной мощи при противодействии возможной террористической угрозе. Подходя более критично к вопросу военной состоятельности Китая в отдельных направлениях и принимая во внимание относительно большую экономическую уязвимость России в настоящее время, можно утверждать о дополняемости двух стран друг друга, о чем говорит и исследователь А. В. Ломанов, называя Россию и Китай «хромоногими» державами¹⁹⁴.

4. Лидирующие позиции России и Китая в ряде международных организаций (ШОС, БРИКС) с опытом работы в многостороннем формате, в том числе по обеспечению стабильности в регионе: для России – это ОДКБ, для Китая – антитеррористическая Урумчийская коалиция, образованная в 2016 году с участием Китая, Афганистана, Таджикистана и Пакистана.

Несмотря на вышерассмотренные факты, взаимодействие России и Китая в борьбе с терроризмом может осложняться различиями стилей внешней политики, что Н. А. Спешнев, российский востоковед, специалист

¹⁹⁴ Ломанов, А. В. Китайский взгляд на отношения с Россией и США в изменяющемся мире / А. В. Ломанов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – Т. 26. – № 26. – С. 14-30. – С. 22.

в области этнического характера и сознания китайцев, со ссылкой на китайских исследователей (Линь Юйтана, Фэй Сяотуна, Сян Туйцзе, Ян Гошу и др.) объясняет определенным набором национальных черт характера, присущих китайцам: терпение, сдержанность, недоверие (особенно к иностранцам, доходящее до презрения), высокая приспособляемость к обстоятельствам, стремление к статусу-кво и «золотой середине» и т.п.¹⁹⁵. Таким образом, национальное сознание китайцев, во-первых, изначально настроено на недоверие к иностранцам, что можно объяснить в историческом аспекте. Это значительно усложняет обмен оперативной информацией с китайской стороной, о чем есть свидетельства, например, в информации о динамике и содержании отчетов ФАТФ. Во-вторых, сдержанность и осторожность в действиях китайских политиков соответствует принципу «выиграть войну не начав ее» из трактата Сунь-цзы «Искусство войны». О разнице подходов России и Китая в решении внешнеполитических проблем говорит и китайский исследователь Ли Син, отмечая, что при защите своих политических интересов Россия принимает жесткую позицию, а Китай демонстрирует осторожность¹⁹⁶, т. е. можно предположить, что контртеррористическая инициатива при реальной угрозе скорее будет исходить от России. Китаю же больше свойственны демонстрационные маневры военной силы и политическое лавирование на уровне заявлений.

Двигаясь в направлении укрепления российско-китайского сотрудничества в целом, по мнению известного китаевода А. О. Виноградова, необходимо учитывать ошибки прошлого (Советского Союза), а также опыт других стран (например, США) при выстраивании взаимодействия с Китаем, который зачастую намеренно вводит в заблуждение партнера, заставляя верить в искренность своих намерений.

¹⁹⁵ Спешнев, Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. – Санкт-Петербург : КАРО, 2011. – 336 с. – С. 45.

¹⁹⁶ 李兴. 中美俄新型三角关系评析 / 李兴 // 统一战线学研究. – 2019 年. – 第 5 期. – 54-62 页.
(на русс.: Ли Син. Анализ трехсторонних отношений нового типа Китая, США и России // Тунъи чжаньсяньсюэ яньцзю. – 2016. – 153(1). – С. 83-87).

При этом исследователь ссылается на стратегию мышления китайцев и националистические постулаты, которые время от времени появляются во внешнеполитических доктринах страны¹⁹⁷. Таким образом, необходимо принимать во внимание и политическую конъюнктуру внутри Китая, поскольку вопреки сложившемуся обывательскому мнению китайское общество в целом и китайская политическая элита далеко не монолитны, что сказывается и на прагматичности внешнеполитического курса страны особенно после начала Россией СВО. Так, одни группы стремятся к развитию отношений с США и построению глобальной системы хозяйствования и управления (соответственно, с ослаблением роли национальных государств), другие выступают за укрепление китайской идентичности и национализм, третьи обращены к перманентной экспансии, считая проект «Шелковый путь» ее элементом, однако единство проявляется в стремлении достичь максимизации выгод в условиях непростых отношений, лавируя между крупными акторами мировой политики (США, Россия, ЕС). Здесь же необходимо упомянуть и фактор взаимозависимости США и Китая, к тому же Китай по многим видам продукции встроен в глобальные технологические цепочки, что зачастую вынуждает его подходить с осторожностью в плане принятия решений о развитии дальнейшего сотрудничества с Россией.

В этой связи уместно говорить об укреплении доверия между странами, в том числе путем развития неформального диалога не только на уровне лидеров двух стран, но и руководителей ведомств, в особенности это касается дипломатических лиц, имеющих непосредственное отношение к Китаю (И. В. Моргулов, А. И. Денисов, М. В. Захарова). Поэтому ожидаемым представляется дальнейшее формирование Россией имиджа надежного партнера, с одной стороны, не стремящегося навязать Китаю

¹⁹⁷Виноградов, А.О. К вопросу об отражении взглядов китайских националистов в современных внешнеполитических построениях КНР 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). – Москва : ИДВ РАН, 2019. – 448 с. – С. 220-228.

свое видение решения внешнеполитических вопросов, в том числе по вопросам стабильности, с другой стороны, подчеркивающего равноправность партнерства в регионах пересекающихся интересов, в первую очередь в Центральной Азии, являющейся «воротами» проникновения террористов в Россию и Китай. В тоже время необходим критический подход к выстраиванию российско-китайского взаимодействия, согласованное сотрудничество двух стран должно опираться на принципы взаимодоверия и равноправия, учитывая национальные интересы каждой из сторон в рамках подхода теории «гибкого» реализма с активной позицией обоих государств в функционировании международных организаций. Таким образом, имеется много факторов, которые способствуют развитию сотрудничества, однако имеются и сдерживающие обстоятельства, которые необходимо учитывать при формировании или трансформации системы взаимодействия.

Сотрудничество двух стран, обусловленное предпосылками, приведёнными выше, осуществляется на различных уровнях, которые представлены на рисунке 3.

Первый и наиболее известный – это глобальный уровень, который представлен Организацией объединенных наций (ООН) и сформированными под ее эгидой комитетами, комиссиями, советами и т. д. Актеры международной политики признают главенствующую роль ООН в борьбе с терроризмом.

Второй уровень представляет собой уровень международных организаций, имеющих региональный аспект деятельности, в связи с чем он (уровень) называется «региональный», например, сюда следует отнести Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Кроме того, этот уровень включает межгосударственные и межправительственные организации, деятельность которых охватывает значительную часть стран мира и которые расположены на разных континентах. Такие организации

могут иметь определенную специализацию, например, БРИКС, ФАТФ и т. п.



Рисунок 3 – Уровни российско-китайского взаимодействия в противодействии терроризму

Третий уровень представлен двусторонним взаимодействием в различных форматах с использованием механизма регулярных двусторонних встреч на высшем и высоком уровнях по вопросам укрепления мира, поддержания стабильности, обеспечения развития и налаживания сотрудничества. Данная форма взаимодействия между Россией и Китаем была определена в 2001 году и закреплена договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Однако главы двух стран стали обмениваться регулярными государственными визитами еще начиная с 1994

года. Кроме того, ежегодные встречи лидеров двух стран происходят во время саммитов ШОС и других крупных международных мероприятий. За период вступления Си Цзиньпина на пост председателя в 2013 году на апрель 2019 года он провел более 30 встреч¹⁹⁸. Это свидетельствует о высокой заинтересованности лидеров двух стран в дальнейшем развитии взаимовыгодных отношений.

В 1996 году между Россией и Китаем получил развитие еще один формат взаимодействия – проведение регулярных встреч между премьер-министрами двух стран, а также ежегодных совещаний глав правительств. В 1997 году появилась Межправительственная комиссия, ответственная за подготовку регулярных встреч между главами правительств России и Китая, которая является главным координирующим органом для большинства проектов, выполненных в рамках двустороннего сотрудничества. Двустороннее сотрудничество также осуществляется в рамках межпарламентской комиссии по сотрудничеству Совета Федерации и Государственной Думы с Всекитайским собранием народных представителей. Профильные парламентские комиссии, участвующие в консультациях по стратегической безопасности и стабильности, регулярно обмениваются делегациями; процесс взаимодействия не прекращался даже в условиях пандемии коронавирусной инфекции, перейдя в формат видеоконференций. Следует отметить, что двустороннее взаимодействие может осуществляться как самостоятельно (обособленно от иных участников международных отношений по взаимной инициативе либо инициативе какой-либо из сторон), так и в рамках международных организаций.

При этом важно помнить, что отмеченные уровни взаимодействия не исключают, а, напротив, дополняют друг друга, образуя целостную систему. Таким образом, в мировой практике сформировалась система

¹⁹⁸ Xi tells Russian media he cherishes deep friendship with Putin (05.06.2019) // Global Times. – URL:<https://www.globaltimes.cn/content/1153186.shtml> (дата обращения: 28.06.2021).

взаимодействия в решении международных проблем и достижении определенных целей, в т. ч. в рамках борьбы с международным терроризмом и обеспечения состояния международной стабильности. Россия и Китай являются активными участниками (элементами) этой системы, а взаимодействие между ними обусловлено не только глобальным уровнем проблемы терроризма в 21 веке, но и исторически сложившимися предпосылками.

2.2 Сотрудничество России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности в рамках ООН и ШОС

Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН), вносят свой вклад в управление глобальной безопасностью и обеспечение международной стабильности посредством разработки и осуществления резолюций СБ ООН по борьбе с терроризмом, а также принимают участие в международных миротворческих операциях¹⁹⁹, проектах Контртеррористического центра ООН (КТЦ ООН) и программах по оказанию международной гуманитарной помощи. Обе страны нередко демонстрируют сходство в вопросах голосования в ООН, а также, как показывает практика, зачастую проявляют солидарность в наложении вето на резолюции.

Активная позиция России и Китая в вопросах поддержания стабильности в мире демонстрируется открытыми заявлениями представителей двух государств в СБ ООН. Так, 25 сентября 2019 г. на открытом заседании СБ ООН министр иностранных дел КНР Ван И выступил с речью, обозначив приоритетные проблемы противодействия терроризму и экстремизму, которые, по мнению китайской стороны,

¹⁹⁹ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 137-150.

заслуживают первостепенного рассмотрения и решения. Среди главных проблем Ван И отметил:

1. Необходимость унифицировать подходы в рассмотрении проблем терроризма с недопущением двойных стандартов в отношении террористов, избирательного противодействия терроризму и использования террористических сил для преследования геополитических целей, связывая терроризм с конкретными странами, нациями и религиями.

2. Направить силы на борьбу с кибертерроризмом, ставшим эффективным инструментом террористов, использующих средства массовой информации и интернет в качестве информационных платформ для распространения экстремистских идей и подстрекательства к террористической деятельности.

3. Устранить коренные причины терроризма, источники его «подпитки», а также предпосылки его дальнейшего распространения, отказавшись от аргумента неизбежности «столкновения цивилизаций» и делая упор на устойчивое развитие как фундаментальное решение проблемы терроризма.

4. Укрепить межгосударственное сотрудничество под эгидой ООН, прилагая государствами-членами организации совместные усилия для решения глобальной проблемы терроризма, двигаясь в направлении централизации роли ООН и СБ ООН в координации сотрудничества на национальном и международном (региональном и глобальном) уровнях и активно осуществляя Глобальную контртеррористическую стратегию ООН (ГКС) и соответствующие резолюции СБ ООН²⁰⁰.

²⁰⁰宋岩(26.09.2019) 王毅出席安理会联合国与区域组织反恐合作公开会 // 中华人民共和国中央人民政府官网. - URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2019-09/26/content_5433222.htm (дата обращения: 15.01.2020). (на русс. яз.: Сун Янь. Ван И принял участие в открытом заседании Совета Безопасности, посвященном контртеррористическому сотрудничеству между Организацией Объединенных Наций и региональными организациями // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики: официальный сайт); Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 137-150.

Ряд российских ученых, в том числе С. В. Будаева, отмечают, что одним из ключевых векторов активизации контртеррористической работы должно стать развитие международно-правовых норм, прежде всего, в фокусе ООН как главного института по обеспечению безопасности в мире международного масштаба²⁰¹. Так, по состоянию на 2014 г. под эгидой ООН и ее специальных подразделений было разработано и принято 16 международных соглашений (11 конвенций и 5 протоколов)²⁰². В приложении А приведена таблица с перечнем конвенций и международных протоколов ООН, подписанных Россией и Китаем. Как видно из таблицы в приложении А, Китай и Россия приняли подавляющее большинство документов, имеющих отношение к борьбе с терроризмом, что свидетельствует о неизменной поддержке Россией и Китаем правовых норм ООН.

Китайский исследователь из Хэйлунцзянского университета (г. Харбин, КНР) Цзян Чжэньцзюнь также отмечает широкое дипломатическое сотрудничество России и Китая в рамках глобального многостороннего механизма ООН в решении таких вопросов обеспечения региональной безопасности и стабильности международной системы, как ядерная программа КНДР, иранская ядерная повестка, кризис в Афганистане, Сирии и на Украине²⁰³. Все обозначенные профессором Цзяном вопросы в той или иной степени имеют отношение к террористической проблематике.

Однако Д. В. Ерохин указывает, что на уровне международной политики по уголовным делам недостает единой правовой основы по

²⁰¹ Будаева, Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве / Л.А. Будаева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 131 – 134.

²⁰² Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т.Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 62.

²⁰³ 姜振军. 国家战略对接视阈下中俄合作问题研究 / 姜振军 // 西伯利亚研究. – 2017 年. – 44 第 3 期. – 16-20 页 (на рус.: Цзян Чжэньцзюнь. Исследование китайско-российского сотрудничества с точки зрения национальных стратегических контактов // Сиболия яньцзю. – 2017. – 44(3). – С. 16-20. – С 16).

взаимодействию стран в сфере борьбы с терроризмом; при этом в самой системе правового регулирования на этом уровне преобладает тематическая направленность и касается лишь отдельных аспектов масштабной проблемы терроризма, что вносит определенную долю деструктивности в функционирование международной системы по обеспечению безопасности. К тому же важным остается вопрос о едином подходе к пониманию терроризма и его международных особенностей, т. е. формирование понятийного аппарата является приоритетным вектором углубления сотрудничества²⁰⁴. Сложность в этом вопросе заключается в том, что некоторые государства предпочитают не все террористические организации признавать таковыми ввиду личной заинтересованности в этом (причины могут быть геополитическими, экономическими, этническими и т. д.), т. е. придерживаются в указанном вопросе политики двойных стандартов и затрудняют тем самым эффективную борьбу с этим злом²⁰⁵. Китай не является исключением. Несмотря на активную позицию Китая в противодействии «трем злам», им несколько раз использовалось право «вето» в СБ ООН, когда Индия поднимала вопрос о включении Масуда Азхара, пакистанского лидера террористической организации «Джайш-э-Мухаммед» (запрещена в РФ), осуществляющей соответствующую активную деятельность в соседних с Пакистаном территориях, в своеобразный «черный список» СБ ООН. При этом в 2019 году Индии (не без поддержки Китая) удалось в Комитете 1267 СБ ООН внести пакистанского боевика в список международных террористов²⁰⁶. С другой стороны, в октябре 2022 года Китай проголосовал против внесения другого

²⁰⁴Ерохин, Д.В. Международно-правовые основы противодействия терроризму / Д.В. Ерохин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 2 (55). – С. 185-190.

²⁰⁵Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т.Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 62.

²⁰⁶外交部发言人耿爽就联合国安理会 1267 委员会通过马苏德列名答记者问(01.05.2019) // 中华人民共和国外交部。 – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/dhdw_673027/201905/t20190501_5434929.shtml (дата обращения: 20.11.2022). (на русс. яз.: Заявление официального представителя МИД Гэн Шуана о включении Масуда в список Комитета 1267 СБ ООН // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: официальный сайт).

лидера из международной террористической организации «Лашкар-и-Тайба» (запрещена в РФ), действующей на территории Пакистана, в аналогичный список СБ ООН, что вызвало волну осуждения со стороны Индии. Таким образом, КНР стремится поддержать некоторые имеющие определенный интерес круги в Пакистане, тем самым стимулируя (по крайней мере, не препятствуя им) разногласия с еще одним соседним государством – Индией (т. к. поддерживается напряженность на границе Индии и Пакистана, а также в глубине страны)²⁰⁷.

Таким образом, Китай применяет различные методы и средства для противодействия терроризму, осуществляя их комбинацию в зависимости от конкретных условий. В свою очередь ученые и эксперты из КНР стремятся придать научный подход проблеме противодействия терроризму и систематизировать комплекс контртеррористических мер, например, китайский эксперт в области международного терроризма Ли Вэй выделяет 4 основных направления деятельности ООН в противодействии терроризму²⁰⁸.

1. Борьба с финансированием терроризма, включающая в себя реализацию ограничительных мер в рамках Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Резолюции Совета Безопасности №1373 (2001), а также соблюдение санкционного режима, введенного Совбезом ООН против международных террористических организаций.

2. Борьба с контрабандой оружия, а также оружия массового поражения и ядерных материалов, используемых террористами для актов ядерного и бомбового терроризма.

3. Борьба с террористами на площадках киберпространства.

4. Противодействие миграции террористов и иностранных боевиков и взаимодействие по укреплению и контролю границ.

²⁰⁷ Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т.Н. Букреева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72. – С. 63.

²⁰⁸ Ли Вэй. Китай и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Пер. с англ. И.Сиренко. – Москва : Серебряные нити, 2021. – 296 с. – С.72.

В рамках вышеперечисленных направлений деятельности ООН по противодействию терроризму Россия и Китай добросовестно выполняют финансовые обязательства (выплачивают взносы в Целевой фонд по борьбе с терроризмом и финансируют миротворческую деятельность ООН), а также участвуют в контртеррористических мероприятиях, значимыми из которых являются:

- 1) Антитеррористические проекты Контртеррористического центра ООН (КТЦ ООН) в рамках ГКС.
- 2) Инновационные антитеррористические проекты по борьбе с финансированием терроризма и перемещением террористов.
- 3) Участие в международной миротворческой деятельности.
- 4) Противодействие терроризму в информационном пространстве.

Противодействие террористической деятельности по каждому из вышеперечисленных направлений осуществляется в рамках проектов, реализуемых Контртеррористическим управлением ООН (КТУ ООН), в частности через КТЦ ООН во главе с исполнительным директором Владимиром Воронковым²⁰⁹. Решение о создании КТУ ООН было принято 18 ноября 2011 года на 60-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/66/10)²¹⁰. Миссия КТУ заключается в содействии международному сотрудничеству в борьбе с терроризмом и помощи государствам-членам в осуществлении ГКС. Являясь членами Консультативного совета КТЦ ООН (КС), Россия и Китай принимают активное участие в работе КС, взаимодействующего с КТЦ ООН по вопросам реализации программ и проектов, направленных на борьбу с терроризмом и оказание помощи пострадавшим от террористических действий, координирующего общение с государствами-членами ООН и представляющего результаты работы КТЦ ООН в виде ежегодных докладов.

²⁰⁹ Контртеррористического управления ООН. Структура // ООН: официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/office-structure> (дата обращения: 29.07.2021).

²¹⁰ Контртеррористическое управление ООН. Основные сведения. // ООН: официальный сайт. – URL: Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/background> (дата обращения: 29.07.2021).

Согласно резолюции ООН A/75/729 от 29.01.2021 г. КТУ осуществляет 56 учебных программ, в которых участвуют более 170 государств-членов, в 2020 году были проведены 73 совещания экспертов, 17 обзорных и аналитических миссий и учений, а также 86 информационных мероприятий²¹¹. Россия и Китай входят в перечень стран, регулярно предоставляющих информацию об осуществлении ГКС, а также в десятку стран, делающих взносы в Целевой фонд по борьбе с терроризмом. Кроме того, Россия и Китай продолжают участвовать в реализации проектов ООН, выступая в качестве спонсоров (доноров, источников финансирования) отдельных проектов регионального и глобального уровней. В таблице 2 представлены общие сведения о проектах КТЦ ООН с участием России и Китая.

Таблица 2 – Контртеррористические проекты КТЦ ООН с участием России и Китая (на 2020 год)

Шифр проекта, название	Срок реализации	Уровень	Источники финансирования	Участники (в 2020 г.)	Бюджет (долл. США)
Компонент II ГКС					
Предотвращение и противодействие терроризму					
UNCCT-2017-69 Реализация ГКС ООН в Центральной Азии	42 месяца (01.01.2018-30.06.2021)	Региональный	Россия, Саудовская Аравия, Казахстан	345 участников из 5 стран в 2-х совещаниях экспертного уровня и 2-х тренингах	1 752 934
UNCCT-2020-II-SALW Противодействие незаконному обороту стрелкового оружия и легкого вооружения	22 месяца (07.01.2020-31.10.2021)	Региональный	Россия, Саудовская Аравия	289 участников из 79 стран в 3-х совещаниях экспертного уровня и 2-х рабочих мероприятиях	944 569
Компонент III ГКС					
Укрепление роли системы ООН и потенциала государств по предотвращению и противодействию терроризму					
UNCCT-2017-70 Расширение обмена экспертами по противодействию терроризму и предотвращению экстремизма в рамках	32 месяца, (01.03.2019-31.10.2021)	Глобальный	Китай	Эксперты из Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и	2 664 085

²¹¹ Резолюция A/75/729 Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций // ООН: официальный сайт. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/024/02/PDF/N2102402.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.07.2021).

сотрудничества Юг-Юг, между странами Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Карибского бассейна				стран Карибского бассейна. В 2020 году проводились подготовительные мероприятия	
--	--	--	--	---	--

Примечание: Составлено автором по материалам Ежегодного отчета Контртеррористического управления ООН за 2020 год. https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/uncct_annual_report_2020.pdf.

Как видно из таблицы 2, по состоянию на 2020 год Россия и Китай по отдельности в общей сложности участвовали в финансировании трех проектов, реализация которых закончилась в 2021 г., при этом идет разработка новых, являющихся как продолжением уже реализованных, так и стартом для будущих программ. Россия оказывает поддержку проектам регионального уровня, направленным на реализацию компонента II ГКС по предотвращению и противодействию терроризму в странах Центральной Азии (UNCCT-2017-69) и Ближнем Востоке (UNCCT-2020-II-SALW). Китай возглавил проект глобального масштаба по укреплению роли системы ООН и потенциала государств по предотвращению и противодействию терроризму с участием экспертов из Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и стран Карибского бассейна. В открытых источниках не всегда присутствует полная информация, но с высокой долей вероятности можно утверждать, что Китай входит в число участников реализации проекта по противодействию незаконному обороту стрелкового оружия и легкого вооружения и их незаконной поставке террористам (UNCCT-2020-II-SALW), где Россия выступает в качестве одного из источников финансирования проекта. Аналогичным образом складывается ситуация с проектами, реализуемыми в рамках ООН, которые финансируются КНР.

Объемы финансирования различаются в зависимости от срока реализации и уровня проектов, однако следует отметить, что Россия

софинансирует проекты регионального масштаба (т. е. разделяет финансовые обязательства со странами-партнерами по финансированию), а Китай единолично финансирует проект глобального характера. Указанный факт косвенным образом может свидетельствовать о степени важности для КНР обеспечения глобальной безопасности и противодействия международному терроризму как ключевому деструктивному фактору. При этом Китай осознает важность международных институтов глобального характера (прежде всего ООН), поэтому финансируемый им проект направлен на укрепление роли ООН. В свою очередь и Россия прилагает усилия к усилению значения ООН в борьбе с международным терроризмом и обеспечению международной стабильности, о чем свидетельствуют факты совместных согласованных действий в рамках ООН.

В перспективе антитеррористического взаимодействия России и Китая в рамках ООН возможно совместное финансирование проектов глобального и регионального уровней с привлечением стран Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки и т. д.

Помимо проектов, в которых Россия и Китай выступают организаторами и источником финансирования, обе страны являются активными участниками работы КТУ и КТЦ, где реализуется ряд инновационных антитеррористических проектов, специализированных на борьбе с финансированием терроризма, усилением миграционного контроля, выявлением перемещения террористов. Так, в 2019 году вслед за принятием резолюции 2462 СБ ООН была запущена программа по борьбе с финансированием терроризма (CFT Programme), в рамках которой совместно с Информационным центром ООН разрабатывается программная платформа «goFintel», нацеленная на координирование усилий стран-участниц в выстраивании сотрудничества по обращению с запросами

касательно подозрительных финансовых операций, потенциально связанных с финансированием терроризма²¹².

Другим инновационным продуктом в рамках проекта отслеживания поездок в контртеррористических целях является программный компонент «goTravel». Цель программного продукта – обеспечить непрерывность процесса сбора правоохранными органами данных о пассажирах от перевозчиков (авиакомпаний), выполнение целевого анализа данных о пассажирах во входящем и исходящем трафике и обмен результатами оценки полученных данных. Исходная версия продукта (TRIP) была запущена в 10 странах-членах ООН²¹³, еще 31 страна-участница ООН обратилась с запросом на использование программы²¹⁴.

Еще одной из значимых форм взаимодействия России и Китая в рамках ООН является участие в международной миротворческой деятельности по разрешению военных конфликтов, поддержанию мира и стабильности. В начале 1990-х годов Россия на правах государства-приемника СССР продолжила свое участие в операциях ООН по поддержанию мира. Китай присоединился к участию в миротворческой деятельности ООН в апреле 1990 года и в настоящее время является вторым государством по размерам вкладов в операции по поддержанию мира: около 50 000 китайских миротворцев приняли участие в более чем 30 операциях ООН²¹⁵.

²¹² UNCCT ANNUAL REPORT 2020 // The UN official website. – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/uncct_annual_report_2020.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

²¹³ Контртеррористическое управление ООН. Пресечение передвижения террористов. // ООН: официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/countering-terrorist-travel> (дата обращения: 30.07.2021).

²¹⁴ Резолюция A/74/677 // ООН: официальный сайт. – URL: <https://undocs.org/ru/A/74/677> (дата обращения: 30.07.2021).

²¹⁵ Fan Y. (28.05.2021) Support for multilateralism defines China's UN contribution // China Daily. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202105/28/WS60b01868a31024ad0bac1edb.html> (дата обращения: 25.06.2021).

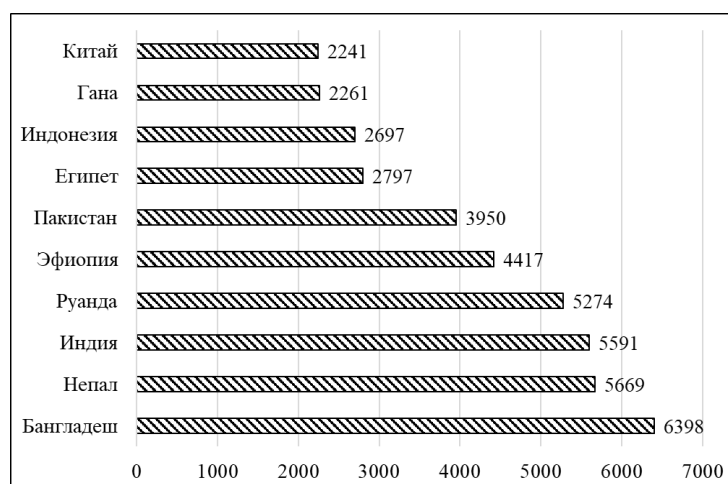


Рисунок 4 – Первые 10 стран по количеству миротворцев по странам, чел (на 28.02.2022) (Источник: официальный сайт ООН <https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors>)

На рисунке 4 представлены первые 10 стран по количеству миротворцев (на 28.02.2022 г.), из которого видно, что в топ 10 входит лишь одна страна из постоянных членов СБ ООН – Китай, занимающий 10 место (2241 человек) (для сравнения: Россия – 82 чел., США – 32 чел., Великобритания – 517 чел., Франция – 767 чел.)²¹⁶. За последние годы Китай значительно увеличил количество миротворцев, направляемых для выполнения операций по поддержанию мира на Африканском континенте. В таблице 3 представлена информация о распределении миротворческого контингента России и Китая по миссиям.

Таблица 3 – Вклад России и Китая по типу персонала в миротворческих миссиях ООН в странах Африки и на Ближнем Востоке (данные на 28.02.2022 г.)

Миссия ООН	Полицейские		Военные советники		Офицеры штаба		Военнослужащие	
	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия
UNMISS (в республике)	9	14	4	3	16	0	1031	0

²¹⁶ Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты // Операции ООН по поддержанию мира: официальный сайт. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 16.05.2022).

Судан)								
MONUSCO (в Демократической Республике Конго)	0	10	8	6	7	4	218	0
MINURSO (в Западной Сахаре)	0	0	11	12	0	0	0	0
UNTSO (на Ближнем Востоке)	0	0	5	4	0	0	0	0
MINUSMA (в Мали)	0	0	0	0	8	0	413	0

Примечание. Составлено автором на основе информации, взятой с официального сайта Операций ООН по поддержанию мира, <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>²¹⁷.

Таблица 3 демонстрирует, что Россия и Китай являются партнерами в области обеспечения безопасности и стабильности в Африке. Обе страны направляют своих миротворцев, однако необходимо отметить, что хотя в большинстве случаев позиции России и Китая в СБ ООН совпадают, тем не менее, помимо общих целей в обеспечении безопасности в Африке, каждая из стран имеет свои экономические и стратегические интересы на континенте. Россия в большинстве случаев ограничивается командированием военных советников и офицеров штаба, тогда как Китай постепенно смягчает свою позицию невмешательства и наращивает присутствие миротворцев в Африке, в том числе контингента из числа военнослужащих. Кроме того, присутствие большого военного контингента Китая в Африке (в частности, в Мали и Судане) позволяет Народно-освободительной армии Китая (НОАК) получить опыт в борьбе с международным терроризмом.

Учитывая динамизм и перспективы развития Африканского континента, а также высокую вероятность возникновения на нем угроз международного терроризма, можно предположить, что в будущем вклад

²¹⁷ Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты // Операции ООН по поддержанию мира: официальный сайт. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 16.05.2022).

России и Китая как наиболее объективных членов Совбеза ООН (подход которых имеет больший объективизм и менее выраженную политику двойных стандартов) при сохранении тенденций, представленных в таблице 2, будет недостаточным. В данном случае имеется ввиду сравнительно незначительное военное и полицейское присутствие России и Китая на стратегически важном континенте. Так, например, по состоянию на конец августа 2020 г. в состав миротворческих сил ООН входили 70 граждан РФ: 26 военных наблюдателей, 25 участников полицейских миссий и 19 штабных офицеров (Россия занимала 70-е место из 120 по общему вкладу в состав сил (с учетом предоставленных полицейских))²¹⁸.

Важную роль в антитеррористической борьбе, как и в любой деятельности, имеет материальный фундамент, ее финансирование. Ранее уже указывались факты финансирования Россией и Китаем различных мероприятий в рамках ООН. Оба государства входят в десятку стран по размерам взносов на миротворческую деятельность. При этом постепенно увеличивается объем взносов Китая на миротворческую деятельность, что связано как с ростом ВВП на душу населения, статусом страны в ООН, так и стремлением поддержания мира и стабильности. На рисунке 5 представлен перечень из 10 стран, имеющих наибольшую долю в общем объеме взносов.

²¹⁸История участия российских военнослужащих в миротворческих миссиях (10.02.2020) // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/9959301> (дата обращения: 21.07.2021).

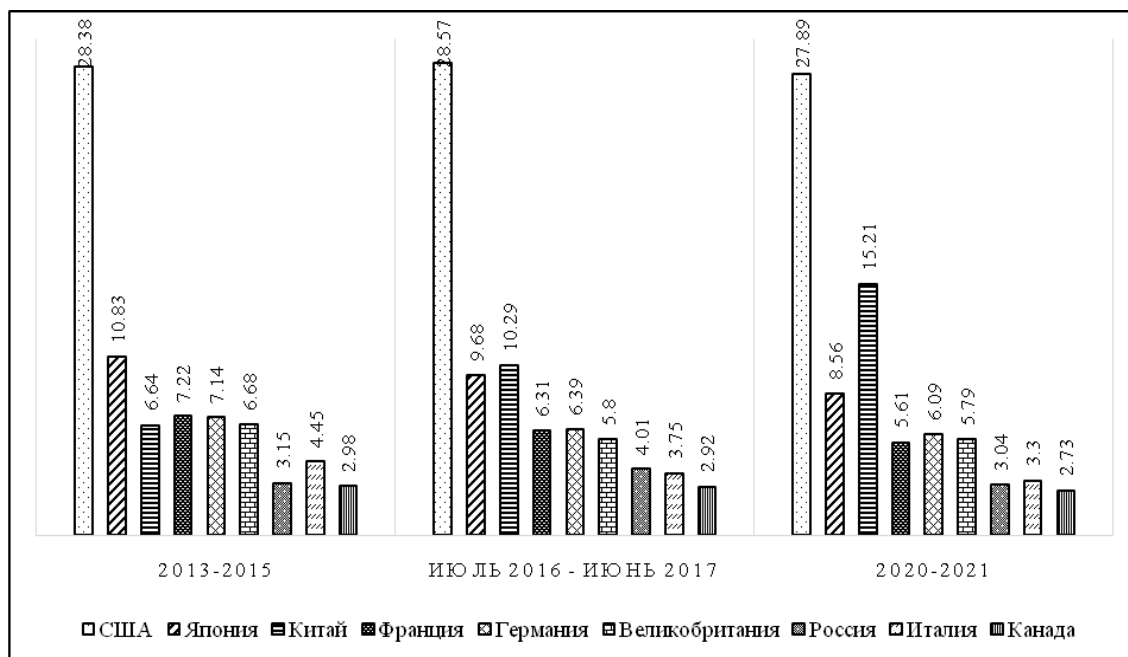


Рисунок 5 – Страны-лидеры по размерам взносов на миротворческую деятельность, % (Источник: официальный сайт ООН <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded#gadocs2>)

Как видно из рисунка 5, за последние годы Китай достиг показателя 10,29% (период: июль 2016 – июнь 2017), т. е. каждый десятый доллар (юань) из миротворческого фонда является «китайским». Причем при анализе периода 2013-2015 гг. можно заметить, что КНР занимает шестое место с долей 6,64% (т. е. за непродолжительный период времени увеличение составило 50%)²¹⁹. В 2020-2021 гг. объем взносов на миротворческую деятельность со стороны Китая составляет 15,21%, а страна является второй в списке стран, осуществляющих наиболее крупные финансовые вливания в рамках антитеррористической деятельности. В этот период несколько снизилась доля Японии с 9,68% за период июль 2016 – июнь 2017 до 8,56% в 2020-2021 гг., однако она продолжает занимать третье место в перечне государств на протяжении длительного периода времени. Доля России также снизилась за анализируемый период с 4,01% до 3,04%,

²¹⁹ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 137-150. – С. 142.

т. е. почти на четверть, однако этот спад может быть связан как с базой для расчета, так и с внешними причинами, как, например, пандемия и т. п.

Тем не менее исследуемые страны входят в список лидеров по финансированию мероприятий ООН антитеррористического характера на протяжении длительного периода времени.

Следует отметить, что как деятельность МТО, так и взаимодействие по борьбе с терроризмом постоянно эволюционируют, на что оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы. В настоящее время наиболее важные трансформации связаны с развитием глобальных информационных технологий. Развитие цифровых технологий открывает большие возможности для дальнейших научных открытий, освоения новых сфер деятельности, глобальной цифровизации всех аспектов жизни человека, а также делает общество все более уязвимым перед лицом терроризма, который в недалеком будущем все больше будет привлекать в свои ряды не просто сторонников определенных религиозных взглядов, а специалистов, способных вести террористическую войну на просторах цифрового пространства, организуя кибератаки на объекты инфраструктуры, промышленные предприятия, узлы связи, топливно-энергетические комплексы и т.д. Причем необходимо отметить возрастающий уровень негативного кибервоздействия. Показательным можно считать заявление основателя крупнейшей китайской компании «360» по предоставлению услуг в области интернет-безопасности Чжоу Хуньи, который отметил, что за последние несколько лет Китай подвергся 40 высокоуровневым хакерским атакам и 2700 атакам продвинутого уровня, исходящим из-за рубежа. Объектами покушения преимущественно становились предприятия авиакосмической отрасли и нефтяной промышленности, научно-исследовательские институты и крупные интернет-компании²²⁰. Нельзя утверждать, что все хакерские атаки

²²⁰Over 2,700 cyber attacks launched against China, Chinese security company 360 found (04.03.2021) // Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217364.shtml> (дата обращения: 15.06.2021).

организованы террористами, но это свидетельствует о повышении уровня деструктивности кибератак, а также о наличии технологий, способных обойти китайскую систему безопасности в интернете «Великий китайский файрвол». Еще одним подтверждением вышесказанного являются результаты исследований компаний Akamai и Global Web Index, в которых говорится, что с началом пандемии в 2020 году глобальный интернет-трафик вырос на 30% и оказал влияние на деятельность террористов, которые, ввиду введения жестких карантинных мер по всему миру, значительно увеличили свою активность в Интернете по вербовке и подстрекательству к терроризму, а также в направлении разработки и осуществления кибератак.

Особую актуальность противодействия угрозам в киберпространстве придает возможность удаленного воздействия на объект без физического присутствия. В связи с чем глобальный характер Интернета и цифровизации требует тесного международного взаимодействия для противодействия терроризму на информационных платформах.

Таким образом, учитывая важность поставленного выше вопроса, в рамках ООН получила развитие деятельность по противодействию функционирования МТО в информационном пространстве. Впервые в международной практике Россия и Китай обратились к проблемам киберпространства в 1998 году, когда Китай поддержал проект резолюции по вопросам информатизации в рамках тематики международной безопасности, внесенный Россией в Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН. В одном из пунктов в перечне предложений была обозначена необходимость предотвращения преступного или террористического использования информационных технологий. Тогда впервые в рамках вопроса о месте научных достижений в технических разработках в контексте международной безопасности Россия подняла вопрос о внедрении информационных технологий в современном мире и их значении в поддержании международной стабильности. Проект был принят

и оформлен в резолюцию (A/RES/53/70)²²¹, однако часть статей из него не вошли в окончательный документ. Это стало первым шагом, подтверждающим схожесть позиций России и Китая в ООН в борьбе с проявлениями терроризма в киберпространстве.

В 2004 году Россия и Китай вошли в состав Группы правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по достижениям в области информатизации и телекоммуникаций в рамках обеспечения международной безопасности. Тогда же в результате совместной работы экспертов был разработан документ о достижениях телекоммуникаций и информатизации в контексте международной безопасности, однако на заключительном этапе рассмотрения доклад не был принят, ввиду несогласия представителя США. Необходимо отметить, что в процессе многолетнего диалога по международной кибербезопасности в рамках ГПЭ (в 2018 г. переименована в Рабочую группу открытого состава –РГОС) к 2018 году в мировом сообществе сформировалось 2 позиции относительно дальнейшего развития мер по борьбе с угрозами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): 1 РГОС, к которой относятся Россия и Китай, выступает за установление контроля над кибероружием с помощью юридически обязательных инструментов, 2 группа во главе с США нацелена на добровольные нормы в мирное время²²². Стоит подчеркнуть, единый подход России и Китая в видении проблемы безопасности в киберпространстве основан на правилах и нормах, касающихся понятий общественной безопасности в ИКТ среде и национальной идентичности.

В формате РГОС Россия и Китай выступили за идею объединения сил в борьбе с угрозами в информационном пространстве, что свидетельствует о

²²¹Резолюция A/RES/53/70 Достижения в сфере информатизации и коммуникации в контексте международной безопасности – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/05/PDF/N9976005.pdf?OpenElement>.

²²²Ежегодник СИПРИ 2019: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – Москва : ИМЭМО РАН, 1998-2019. – 2020. – 893 с. – (в пер.). – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/SIPRI/SIPRI-2019-rus.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

том, что осознание деструктивной силы информационной агрессии и потенциала информационных платформ для деятельности криминальных структур и террористов заложило фундамент для развития взаимодействия между государствами не только в рамках ГПЭ, но и на площадках международных организаций (ШОС, БРИКС, СНГ, ОДКБ, и т.д.) и двустороннем уровне.

Классификация видов деятельности, связанных с поощрением и поддержкой террористических актов в Интернете, приводится в документе Управления ООН по наркотикам и преступности «Использование интернета в террористических целях» (2013), в данную классификацию включены пропаганда (вербовка, радикализация и подстрекательство к терроризму), финансирование, обучение, планирование, исполнение и кибератаки²²³. Однако, как показывают результаты анализа и практической деятельности, терминологический аппарат, разработанный под эгидой ООН, характеризуется значительной широтой и невысоким уровнем конкретики. Отчасти это связано с особенностями проявления террористической деятельности в различных условиях. В результате чего возникает предположение, что определения, указанные в резолюциях ООН, имеют общий характер и являются своеобразным фундаментом для разработки систем понятий в рамках региональных организаций, например, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В 2001 году, когда к «Шанхайской пятерке» присоединился Узбекистан, механизм для решения пограничных вопросов между бывшими Советскими республиками и Китаем был преобразован в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Главной задачей организации стало развитие сотрудничества в противодействии распространению терроризма, экстремизма и сепаратизма в Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Являясь межрегиональной организацией

²²³ The use of the Internet for terrorist purposes // The UN official website. – URL: https://www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes.pdf (дата обращения: 25.06.2021).

международного сотрудничества, на сегодняшний день ШОС играет роль, которую нельзя игнорировать в антитеррористическом сотрудничестве, построенном на принципах взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, консультации, уважения к различным цивилизациям и стремления к всеобщему развитию²²⁴.

За годы существования ШОС организацией было принято более 15 договоров, деклараций и других документов, касающихся борьбы с терроризмом и экстремизмом. Китай и Россия как крупнейшие государства-члены ШОС играют важную роль при разработке договорной базы сотрудничества²²⁵. В Приложении Б представлен перечень основных законодательных документов ШОС с пояснениями в виде антитеррористической составляющей каждого документа.

Динамика развития нормативной правовой базы ШОС эволюционировала, причем можно проследить закономерную тенденцию от общего к частному. Так, первоначально закладывались основы функционирования ШОС, прежде всего Декларация ШОС (2001), в которой отмечено направление на обеспечение региональной безопасности и создание антитеррористического центра ШОС. На этом же заседании принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15.06.2001), в которой вышеотмеченные деяния указаны в качестве угроз международной безопасности.

В следующем году (07.06.2002) с целью эффективного функционирования механизма борьбы с терроризмом, наращивания потенциала совместных антитеррористических операций и проведения регулярных военных учений для отработки специальных навыков и методов борьбы с терроризмом была учреждена Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС), координирующая взаимодействие компетентных

²²⁴ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 137-150. – С. 146.

²²⁵ Там же, С. 147

органов государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Были определены основные направления деятельности РАТС, к которым относятся²²⁶:

- содействие в подготовке и проведении ежегодных антитеррористических учений;
- сотрудничество с международными и региональными антитеррористическими организациями (Антитеррористический Центр СНГ, КТЦ ООН, Секретариат ОДКБ и т. д.)²²⁷;
- содействие в подготовке инструкторов для контртеррористических подразделений;
- создание информационного банка данных;
- сбор и обмен информацией контртеррористического характера;
- проведение регулярных встреч, совещаний, конференций по вопросам борьбы с «тремя злами».

В 2004 году было подписано Соглашение о базе данных РАТС, в которой должна аккумулироваться информация об организациях террористического характера, их организации и структуре и т. д.

На протяжении всего периода своего существования РАТС неоднократно демонстрировала эффективность своей деятельности. В 2016 г. по линии РАТС были достигнуты результаты, представленные на рисунке 6²²⁸.

²²⁶ История РАТС // РАТС ШОС: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://ecrats.org/ru/news/activity/> (дата обращения: 21.07.2021).

²²⁷ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 137-150. – С. 141.

²²⁸ Портяков, В.Я. Сотрудничество в сфере безопасности между Китаем, Россией и республиками Центральной Азии. – URL: portyakov-2-2016_jun_ru.pdf (ifes-ras.ru) (дата обращения: 05.08.2021).

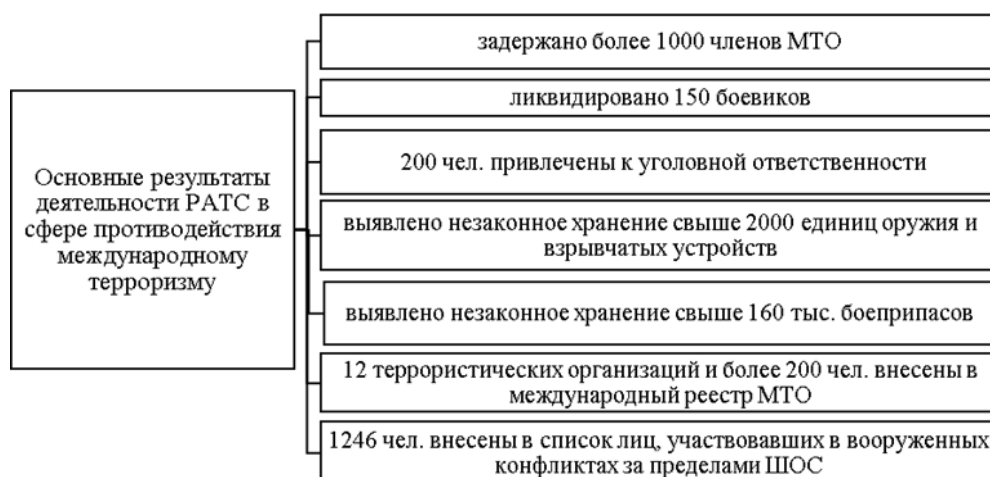


Рисунок 6 – Результаты деятельности РАТС в 2016 году

Следующим шагом в развитии ШОС стала Концепция сотрудничества стран-участниц организации в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2005)²²⁹, в которой были обозначены цели и принципы деятельности, а также приоритетные направления взаимодействия и методы сотрудничества.

В целом, в целях обеспечения международной стабильности ШОС ежегодно проводит ряд мероприятий, направленных на противодействие международному терроризму и его деструктивным проявлениям. Так, уже в 2006 году были определены антитеррористические цели в тот период деятельности, а, например, в 2007 году подписано Соглашение о проведении совместных военных учений.

В 2009 году приняты основы обучения и переподготовки квалифицированного персонала для антитеррористических структур государств-членов ШОС, а в 2015 году согласована Стратегия развития ШОС до 2025 г., в рамках которой формируются и принимаются различного рода документы (например, Программы сотрудничества государств-членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2022-

²²⁹ Концепция сотрудничества стран-участниц организации в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – URL: <https://base.garant.ru/12140899/> (дата обращения: 10.10.2021).

2024 годы, Плана взаимодействия в области международной информационной безопасности на 2022-2023 годы и так далее)²³⁰.

Необходимо подчеркнуть, что в целом страны-участницы ШОС пришли к определенному общему пониманию понятий «терроризм», «террористический акт», «террористическая организация», «сепаратизм» и «экстремизм», что было зафиксировано в подписанных конвенциях. Анализируя Конвенции ШОС от 2001 г. и 2009 г.²³¹, можно проследить определенную эволюцию понятия «терроризм», от преступного деяния до идеологии.

Помимо обширной документально-правовой базы ШОС в области сотрудничества в борьбе с терроризмом (Приложение Б), эффективным механизмом многостороннего взаимодействия в рамках ШОС является проведение ежегодных встреч и совещаний, включая Саммит ШОС, встречи премьер-министров стран-участниц ШОС, совещания руководителей парламентов, совещания министров обороны и МЧС, встречи секретарей Советов безопасности государств-членов ШОС, заседания группы экспертов пограничных служб компетентных органов и т.д. В рамках мероприятий подводятся итоги и оценки совместной работы, определяются приоритетные направления дальнейшего сотрудничества и планируются дальнейшие шаги взаимодействия. Так, на шестнадцатой встрече секретарей Советов безопасности государств-членов ШОС (23.06.2021) была подчеркнута роль пандемии COVID-19 как катализатора обострения социально-экономических проблем и как следствие подъема на ее фоне терроризма²³².

В то же время антитеррористическое сотрудничество в рамках ШОС расширилось до взаимодействия в направлении борьбы с финансированием

²³⁰ Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС – URL: <http://rus.sectsco.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 10.10.2021).

²³¹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339374> (дата обращения: 10.10.2021).

²³² Информационное сообщение по итогам шестнадцатой Встречи секретарей советов безопасности государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (23.06.2021) // ШОС: официальный сайт. – URL: <http://rus.sectsco.org/news/20210623/764091.html> (дата обращения: 02.08.2021).

терроризма. Так, наркоторговля является одним из основных источников финансовых поступлений исламских экстремистов и террористов в Центрально-Азиатском регионе, в 2004 году в рамках ШОС было подписано соглашение о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств.

Важным направлением сотрудничества стран-участниц организации является проведение регулярных военных учений. Россия и Китай на постоянной основе принимают участие в военных мероприятиях, служащих демонстрацией отлаженного механизма совместного взаимодействия и повышающих уровень специальной подготовки по реагированию в сложных ситуациях. Антитеррористические учения проводятся как в рамках мероприятий ШОС с участием всех стран-участниц организации, так и отдельно между вооруженными силами России и Китая.

Первые масштабные международные антитеррористические учения «Взаимодействие-2003» в рамках ШОС прошли в августе 2003 года на территории Казахстана и Китая с участием 5 государств-членов организации, в том числе Китая и России²³³. Последующие антитеррористические учения ШОС, проводимые с 2005 г., проходили под кодовым названием «Мирная миссия». В 2012 году Россия и Китай начали проводить двусторонние маневры «Морское взаимодействие», территориально учения разворачивались в России в акваториях Японского и Охотского морей и на территории Китая в акваториях Желтого моря, Восточно-китайского и Южно-китайского морей²³⁴.

Необходимо отметить, что во время проведения первых совместных учений Россия как страна, имеющая наибольший опыт в организации подобных мероприятий и взаимодействии со странами Центральной Азии (общий язык, историческое прошлое, военное снаряжение и т. п.), взяла на

²³³ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 137-150. – С. 142.

²³⁴ Букреева, Т.Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т.Н. Букреева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 137-150. – С. 143.

себя направляющую роль. Для Китая участие в военных учениях послужило приобретением опыта военного взаимодействия на территории других государств. Хронология военных антитеррористических учений с российско-китайским участием представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Антитеррористические учения России и Китая с 2003 г. по наст. время)

Год	Название	Уровень	Участники	Место проведения
2003	Взаимодействие	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан	1 этап: Учарал (Казахстан); 2 этап: Инин (Синьцзян, Китай)
2005	Мирная миссия	Двусторонний	Россия, Китай	Владивосток (Россия), п-ов Шаньдун (Китай)
2007	Мирная миссия	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан	Урумчи (Синьцзян, Китай), полигон Чебаркуль (Челябинская обл., Россия)
2009	Мирная миссия	Двусторонний	Россия, Китай	Хабаровск (Россия), полигон Таонань (Китай)
2009	Острый меч на границе	Двусторонний (приграничное взаимодействие)	Россия, Китай	Акватория р. Амур (Благовещенск, Россия и Хэйхэ, Китай)
2010	Мирная миссия	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан	Алма-Ата, полигон Матыбулак (Казахстан)
2011	Тянь-Шань-2	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан	Кашгар (Синьцзян, Китай)
2012	Мирная миссия	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан	Полигон Чорух-Дайрон (Таджикистан)
2012	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	Циндао (акватория Желтого моря, Китай)
2013	Мирная миссия	Двусторонний	Россия, Китай	Чебаркуль (Челябинская обл., Россия)
2013	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	Владивосток (акватория Японского моря, Россия)
2014	Мирная миссия	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан	Хух-Хото (полигон Чжужихэ во Внутренней Монголии, Китай)
2014	Морское взаимодействие-	Двусторонний	Россия, Китай	Усун (акватория северной части Восточно- Китайского моря, Китай)

2014	Острый меч	Двусторонний (приграничное взаимодействие)	Россия, Китай	Маньчжурия (Китай)
2015	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	1 этап: Средиземное море; 2 этап: Владивосток (акватория залива Петра Великого, Россия)
2015	Сямынь (противодействие киберугрозам)	Многосторонний (в рамках ШОС)	Государства- члены ШОС	Сямынь (КНР)
2016	Мирная миссия	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан	Полигон Эдельвейс (Иссык-Кульская обл., Кыргызстан)
2016	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	Акватория Южно- Китайского моря (Китай)
2017	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	1 этап: Балтийское море; 2 этап: Владивосток (акватория Японского и Охотского морей, Россия)
2018	Мирная миссия	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Индия, Пакистан	Чебаркуль (Челябинская обл., Россия)
2018	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	Циндао (акватория Желтого моря, Китай)
2019	Центр	Многосторонний (в рамках ШОС)	Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Индия, Пакистан, Узбекистан	полигон Доргуз (Оренбургская обл., Россия)
2019	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	Циндао (акватория Желтого моря, Китай)
2019- 2021	Солидарность	Многосторонний	Государства- члены ШОС	Пограничные районы
2020	Кавказ	Многосторонний	Россия, Китай, Армения, Белоруссия, Мьянма, Пакистан, Иран	Полигоны Южного военного округа (Россия), акватории Черного и Каспийского морей
2020 (сентябрь 2021)	Мирная Миссия	Многосторонний	Россия, Китай, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан	Полигон Доргуз (Оренбургская обл., Россия)
2021	Морское взаимодействие	Двусторонний	Россия, Китай	Акватория Японского моря (Россия)

Как видно из представленной таблицы, в учениях «Мирная миссия», проводимых в 2007, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018 и 2021 годах, приняли участие Россия, Китай и другие страны-участницы ШОС. Учения носили антитеррористический характер, и основная цель взаимодействия заключалась в отработке навыков отражения террористической угрозы. Российские и китайские эксперты дали высокую оценку подготовке и проведению учений, однако западные аналитики не раз писали о довольно посредственном уровне взаимодействия во время учений, отмечая, что зачастую все действия сводились к обычному перемещению военнослужащих и техники по периметру обозначенной зоны и общению по мобильным телефонам²³⁵. В 2020 году из-за распространения новой коронавирусной инфекция регулярно проводимые «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие» были перенесены, таким образом, крупнейшим военным мероприятием с российско-китайским участием стало стратегическое командно-штабное учение «Кавказ-2020», в ходе которого были отработаны операции по борьбе с международными террористическими организациями²³⁶.

Регулярность проведения российско-китайских военных учений и в формате ШОС, и в двустороннем формате помогает достичь высокого уровня согласованности действий двух стран. Сложность и разнообразие климатических и географических условий, в которых проходят учения (от Южно-Китайского моря до Средиземного моря, от Владивостока до Синьцзяна), указывают на взаимное доверие сторон и перспективы дальнейшего развития совместных учений в новых направлениях, например, с применением искусственного интеллекта.

Не менее важным направлением сотрудничества России и Китая в многостороннем формате является подготовка компетентных кадров для

²³⁵Bolt, P.J., Cross, S.N. China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics. Oxford University Press, 2018. – 336 p. –P. 123.

²³⁶Загорская, О. Международные учения Вооруженных Сил РФ в 2020 году. Обзор. / О. Загорская // Новый оборонный заказ. Стратегии. – 2021. – №1(66). – URL: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2021-1-66/mezhdunarodnye-ucheniya-vooruzhennyh-sil-rf-v-2020-godu-obzor/> (дата обращения: 26.06.2021).

взаимодействия в области противодействия терроризму и организованной преступности. С этой целью в 2014 году Министерство общественной безопасности Китая на базе Шанхайского университета политических наук и права учредило Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (China National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation, SNISCO, далее – Центр). Данный Центр является специализированным институтом для подготовки официальных лиц для ШОС. По данным Центра, в период с 2014 по июль 2018 года в учреждении прошли подготовку более 300 специалистов из государств-участниц ШОС²³⁷. Хотя не представляется возможным определить точное количество участников программы с российской стороны, однако приобретенные знания и навыки в борьбе терроризмом, наркотрафиком, киберпреступностью и трансграничными преступлениями служат важной составляющей успешного антитеррористического взаимодействия для всех участников ШОС. 10 июня 2018 года на 18-ом Саммите ШОС в Циндао (КНР) председатель Си Цзиньпин выступил с заявлением о том, что Китай готов продолжать использовать такие платформы как Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС и планирует в течение следующих трех лет принять на обучение 2000 сотрудников органов правоохранительной деятельности государств-членов ШОС с целью повышения эффективности их работы в борьбе с угрозами мировой стабильности и безопасности²³⁸.

Отдельным вопросом взаимодействия государств-членов ШОС является противостояние деструктивным тенденциям и явлениям, исходящим из Афганистана. Прежде всего, имеется в виду предотвращение притока в регион террористических сил, пресечение наркотрафика и

²³⁷Van der Kley, D. China's Security Activities in Tajikistan and Afghanistan's Wakhan Corridor / ed. by N. Rolland, Securing the Belt and Road Initiative. National Bureau of Asian Research, 2019. – URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr80_securing_the_belt_and_road_sep2019.pdf (дата обращения: 27.07.2021).

²³⁸China National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation. Introduction. – URL: <http://cnisco.shupl.edu.cn> (дата обращения: 16.06.2021).

трансграничной преступности. В 2005 году была образована Контактная группа «ШОС – Афганистан», работа которой заключается в налаживании диалога и проведении консультаций с афганскими властями. По мнению российского экспертного сообщества, далеко не все проекты Группы были реализованы и не по всем вопросам сторонам удавалось прийти к единому мнению, однако ей был накоплен полезный опыт в отношении подходов к афганскому вопросу. Примером масштабного многостороннего мероприятия по проблемам Афганистана может служить международная конференция с участием членов-государств ШОС, а также представителей крупнейших мировых организаций и объединений (ООН, ОБСЕ, ЕС, ОДКБ, НАТО и др.), которая состоялась 27 марта 2009 года в Москве. Впоследствии, ввиду санкций, наложенных на Россию, встречи по проблемам Афганистана проходили в более узком формате.

На регулярной основе проходят консультативные встречи Группы по вопросам Афганистана. В условиях смены власти в Афганистане и неоднозначного отношения государств-членов ШОС к новому правительству во главе с «Талибаном» (запрещено в России) очевидно, что Китаю и России придется взять на себя роль «модераторов» переговорного процесса с талибами по вопросам стабилизации ситуации в стране и обеспечения безопасности в регионе в контексте предотвращения террористической угрозы. В этой связи целесообразно использовать многосторонний механизм взаимодействия с переменным количеством участников «под зонтиком» ШОС²³⁹ (например, Россия-Китай-Пакистан, Россия-Китай-Индия, Россия-Китай-Таджикистан и т. д.), предлагаемый А.Кортуновым.

Многосторонний механизм сотрудничества в рамках ШОС является актуальным и для противодействия международной террористической деятельности в информационном пространстве. Важным шагом в этом

²³⁹ Кортунов, А. (15.06.2021) Афганистан как стресс-тест для ШОС // Российский совет по международным делам: официальный сайт. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afghanistan-kak-stress-test-dlya-shos/> (дата обращения: 20.08.2021).

направлении стало принятие на саммите ШОС 15 июня 2006 года решения о создании государствами-членами организации Группы экспертов по международной информационной безопасности (далее – Группа) ²⁴⁰. Результатом работы Группы было подписание в 2009 году соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности ²⁴¹. Это соглашение стало первым международным договором по информационной безопасности, в котором конкретно рассматривался круг вопросов, поднимавшихся в ежегодных резолюциях ООН «в контексте международной безопасности», начиная с 1999 года. Статья 3 договора определяет направления сотрудничества для борьбы с широким спектром угроз, в том числе противодействие террористическим угрозам с применением информационно-коммуникационных технологий. В приложении 2 в перечне видов угроз назван информационный терроризм и его деструктивное действие на информационные ресурсы. Практическая реализация соглашения подтверждается конкретными данными по пресечению деятельности террористических организаций на информационном пространстве усилиями РАТС ШОС: в 2018 году был ограничен доступ более чем к 165 тыс. интернет-ресурсов и пресечена деятельность более 3 тыс. участников террористических и религиозно-экстремистских образований²⁴².

14 сентября 2011 года по инициативе России, Китая, Узбекистана и Таджикистана на 66-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН было рассмотрено предложение о принятии документа, предписывающего нормы поведения в области обеспечения международной информационной

²⁴⁰ Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности (15.06.2006) // Центральный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=94> (дата обращения: 29.07.2021).

²⁴¹ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626>.

²⁴² Инфофорум-Китай-19 // Infoforum. – URL: <https://old.infoforum.ru/conference/conference/view/id/57> (дата обращения: 25.07.2021).

безопасности. Свод правил из 12 пунктов был сформулирован на основе четкой позиции вышеперечисленных стран о необходимости пресечения использования информационных и коммуникационных технологий с деструктивными целями. В документе также содержится призыв к исполнению обязательств по пресечению распространения контента террористического и экстремистского характера, направленного на дестабилизацию политической, экономической и социальной среды других стран, а также разрушение их духовной и культурной жизни²⁴³. В дальнейшем государства-члены ШОС неоднократно демонстрировали готовность продолжить сотрудничество в сфере противодействия распространения информации террористического характера в сети Интернет, что было зафиксировано в декларациях по итогам ежегодных встреч: Астанинской декларации (2017 г.)²⁴⁴, Циндаоской декларации (2018 г.)²⁴⁵, Бишкекской декларации (2019 г.)²⁴⁶ и Московской декларации (2020 г.)²⁴⁷.

В заключение необходимо отметить, что ООН и ШОС являются платформами, на которых Россия и Китай активно взаимодействуют в направлении противодействия терроризму, демонстрируя единство позиций и придерживаясь схожести подходов. Обе страны признают главенствующую роль ООН в противодействии терроризму, а также выступают за укрепление координирующей функции ООН в развитии сотрудничества с региональными организациями для обеспечения стабильности и безопасности в мире и регионах. Признавая международное сотрудничество на основе многостороннего механизма взаимодействия

²⁴³ Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. // Посольство РФ в Великобритании: официальный сайт. – URL: <https://www.rus.emb.org.uk/data/doc/internationalcodorus.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).

²⁴⁴ Астанинская декларация глав-государств членов Шанхайской организации сотрудничества – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5206>.

²⁴⁵ Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315>.

²⁴⁶ Бишкекская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5421>.

²⁴⁷ Московская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5575>.

необходимым условием эффективной борьбы с терроризмом в различных его проявлениях, Россия и Китай принимают активное участие в контртеррористических проектах КТЦ ООН, вносят значительный вклад в миротворческую деятельность ООН, выступают организаторами многосторонних военных антитеррористических учений в рамках ШОС и инициаторами новых контртеррористических инициатив в ООН и ШОС. Это свидетельствует о высокой степени вовлеченности России и Китая в борьбу с террористической угрозой как в глобальном масштабе, так и на региональном уровне. Однако необходимо также выделить, что в силу появления ряда новых вызовов и угроз (пандемия COVID-19, гуманитарная катастрофа на Донбассе), с целью повышения эффективности функционирования ООН и Совбеза ООН в мировом сообществе встал вопрос об их реформировании. В частности, Россия и Китай солидарно видят ООН в роли эффективного механизма глобального управления, одним из направлений работы которого стало бы создание единого глобального фронта в борьбе с международным терроризмом. В свою очередь, расширение взаимодействия ООН и ШОС с координирующей ролью России и Китая впоследствии может стать еще одной площадкой для продвижения российско-китайских контртеррористических инициатив в области информационного пространства, транснациональной преступности, финансирования терроризма и т. д.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что международные площадки (глобального и регионального уровней) являются ключевым средством борьбы с проявлениями международного терроризма. Односторонние меры и «политика силы», ярким проявлением которой является факт вторжения коалиции во главе с США в Югославию, Ирак, доказали свою не только неэффективность, но и деструктивность в долгосрочном периоде, т. к. после завершения активных боевых действий и вывода войск коалиции в странах дестабилизация оказывалась намного выше, чем до вмешательства извне (Ливия, Ирак и т. д.). В связи с этим

активное участие некоторых важных акторов международных отношений в рамках ранее установленных, но в последнее время нарушаемых механизмов и правил выглядит более предпочтительным. Ключевыми акторами этих действий являются Россия и Китай, которые активно используют нормы международного права, не придерживаясь политики «сильного», направленной на достижение целей любыми средствами, даже вне рамок международных правил и ущерб репутации международных организаций.

Таким образом, только соблюдение ключевых принципов международного сотрудничества (признание главенствующей роли ООН, принцип равноправного сотрудничества, право формирования региональных специализированных организаций с ориентацией на деятельность ООН) позволит повысить эффективность деятельности международных институтов в целом и механизмов реализации их решений.

2.3 Этапы и уровни взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении стабильности на двусторонней основе

Сотрудничество двух стран, обусловленное предпосылками, приведёнными выше, осуществляется на различных уровнях государственного и муниципального управления, что отражено на рисунке 7.

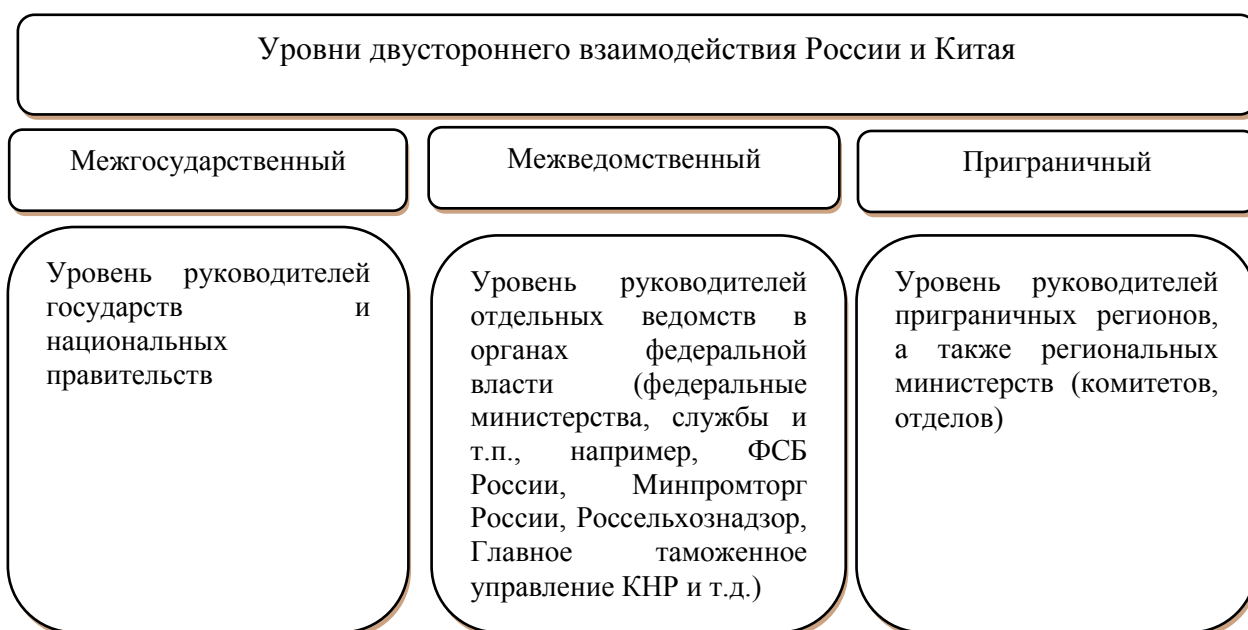


Рисунок 7 – Уровни двустороннего взаимодействия России и Китая

На основе проведенного анализа развития двустороннего российско-китайского антитеррористического сотрудничества и динамики совместной антитеррористической деятельности можно представить развитие взаимодействия двух стран в данной области в виде следующей периодизации:

- 1) Подготовительный этап (1991-2000)
- 2) Фундаментальный этап (2000-2003)
- 3) Конструктивный этап (2003-2008)
- 4) Результирующий этап (2008 – по настоящее время).

Подготовительный этап (1991-2000) охватывает временной период с распада Советского Союза вплоть до 2000 года. В России этот период отмечен подъемом националистического движения в Чечне, Первой чеченской войной (1994-1996), началом Второй чеченской войны (1996), а также пересмотром стратегии внешней политики. В Китае в начале 1990-х годов руководство корректирует национальную политику страны в сторону послабления ограничений религиозного характера и вероисповедания. В начале 1990-х годов перед страной встает проблема проникновения экстремистских идей пантюркизма из соседних стран Средней Азии. Таким

образом, оба государства столкнулись с проблемами террористического характера, на которые оказывали влияние международные террористические движения (преимущественно мусульманского толка). Взаимодействие на этом этапе носит эпизодический, очаговый характер (в рамках международных норм, в т. ч. резолюций ООН), однако еще отсутствует слаженная система. Происходит осознание современных вызовов и угроз.

На данном этапе начинается взаимодействие органов внутренних дел приграничных регионов России и Китая, включающее в себя сотрудничество между органами общественной безопасности провинции Хэйлунцзян и правоохранительными органами Дальневосточного Федерального округа, автономным районом Внутренняя Монголия и Забайкальским краем, Приморским краем и провинцией Цзилинь. Поскольку самый протяженный участок российско-китайской границы проходит вдоль провинции Хэйлунцзян (более 3000 км), то основное сотрудничество приграничных регионов России начало развиваться именно с этой пограничной китайской провинцией.

Приграничное сотрудничество органов внутренних дел России и Китая началось в 1993 году с подписания первого двустороннего соглашения о сотрудничестве приграничных органов внутренних дел и протокола совещания между Департаментом общественной безопасности провинции Хэйлунцзян и Управлением внутренних дел по Хабаровскому краю РФ. Это заложило правовую основу для развития дальнейшего сотрудничества на межведомственном уровне приграничных регионов. В конце 1990-х годов был подписан еще ряд соглашений между Россией и Китаем, в разной степени касающихся борьбы с организованной преступностью, в том числе и в приграничных регионах: июнь 1995 г. – подписание Договора между Россией и Китаем о выдаче²⁴⁸; август 1995 г. –

²⁴⁸ Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901091>.

заключение соглашения между Федеральной пограничной службой РФ и Министерством обороны КНР о пограничном сотрудничестве²⁴⁹; 1996 г. – подписание Соглашения между правительством РФ и правительством КНР о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими²⁵⁰, 1997 г. – подписание протокола встречи между Департаментом общественной безопасности автономного района Внутренняя Монголия (Китай) и Управлением внутренних дел Читинской области (Россия). Представленные выше примеры можно также отнести и к межведомственному международному взаимодействию²⁵¹. В этот же период 3 июля 1998 года в рамках «шанхайской пятерки» главами государств (России, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана и Китая) была подписана «Алмаатинская декларация», выступающая за расширение двустороннего и многостороннего сотрудничества сторон в борьбе с сепаратизмом, религиозным экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и терроризмом²⁵².

Фундаментальный этап (2000-2003) характеризуется заложением основ (фундамента) двустороннего сотрудничества. Данный этап связан с подписанием 15.06.2001 года Россией и Китаем Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой уделяется особое внимание путям осуществления сотрудничества и обмену информацией. Вслед за подписанием Шанхайской конвенции Россия и

²⁴⁹ Соглашение между Федеральной пограничной службой Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о пограничном сотрудничестве. – URL: <http://ps.fsb.ru/fps/international/agreement/text.htm%21id%3D10320717%40fsbArticle.html>.

²⁵⁰ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=11&nd=203001265&collection=1.

²⁵¹ 鄂立志. 中俄边境管理合作中存在的问题与对策研究/ 鄂立志//西伯利亚研究. – 2016. – 43 (1). – 54-57 页. (на русс.: Э Личжи. Исследование мер противодействия и существующих проблем в китайско-российском приграничном сотрудничестве // Siberian Studies. – 2016. – 43(1). – С. 54-57).

²⁵² 姜振军. 俄罗斯国家安全问题研究: 博士学位论文 / 姜振军; 黑龙江大学. – 哈尔滨, 2008 年. – 366 页 – 第 317 页. (на русс.: Цзян Чжэньцзюнь. Исследование вопросов национальной безопасности России: диссертация на соискание ученой степени доктора наук / Цзян Чжэньцзюнь; Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2008. – 366 с.– С. 317).

Китай подписали межгосударственный договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16.07.2001)²⁵³, 20-ая статья которого отмечает важность сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму, а также преступным действиям, связанными с ними. На основополагающие процессы сотрудничества также оказали влияние события 11.09.2001 г. в США.

На данном этапе одной из первых договоренностей о сотрудничестве двух стран стало подписание 28 ноября 2001 года межведомственного соглашения о сотрудничестве органов безопасности России и Китая. Данное соглашение послужило следующим шагом в укреплении двустороннего сотрудничества в области противодействия преступным действиям, в том числе террористическим актам. Кроме того, оно явилось толчком для дальнейшего развития регионального и прежде всего приграничного сотрудничества в борьбе с терроризмом между двумя странами. В результате в июне 2002 г. Россия и Китай заключили соглашение о двустороннем взаимодействии представителей органов внутренних дел и общественной безопасности в приграничных регионах. В рамках данного документа российская и китайская стороны подписали ряд дополнительных соглашений, определяющих направления и формы сотрудничества между соответствующими ведомствами приграничных регионов.

Конструктивный этап (2003-2008) заключается в формировании многоуровневой и многовекторной системы (своеобразной конструкции) двустороннего взаимодействия. В частности, в этот период получило дальнейшее развитие приграничное и межведомственное сотрудничество. Летом 2004 года департамент общественной безопасности провинции Хэйлунцзян КНР и управление внутренних дел по Дальневосточному федеральному округу РФ подписали протокол переговоров о совместном пресечении транснациональной преступности на границах двух стран. В

²⁵³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901792686>.

документе были сформулированы четыре механизма сотрудничества судебных органов и полиции: проведение регулярных встреч, механизм координации процесса расследования дел, механизм обмена разведданными, а также механизмы организации связи.

В 2005 году между Россией и Китаем на разных уровнях был подписан ряд документов, направленных на борьбу с трансграничной преступностью и обеспечение безопасности в приграничных регионах. Так, был подписан «Протокол о сотрудничестве в области борьбы с оборотом наркотиков в приграничных районах между Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики и Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков». Согласно соответствующим положениям протокола, отделы общественной безопасности по борьбе с оборотом наркотических средств китайских приграничных провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, а также автономных районов Синьцзян и Внутренняя Монголия наделялись полномочиями напрямую обмениваться разведывательной информацией и сотрудничать с соответствующими отделами правоохранительных органов приграничных районов России на Дальнем Востоке и Сибири. Вслед за подписанием данного протокола в 2005 году отдел по борьбе с наркотиками Управления общественной безопасности провинции Хэйлунцзян и Управление по контролю за оборотом наркотиков Приморского края России совместно раскрыли крупное транснациональное дело о контрабанде наркотиков, оружия и боеприпасов с участием преступных группировок из России и Китая²⁵⁴.

В сентябре 2005 года в Хабаровске представители правоохранительных органов провинции Хэйлунцзян и Дальневосточного Федерального округа подписали двустороннюю программу действий в

²⁵⁴姜振军。俄罗斯国家安全问题研究：博士学位论文 / 姜振军；黑龙江大学。— 哈尔滨，2008 年。— 366 页 — 第 318 页。(на русс.: Цзян Чжэньцзюнь. Исследование вопросов национальной безопасности России: диссертация на соискание ученой степени доктора наук / Цзян Чжэньцзюнь; Хэйлунцзянский университет. — Харбин, 2008. — 366 с. — С. 318).

сфере борьбы с преступностью, включившую в себя противодействие контрабанде наркотических веществ и оружия, культурных ценностей и драгоценных металлов, а также пресечение незаконных пересечений границы и прочей криминальной деятельности. Кроме того, договоренность касалась противодействия организованным транснациональным преступным группам, а также – терроризму.

2 марта 2006 г. между Россией и Китаем был подписан ряд документов, затрагивающих противодействие террористическим проявлениям на территории двух стран. В результате проведенных в 2006-2007 гг. встреч стороны сформулировали ряд предложений, касающихся развития антитеррористического сотрудничества:

- установить формат прямого взаимодействия между антитеррористическими подразделениями министерств России и Китая;
- активизировать совместную работу антитеррористических структур двух стран на региональном уровне;
- разработать план совместной деятельности по выявлению террористических ячеек и финансовых потоков, спонсирующих терроризм;
- регулярно осуществлять обмен информацией, в том числе технического характера, по алгоритму действия в процессе предотвращения террористических актов.

Результирующий этап (2008-по настоящее время) обобщает итоги предыдущих этапов. С началом данного этапа двустороннее сотрудничество приобрело прикладной системный характер. Отправной точкой можно считать Олимпиаду 2008 года в Пекине.

В 2008 году состоялся целый ряд консультативных встреч между делегациями России и Китая по вопросам обеспечения безопасности во время проведения летних Олимпийских игр в Пекине. Так, в июне 2008 г. делегация отдела международного сотрудничества департамента общественной безопасности провинции Хэйлунцзян КНР посетила главное управления министерства внутренних дел Дальневосточного федерального

округа РФ и УФСБ РФ по Хабаровскому краю с целью обмена опытом и информацией о террористически и экстремистски настроенных организациях и их вооруженных членах, следы деятельности которых были зафиксированы в регионе. Данная информация была в дальнейшем использована Министерством общественной безопасности КНР для разработки мер по предотвращению проникновения представителей упомянутых организаций на территорию КНР, а также ужесточению контроля за перевозом товаров через приграничные регионы во избежание незаконного провоза на территорию КНР оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Подобный опыт был не раз использован правоохранительными органами двух стран в области обеспечения безопасности во время проведения международных мероприятий.

Обеспокоенность дальнейшим ростом терроризма привела к подписанию 16 июня 2009 года в рамках ШОС Концепции против терроризма. Вслед за этим событием в октябре 2009 года президентом Д. А. Медведевым была утверждена Концепция борьбы с терроризмом в Российской Федерации, а через год (27 сентября 2010 года) на высшем уровне было заключено Соглашение между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом²⁵⁵.

В повышении эффективности международного сотрудничества немаловажную роль играет взаимодействие между ведомствами двух стран. В марте 2017 года МВД России и МОБ Китая подписали протокол о взаимодействии на 2017-2018 гг. Целью данного документа стало повышение оперативности работы правоохранительных органов приграничных регионов в сфере пресечения каналов распространения наркотических средств, а также развитие взаимодействия подразделений по борьбе с распространением терроризма, экстремизма и т. д. В дальнейшем

²⁵⁵ Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902279843>.

наиболее ярким примером явилось взаимодействие в рамках противостояния террористической группировке ИГИЛ (запрещена в РФ) с обоснованием необходимости предупреждения ее активных действий на территории СУАР и Средней Азии.

Общность предпосылок противодействия терроризму, а также использование отдельными иностранными государствами терроризма для достижения стратегических интересов (так называемый иностранный след в деятельности террористических организаций) делают вовлеченность России и Китая в антитеррористическое взаимодействие одним из ключевых механизмов в обеспечении стабильности не только в регионе, но и в глобальном масштабе. Поэтапное становление сотрудничества России и Китая в данной сфере заложило правовые основы взаимодействия на разных уровнях (межгосударственном, межведомственном и приграничном), определяющие приоритетные направления сотрудничества, механизмы взаимодействия и меры пресечения преступной деятельности, сопутствующей терроризму.

Рассмотрим двустороннее сотрудничество России и Китая в следующих направлениях:

- борьба с террористами на площадках киберпространства;
- борьба с финансированием терроризма;
- обмен оперативной информацией.

Ввиду постоянного усложнения методов и средств совершения преступных действий и расширения географии ее деятельности, в настоящее время именно эти направления являются определяющими при развитии системы двустороннего взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму.

Взаимодействие России и Китая в противодействии кибертерроризму. Как уже отмечалось ранее в работе, Россия и Китай принимают активное участие в обсуждении проблем противодействия терроризму в информационном пространстве и работе по формированию

нормативно-правовой базы (международного информационного банка) в многостороннем формате. Что касается двустороннего взаимодействия в данном направлении, то основным документом, регламентирующим и определяющим приоритетные направления российско-китайского сотрудничества в сфере информационной безопасности, является двустороннее соглашение 2015 года между правительствами двух стран о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности²⁵⁶. Данное соглашение между Россией и Китаем является завершением десятилетнего участия двух стран в совместных мерах по управлению киберпространством, в том числе в рамках переговоров Шанхайской организации сотрудничества, начавшихся в 2006 году. Соглашение на двустороннем уровне определяет злонамеренное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и киберпространства в террористических целях как угрозу международной безопасности и стабильности, а также в качестве основных механизмов и форм осуществления двустороннего сотрудничества определяет взаимодействие по линии компетентных органов, проведение регулярных консультаций (два раза в год) уполномоченных представителей, обмен информацией между сторонами по расследованию дел с использованием ИКТ, совместное реагирование на угрозы информационного пространства, создание совместных каналов связи для предупреждения угроз в информационной среде и т.д.

Одной из платформ взаимодействия, на которой обсуждается необходимость контроля Интернета и недопущение распространения информации террористической направленности, является международная конференция по информационной безопасности с российско-китайским участием «Инфофорум-Китай», объединяющая представителей органов власти, руководителей департаментов и ведомств, занимающихся

²⁵⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420283259>.

вопросами международной информационной безопасности, а также экспертов компаний в области IT разработок и коммуникационных технологий (Huawei, Ассоциации безопасности облачных технологий Китая (CSAGCR), Гарда Технологии, Ростелеком, User Gate и др.).

Помимо привычных форм пропаганды терроризма (видеобращения и фотографии) в последние пять лет популярной формой манипуляции общественным сознанием стало распространение через интернет-платформы информационных мифов (фейковых новостей). Фейковая информация при создании определенных условий может послужить мощным катализатором к разжиганию межнациональных и международных конфликтов. Сенсационные заявления и открытия подогревают интерес общественности к актуальной теме, заполняют информационный вакуум, тем самым создавая своеобразную рекламу террористическим организациям и их лидерам.

Россия и Китай неоднократно становились жертвами подобных новостей, зачастую распространяемых не желтой прессой или частными телевизионными каналами, а крупными периодическими изданиями и даже центральными зарубежными телевизионными агентствами. Так, 16 ноября 2019 года на официальном сайте американской газеты New York Times со ссылкой на 400-страничный документ от анонимного китайского чиновника, сочувствующего этническим группам, был размещен материал о массовых арестах уйгуров в Синьцзяне²⁵⁷. Сразу после размещения данной публикации с официальным обращением выступил пресс-секретарь правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), назвав подобное «разоблачение» не чем иным, как фейковыми новостями, не заслуживающими опровержения²⁵⁸. В декабре 2019 года в Китае вышел

²⁵⁷ Ramzy, A., Buckley, C. (16.11.2019) The Xinjiang papers. 'Absolutely No Mercy': Leaked Files Expose How China Organized Mass Detentions of Muslims // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/11/16/world/asia/china-xinjiang-documents.html> (дата обращения: 20.10.2020).

²⁵⁸ 孙启浩 (19.11.2019) 新疆政府新闻发言人驳斥纽约时报涉疆虚假报道// 环球时报.– URL: https://news.china.com/focus/ceshifagaos/11167381/20191119/37422989_1.html (дата обращения: 20.04.2020).

первый фильм (в том числе и на английском языке) о проблеме терроризма и антитеррористической борьбе в Синьцзяне, главной целью которого стало желание привлечь внимание мировой общественности к реальному положению дел в регионе. Через полгода после публикации о притеснении в Синьцзяне уйгуров «Нью-Йорк Таймс» опубликовала другую фейковую информацию о причастности российских военнослужащих к заказным убийствам американских военных и о сотрудничестве России с талибами (движение «Талибан», запрещено в России). В 2017 году Министерство иностранных дел России запустило проект по разоблачению фейковых новостей. Данный проект вполне может стать одним из актуальных направлений антитеррористического сотрудничества в информационном пространстве между Россией и Китаем.

Необходимо отметить, что начиная с 2013 года, когда китайская сторона объявила о реализации масштабного проекта «Один пояс, один путь», данная инициатива также была направлена и на продвижение инновационных технологий для создания цифрового Шелкового пути. В этой связи крупнейшие китайские компании в сфере IT-технологий (Alibaba, Huawei и ZTE) были вовлечены в техническое сопровождение обеспечения безопасности, в том числе предупреждение кибератак со стороны террористов на объекты критической инфраструктуры, как внутри страны, так и за ее пределами.

Россия и Китай, осуществляя двустороннее взаимодействие в киберпространстве, тиражируют успешные практики в рамках помощи третьим странам. А в случае успешной практической реализации проектов положительные результаты применяют и в развитии двусторонних отношений.

В 2016 году Китайская национальная корпорация импорта и экспорта электроники оказала содействие правительству Эквадора в организации

(на русс.: Сунь Цихао. Представитель правительства Синьцзяна опровергает ложное сообщение New York Times о Синьцзяне // Хуаньцю Шибao).

«интегрированной службы безопасности», включающей в себя установку 4300 камер видеонаблюдения, открытие 16 региональных центров реагирования на различного рода угрозы и подготовку 3000-ого персонала из числа государственных служащих для обработки видеоинформации²⁵⁹. В 2018 году китайская компания из Гуанчжоу Cloud Walk Technology завершила сделку с правительством Зимбабве о покупке программного обеспечения для массового распознавания лиц²⁶⁰. По оценке некоторых аналитиков, эта сделка стала не просто своеобразным китайским экспортом технологий для поддержания «социальной стабильности», но и предоставила доступ к отличному от китайского расовому и этническому составу населения, что позволит компании усовершенствовать программу распознавания лиц и расширит возможности ее использования в контртеррористических целях.

Российско-китайское сотрудничество в информационном пространстве также затрагивает технологическую сторону противодействия терроризму в Интернете и осуществляется на уровне взаимодействия российских телекоммуникационных компаний и китайских производителей в сфере информационных технологий. Вслед за подписанием в июле 2016 года В. Путиным поправок в Федеральный закон «О противодействии терроризму», затрагивающих дополнительные меры по противодействию распространению информации террористической направленности в сети Интернет, крупнейшие китайские компании в сфере информационных технологий Huawei и Lenovo начали переговоры с российской компанией «Булат» о передаче технологий для производства серверов, предназначенных для хранения данных и другого оборудования, связанного

²⁵⁹Rollet Ch. (09.08.2018) Ecuador's All-Seeing Eye is Made in China // Foreign Policy. – URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/09/ecuadors-all-seeing-eye-is-made-in-china/> (дата обращения: 19.06.2021).

²⁶⁰Hawkins A. (24.07.2018) Beijing's Big Brother tech needs African faces // Foreign Policy. –URL: <https://foreignpolicy.com/2018/07/24/beijings-big-brother-tech-needs-african-faces/> (дата обращения: 19.06.2021).

с ИКТ²⁶¹. При необходимости информация, хранимая на серверах, может быть использована в отношении лиц, подозреваемых в связи с террористическими организациями или тем или иным образом вовлеченных в террористическую деятельность.

Еще одним свидетельством тесного сотрудничества России и Китая является неоднократное высказывание единой позиции по вопросам кибербезопасности и проявлений терроризма в сети. В мировом сообществе не остался незамеченным отказ России и Китая присоединиться к Крайстчерчскому призыву, инициированному правительством Новой Зеландии в 2019 году и направленному на активизацию действий по искоренению террористического и насильственного экстремистского контента в Интернете. Необходимо отметить, что в целом и российская, и китайская сторона положительно оценили данную инициативу. Китайский эксперт по международному терроризму Ли Вэй неоднократно высказывался о данном проекте как примере борьбы с терроризмом в киберпространстве²⁶², однако это не подтолкнуло Россию и Китай к участию. Официально Москва и Пекин не прокомментировали свой отказ. Можно предположить, что такая позиция двух стран вызвана стремлением обратить внимание на политику двойных стандартов, так как до этого случая осуществлялось множество действий террористического характера в России и Китае с использованием интернет пространства в качестве одной из стадий подготовки. Специальным органам удавалось узнать об участии иностранных интернет-ресурсов в стимулировании и обосновании необходимости преступных действий в России и Китае, однако на призывы

²⁶¹Huawei and Lenovo in Discussion with Russia to Help Implement Domestic Surveillance Program (24.08.2016) // Intel Trak. – URL:<https://www.rwradvisory.com/huawei-and-lenovo-in-discussions-with-russia-to-help-implement-domestic-surveillance-program/> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁶²范娟宋、李伟。当前国际恐怖主义与反恐态势分析/范娟宋、李伟// 中国人民公安大学学报（社会科学版）。 – 2021 年。 – 第 2 期。 – 1-11 页。（на русс.: Фань Цзюаньсун, Ли Вэй. Анализ текущей ситуации в области международного терроризма и борьбы с терроризмом // Чжунго жэньминь гунъань дасюэ сюэбао. – 2021. – 2. – С. 1-11, С. 7).

российских и китайских властей другие государства занимали нейтральную или противоположную позицию.

При этом осознавая важность информационных технологий и возможность их деструктивного использования вплоть до деформации системы международной стабильности, Россия и Китай постоянно осуществляют двустороннее взаимодействие по регулированию киберпространства, причем сотрудничество осуществляется на всех уровнях. Ярким примером чему является межведомственное взаимодействие профильных организаций. 20 октября 2019 года на Шестой Всемирной конференции по вопросам развития интернета в Учжэне (КНР) было подписано соглашение о сотрудничестве между Роскомнадзором и Государственной канцелярией КНР по делам интернет-информации. Предметом соглашения выступает сотрудничество по блокировке запрещенной информации, в том числе террористического толка. Ключевыми вопросами конференции стали осуществление «умного взаимодействия ради открытости и сотрудничества», контроль над содержательной составляющей сетевого пространства и проблема анонимности в интернете.

Ситуация с распространением коронавирусной инфекции изменила формат взаимодействия между государствами, расширив возможности дистанционного общения на разных межгосударственных уровнях. Так, 15 апреля 2021 года состоялась видеоконференция Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции РФ и Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей КНР по контролю и юстиции. В ходе встречи стороны выразили намерения расширить возможности сотрудничества между правоохранительными органами двух стран по вопросам противодействия терроризму, международной организованной преступности, киберпреступности и наркотрафику²⁶³.

²⁶³Василий Пискарев: у РФ и Китая схожие позиции по вопросам противодействия терроризму и киберпреступности (15.04.2021) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://duma.gov.ru/news/51261/> (дата обращения: 20.05.2021).

Обмен оперативной информацией. В силу объективных причин, не представляется возможным оценить, в какой степени продвигается взаимодействие России и Китая в направлении от диалога и обмена экспертными мнениями к проведению совместных расследований и обмену оперативной информацией. Однако, по мнению директора Службы внешней разведки РФ С. Нарышкина, действующий формат сотрудничества разведывательных служб России и Китая вносит ощутимый вклад в борьбу с угрозами террористического характера, а трехсторонние совещания руководителей разведок России, Китая и Индии играют значимую роль в укреплении региональной безопасности и стабильности²⁶⁴.

Общее представление о взаимодействии в сфере «разведывательной дипломатии» между Россией и Китаем можно составить исходя из заявлений сторон во время совместных встреч и совещаний. С 2002 года по инициативе России проводится совещание по проблемам борьбы с терроризмом (далее – Совещание) с участием руководителей специальных служб иностранных государств, среди которых особое место занимают представители спецслужб Китая. С 2008 года начал функционировать Международный банк данных по противодействию терроризму (МБД), созданный Национальным антитеррористическим комитетом России и направленный на решение задач по поиску информации о лицах, причастных к террористической деятельности, террористических организациях, в том числе международных, средствах и методах, используемых террористами, и т.п.²⁶⁵ В перспективе МБД должен стать эффективным инструментом контртеррористической борьбы на глобальном уровне. По состоянию на 2019 год МБД располагает сведениями о 116 террористических организациях и 43,5 тысячах лиц, треть из которых

²⁶⁴Нарышкин, С. Взаимодействие разведок в современном мире: вызовы и угрозы / С. Нарышкин // Международная жизнь. – 2020. – №12. – С. 4-9. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2431> (дата обращения: 28.08.2021).

²⁶⁵ О десятилетней работе Совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств по проблемам борьбы с терроризмом // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2011. – №3(05). – С. 10-13. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/Vestnik_NAK_2011_3.pdf (с.12) (дата обращения: 06.05.2021).

являются террористами-боевиками²⁶⁶. На сегодняшний день доступ к открытому сегменту МБД имеют 47 спецслужб из 36 государств, а также 8 специализированных органов международных организаций, включая ООН, ШОС, Интерпол²⁶⁷.

В июле 2016 года на XV международном совещании руководителей спецслужб органов безопасности руководитель ФСБ России А. Бортников предложил объединить национальные базы данных о террористах и террористических организациях, имеющиеся в каждой стране, и создать единый информационный ресурс расширенного формата, что позволило бы комплексно осуществлять контртеррористическую деятельность в глобальном масштабе²⁶⁸.

В совместном заявлении участников XVIII совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов (Сочи, 16-17 октября 2019 года) были обозначены направления обмена оперативной информацией посредством Международного банка данных по противодействию терроризму²⁶⁹:

- перемещение иностранных боевиков-террористов;
- сращивание международных террористических организаций с транснациональными преступными группировками;
- финансирование террористической деятельности.

Борьба с финансированием терроризма. Особую актуальность представляет собой международное сотрудничество в рамках противодействия финансированию терроризма, т. е. предупреждение, выявление и пресечение финансирования лиц или организаций, сотрудничающих с террористами. Сюда же можно отнести взаимодействие

²⁶⁶ Материалы XVIII Совещания руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств-партнеров ФСБ России. – Текст: электронный // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2020. – №1(23). – С. 5-11. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik_no_1_23.pdf (стр. 10) (дата обращения: 08.05.2021).

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ В ФСБ предложили объединить информационные базы данных мира о террористах (28.07.2016) // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20160728/1473115405.html> (дата обращения: 21.05.2021).

²⁶⁹ Заявление участников XVIII Совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов (16.10.2019) // Федеральная служба безопасности Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/international/meeting.htm> (дата обращения: 06.04.2021).

в борьбе с источниками получения доходов террористическими организациями за счет наркобизнеса, организации незаконных каналов миграции, торговли людьми, природными ресурсами, оружием и т.п.

Сотрудничество России и Китая по борьбе с финансированием терроризма происходит в двух плоскостях:

- в рамках международных и региональных организаций (ООН, ШОС, ФАТФ, ЕАГ);
- на основе двусторонних соглашений.

В целях укрепления сотрудничества в сфере противодействия финансированию терроризма Россия и Китай подписали Международную конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма в 2000 г. и 2001 г. соответственно²⁷⁰. Россия и Китай являются членами Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) и Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). В 1997 году Китай стал членом Азиатско-Тихоокеанской группы по борьбе с отмыванием денег (АТГ), в которой Россия имеет статус наблюдателя. В свою очередь Россия в 2002 году присоединилась к группе «Эгмонт», в которую Китай отказался войти по причине того, что в эту группу входит подразделение финансовой разведки (ПФР) из Тайваня²⁷¹.

В России к ПФР относится Комитет РФ по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), начавший свою деятельность в феврале 2002 года. В Китае ключевым звеном в прослеживании финансовых потоков в стране является созданное в 2004 году на базе Народного банка Китая (НБК) подразделение финансовой разведки. С момента основания данного подразделения оно стало активно работать над наращиванием потенциала взаимодействия с зарубежными партнерами. Так, 21 марта 2006 года в

²⁷⁰ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. – URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202178/v2178.pdf>

²⁷¹ 2009 Country Reports on Terrorism – China (05.08.2010) // The UN Refugee Agency. – URL: <https://www.refworld.org/docid/4c63b64fa.html> (дата обращения: 16.10.2020).

Пекине было подписано Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу РФ (Комитет РФ по финансовому мониторингу) и Народным банком Китая о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма. В том же 2006 году в Китае был принят Закон о борьбе с отмыванием денег, который расширил сферу действия существующих положений о борьбе с отмыванием денег, чтобы привлечь к ответственности более широкий круг финансовых учреждений и расширить полномочия Народного банка Китая (НБК), сделав его ведущим учреждением во всех направлениях борьбы с отмыванием денег в Китае.

В таблице 5 представлены данные из обзора ФАТФ (от апреля 2019 года) действующих мер по противодействию отмыванию денег (ОД) и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) в Китайской Народной Республике. Как видно из таблицы, всего за период с 2012 по 2016 год иностранными органами, уполномоченными на осуществление финансовой разведки, было направлено в Китайский Центр по анализу и мониторингу противодействия отмыванию денег (КЦАиМПОД) 15 запросов о предоставлении информации, связанной с финансированием терроризма (ФТ).

Таблица 5 – Количество запросов ПФР, направленных в КЦАиМПОД²⁷²

Категория	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Запросы на все виды информации финансовой разведки	187	202	175	313	367	1244
Запросы информации об отмывании денег	186	200	173	309	361	1229
Запросы информации о финансировании терроризма	1	2	2	4	6	15

²⁷² Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures. People's Republic of China. Mutual Evaluation Report April 2019 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/MER-China-2019.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).

Подавляющее большинство запросов проводилось в рамках расследований об отмывании денежных средств, т.е. в рамках совершения преступлений, имеющих предикатный характер по отношению к террористическим актам. Однако отмывание денег может иметь и иную цель, например, легализация преступных доходов для последующего осуществления предпринимательской деятельности. В целом следует отметить тенденцию к росту количества запросов на все виды информации финансовой разведки, суммарное количество которых за период 2012-2016 гг. составило 1244, а рост с 2012 г. – 96,26%, т.е. почти в два раза.

В таблице 6 представлена информация по количеству запросов китайской стороны в различные структуры власти других странах. Данные включают в себя общую информацию по всем видам преступной деятельности, связанной с отмыванием денег, прибыль от которой может направляться, в том числе, и на финансирование террористической деятельности. Из таблицы видно, что Россия входит в 10 стран, с которыми Китай активно сотрудничает в направлении обмена информацией: за период с 2012 по 2016 год Китай 44 раза обращался с запросами в российские ведомства.

Таблица 6 – Количество обработанных запросов китайской стороны, отправленных подразделениями ПФР в КЦАиМПОД (по странам, территориям)²⁷³

Страны	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Макао (Китай)	95	61	49	47	126	378
Сингапур	3	26	16	17	23	85
Бельгия	27	17	12	9	12	77
Япония	19	11	10	14	18	72
Франция	12	7	12	23	16	70
Гонконг (Китай)	10	8	8	18	19	63

²⁷³ Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures. People's Republic of China. Mutual Evaluation Report April 2019 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/MER-China-2019.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).

Россия	4	8	6	12	14	44
Республика Корея	2	1	4	21	16	44
США	0	10	0	0	23	23
Туркменистан	3	3	0	2	0	8
Прочие	7	9	15	1	45	77
Всего	182	151	132	164	312	941

Из таблицы 6 видно, что количество запросов китайской стороны в соответствующие органы других стран меньше, чем количество запросов, полученных Китаем от ПФР других стран. По оценкам экспертов ФАТФ, этот факт ставит под сомнение эффективность международного обмена информацией. Китайские власти такую ситуацию объясняют отсутствием необходимости связываться с зарубежными ведомствами, поскольку большая часть информации может быть затребована и получена из источников внутри страны. Тем более что значительная часть средств, предположительно, подвергается процедуре «отмывания» на территории Китая, но в особых юрисдикциях страны. Косвенным подтверждением данному предположению является динамика запросов центральных органов власти КНР (КЦАиМПОД) в особые районы, такие как Макао и Гонконг. Вероятнее всего, это связано с «особенностью» указанных районов в рамках концепции «одна страна, две системы», например, денежная единица Гонконга (КНР) – гонконгский доллар (в Китае – юань), т.е. на этой территории обращается иная, чем во всей стране, валюта. В свою очередь, Макао представляет собой китайскую игорную столицу, однако уже сейчас Макао признан мировым лидером по количеству казино и доходам от игорного бизнеса (значительно превышает Лас-Вегас). В связи с этим интенсивность жизни и сочетание разнообразных систем приводят к стремлению использовать данные ареалы для отмывания денежных средств. Тем более что специфика Макао как игорной столицы позволяет предположить высокую вероятность наличия попыток отмывания доходов, полученных преступным путем. Так, в рекомендации ФАТФ №22 указана необходимость для казино надлежащей проверки клиентов (в случае

осуществления финансовых операций (сделок) на сумму, превышающую (либо равную ему) пороговое значение, установленное соответствующим органом)²⁷⁴.

Более того, в отзывах некоторых стран об их опыте обмена информацией с КНР упоминается, что китайское ПФР предоставляет только информацию, имеющуюся в общей базе данных (что ограничивает количество и качество предоставляемых данных). В подобной ситуации уместно сослаться на традиционный китайский менталитет, которому изначально присуще отношение недоверия к партнеру, тем более иностранному. Таким образом, зачастую попытки получить интересующую информацию рассматриваются китайцами с просчетом на будущее: насколько предоставленная информация впоследствии может быть использована против самого Китая. Подобная черта традиционного китайского характера создает определенные трудности при сотрудничестве с китайской стороной во всех сферах деятельности. В связи с этим необходимо не только формальное оформление договорных отношений между Китаем и иной страной по обмену информацией, но и развитие атмосферы доверия, в основе которой должно лежать и взаимовыгодное сотрудничество.

В рамках противодействия финансированию терроризма осуществляется сотрудничество и по линии таможенных органов России и Китая. Главное таможенное управление Китая (ГТУ) является главным партнером Федеральной таможенной службы России (ФТС). В 2017 году было подписано распоряжение о подготовке соглашения между таможенными службами двух стран о взаимодействии по предупреждению, выявлению и пресечению совершения участниками внешнеэкономической

²⁷⁴ Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. – Москва : МУМЦФМ, 2012. – 189 с. – URL: <https://fedsfm.ru/content/files/documents/2018/%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D1%82%D1%84.pdf>

деятельности сомнительных финансовых операций²⁷⁵, в число которых по определению входят операции с финансовыми средствами, направленными для финансирования терроризма.

Не менее актуальным остается обмен опытом между странами по выявлению схем и механизмов перевода средств террористам посредством системы «Хавала», а также выявление коммерческих организаций (фирм, банков и т. п.), имеющих связи с террористическими организациями и участвующих в перемещении денежных средств или сомнительных грузов для организации террористических актов и совершения преступлений террористического характера. В ноябре 2018 года Росфинмониторинг включил 5 компаний, зарегистрированных в Гонконге и материковом Китае, в перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового уничтожения²⁷⁶ (Приложение В). Информация о компаниях представлена в Приложении, а преступным деянием являлся факт содействия экспорту КНДР своей продукции (в частности, угля) в обход, что явилось реакцией на санкции, которые были введены в ответ на испытания Северной Кореей ядерного оружия и оснащения для его транспортировки и наложены в соответствии с резолюцией СБ ООН 1718 (2006), а также другими резолюциями СБ ООН²⁷⁷.

Россия и Китай также взаимодействуют в рамках многосторонних проектов, например, в 2018 году представители стран вошли в группу ФАТФ для участия в проекте по изучению профессионального отмывания денег (ПОД), в том числе организованными преступными группировками, предлагающими свои услуги террористическим организациям по всему

²⁷⁵ Сотрудничество со странами дальнего зарубежья // Федеральная таможенная служба: официальный сайт. – URL: <http://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/sotrudnichestvo-so-stranami-dal-nego-zarubezh-ya> (дата обращения: 12.01.2021).

²⁷⁶ Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового поражения // Росфинмониторинг: официальный сайт. – URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/omu-list> (дата обращения: 18.06.2021).

²⁷⁷ В пункте 8 резолюции 2371 (2017), принятой 5 августа 2017 года, Совет Безопасности постановил, что КНДР не может поставлять, продавать или передавать уголь, прямо или косвенно, со своей территории или ее гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под ее флагом, и что все государства должны запретить приобретение таких материалов из КНДР их гражданами или с использованием морских или воздушных судов под их флагом, и независимо от того, является ли КНДР страной происхождения, и что это положение заменяет собой пункт 26 резолюции 2321 (2016).

миру. Так, организация отмывания денег «Ханани» (Пакистан) была связана с сетью ОПГ по всему миру, включая Китай, и участвовала в перемещении средств для таких МТО, как «Талибан», «Аль-Каида», «Лашкаре-Тайба» и т. д.²⁷⁸

Таким образом, можно констатировать развитие системы взаимодействия в рамках противодействия финансированию терроризма, однако широта географии деятельности МТО и масштабы террористических актов, их последствий свидетельствуют о достаточности финансовой подпитки движений и организаций. В результате возникает необходимость совершенствования системы взаимодействия с целью устранения одной из фундаментальных основ терроризма – финансового обеспечения.

Еще одной областью наращивания потенциала для взаимодействия в борьбе с терроризмом России и Китая является сирийский вопрос. С момента начала конфликта в 2011 году Китай стал предпринимать шаги к наращиванию своего присутствия в Сирии, что на тот момент являлось отклонением от традиционного подхода Китая к внешней политике, ориентированного на невмешательство в вооруженные конфликты за пределами страны. В свою очередь, выступая на 70-ой юбилейной Ассамблее ООН, президент России Владимир Путин высказался за сотрудничество и поддержку сирийских властей и правительственной армии в борьбе с терроризмом²⁷⁹. Таким образом, видны точки соприкосновения взаимных интересов России и Китая в стабилизации обстановки в Сирии. Более практичный подход китайской стороны к участию в сирийском конфликте стал очевиден 14 августа 2016 года, когда, находясь с визитом в Дамаске, контр-адмирал НОАК Гуань Юфэй в беседе с министром обороны Сирии Фахед Джасем аль-Фреджем пообещал не только увеличить гуманитарную помощь, но и продолжить укреплять

²⁷⁸ FATF Report: Professional Money Laundering July 2018 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/Professional-Money-Laundering.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).

²⁷⁹ Владимир Путин на юбилейной сессии Генассамблеи ООН (28.09.2015) // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20150928/1287517730.html> (дата обращения: 25.12.2021).

военное сотрудничество между Дамаском и Пекином, тем самым поддерживая правительство Башара Асада и его международного союзника—Россию²⁸⁰. Практической реализацией планов китайской стороны можно считать 2017 год, когда в прессе появились сообщения о присутствии на сирийской территории китайского военного контингента из специальных подразделений «маньчжурских тигров» и «ночных тигров», направленных для участия в борьбе с террористическими и экстремистскими организациями, в том числе террористами ИДВТ, присоединившихся к ряду террористических групп, в том числе к ИГИЛ и сирийскому филиалу «Аль-Кайды»²⁸¹. Помимо вероятной военной поддержки сирийских правительственных войск и российских военнослужащих со стороны НОАК (официального подтверждения со стороны китайских властей не поступало), Россия и Китай предпринимают действенные шаги по недопущению поддержки деструктивных сил сирийской оппозиции и поддержке легитимного правительства. Так, 08.07.2020 г. на очередном заседании Совбеза ООН Россия и Китай наложили вето на проект резолюции Германии и Бельгии по пунктам пропуска для доставки гуманитарной помощи в Сирию в обход Дамаска²⁸². Таким образом, открывается перспектива дальнейшего укрепления российско-китайского взаимодействия по стабилизации мирной ситуации, сохранения единства страны и восстановлению инфраструктуры в Сирии, тем самым закладывая прочный фундамент не только для развития мирного процесса в регионе, но и на обеспечение безопасности для собственных стран.

²⁸⁰ 白羽(16.08.2016)叙利亚副总理兼国防部长费拉杰会见中国军队外事代表团 // 新华网. – URL:http://www.xinhuanet.com/world/2016-08/16/c_1119396907.htm(дата обращения: 20.08.2021) (на русс.: Бай Юй. Заместитель премьер-министра и министр обороны Сирии Фредж встретился с китайской военной делегацией по иностранным делам // Агенство Синьхуа).

²⁸¹ Мухин, В. (04.12.2017) Китайский спецназ уже воюет в Сирии// Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/world/2017-12-04/1_7128_siria.html (дата обращения: 20.08.2021).

²⁸² Россия и Китай наложили вето на резолюцию СБ ООН о трансграничной помощи Сирии (08.07.2020) // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/8908931> (дата обращения: 21.08.2021).

Научно-практическое сотрудничество. Немаловажным является и научно-практическое сотрудничество России и Китая, направленное на изучение, обсуждение и обмен практическим опытом в вопросах обеспечения безопасности и контртеррористической борьбы в рамках международных мероприятий, проводимых на базе национальных организаций. Остановимся на наиболее значимых.

1. *Сяншаньский форум* проводится в Пекине с 2006 года, с 2015 года работу форума координирует Китайская ассоциация военных наук и Китайский институт международных стратегических исследований, что определило приоритетную тематику диалога, направленного на расширение сотрудничества по вопросам безопасности и оборонных контактов, а также содействию региональному миру и международной стабильности²⁸³. Одной из повесток дня на IX Сяншаньском форуме (21.10.2019) стало поддержание безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, борьба с пропагандой терроризма и экстремизма среди молодежи и недопущение попадания высоких технологий в руки террористов, включая беспилотные летательные аппараты²⁸⁴. В разное время в состав российской делегации входили Сергей Шойгу, Александр Лукин, Александр Фомин, Андрей Кокошин и т.д.

2. *Международный форум по безопасности* проводится в Уфе с 2009 года. В 2019 году в форуме приняло участие рекордное количество зарубежных участников (из 119 стран), включая представителей Китая. Работа одного из круглых столов была посвящена активизации международного сотрудничества в борьбе с распространением идеологии терроризма и противодействию саморадикализации террористов-одиночек.

²⁸³Российско-китайский диалог: модель 2020 года // Российский совет по международным делам: официальный сайт. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

²⁸⁴Speech by Sergei Shoigu, General of the Army, Minister of Defence of the Russian Federation (21.10.2019) // Beijing Xiangshan Forum: official website. – URL:http://www.xiangshanforum.cn/speakingDetail_EN?code=37C9e9he47D840fh&sessions=%E7%AC%AC%E4%B9%9D%E5%B1%8A%E5%8C%97%E4%BA%AC%E9%A6%99%E5%B1%B1%E8%AE%BA%E5%9D%9B (дата обращения: 21.07.2021).

3. *Международный форум цивилизаций «Тайхэ»* – ежегодное мероприятие, проводимое в Пекине с 2017 года. В форуме принимают участие политологи, общественные деятели и ученые, занимающиеся проблемами международных отношений. 6-12 сентября 2020 года состоялся четвертый Форум «Тайхэ» с участием представителей Китая и России. Одним из направлений диалога стало обсуждение развития сотрудничества в области обеспечения биобезопасности и разработка конкретных мер по предотвращению попадания в руки террористов штаммов коронавируса и технологий для производства вакцины. В этой связи была отмечена актуальность организации многосторонних переговоров с целью разработки конвенции глобального уровня о борьбе с химическим и биологическим терроризмом²⁸⁵.

4. *Международная научно-практическая конференция «Приоритетные задачи международного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму»* впервые была проведена 3 апреля 2018 года на базе Московского университета МВД при поддержке МИД России и МВД России²⁸⁶. В числе участников присутствовали руководители и сотрудники контртеррористических органов, а также зарубежные эксперты-террорологи, в том числе из Китая. В ходе конференции обсуждались подходы к совместному противодействию экстремизму и терроризму на международной арене, по итогам мероприятия были сформулированы рекомендации для расширения международного сотрудничества и взаимодействия с экстремистскими проявлениями и угрозой терроризма. В 2019 году на спецсессии конференции состоялась презентация доклада по деструктивной деятельности неправительственной

²⁸⁵ 第四届太和文明论坛内容集锦 (17.12.2020) // 台和文明论坛网站. – URL: <http://titcf.com/Content/2020/12-17/1044089163.html> (дата обращения: 21.07.2021) (на русс.: Главное из работы 4-го Форума цивилизаций «Тайхэ» // Форум цивилизаций «Тайхэ»: официальный сайт).

²⁸⁶ Рогачев, И. Об итогах международной научно-практической конференции по теме: «Приоритетные задачи международного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму» /И. Рогачев. – Текст: электронный // Международная жизнь. – 2018. – №5. – URL:<https://interaffairs.ru/jauthor/material/2012> (дата обращения: 21.07.2021).

организации «Белые каски» и ее связи с действующими на территории Сирии террористическими организациями.

5. *Московская конференция по международной безопасности* проводится ежегодно Министерством обороны России. В конференции, проводимой 22-24 июня 2021 года, приняли участие около 700 делегатов из 109 государств мира, Китай представлял генерал-полковник Вэй Фэнхэ, который в очередной раз озвучил позицию Китая о готовности в интересах всеобщей безопасности и глобальной стабильности выстраивать многосторонний диалог с другими странами²⁸⁷. Выступления отдельных участников были посвящены терроризму как вызову глобальной стабильности и распространению коронавирусной инфекции, повлекшей за собой масштабные ограничения и заставившей терроризм «уйти в подполье» на информационные платформы, тем самым актуализируя угрозу кибертерроризма.

Помимо вышеуказанных мероприятий с профильным обсуждением проблем терроризма, глобальных вызовов международной стабильности и безопасности диалог между российскими и китайскими экспертами в области данной тематики ведется в рамках заседаний клуба «Валдай», а также на базе крупнейших университетов России и Китая, например, МГИМО, МГУ, Народного университета общественной безопасности (г. Пекин, КНР), Контртеррористического Центра Северо-Западного университета политики и права (г. Сиань, КНР), Чжуннаньского университета экономики и права (г. Ухань, КНР) и т.д.

Тематика, масштабность, контингент участников и периодичность проведения мероприятий подчеркивают их значимость в цепочке антитеррористической борьбы в международном масштабе. Обмен опытом между представителями военных ведомств, силовых структур, общественными деятелями, экспертами в области международных

²⁸⁷ Алексеев, А., Московченко, А. (25.06.2021) Открытый и заинтересованный диалог в интересах мира // Красная звезда. – URL:<http://redstar.ru/otkrytyj-i-zainteresovannyj-dialog-v-interesah-mira/> (дата обращения: 21.07.2021).

отношений и политологами России и Китая позволяет аккумулировать накопленный теоретический и практический опыт контртеррористической борьбы и выработать новые совместные стратегии взаимодействия в борьбе с угрозой терроризма.

В заключение двустороннее взаимодействие России и Китая в сфере противодействия терроризму можно в систематизированном виде схематично представить в форме рисунка (Приложение Г), наглядно демонстрирующего межведомственное взаимодействие по направлениям антитеррористической деятельности с опорой на правовые документы. Следует оговориться, что на рисунке представлены лишь основные министерства и ведомства, в то время как количество сотрудничающих организаций и учреждений различного уровня значительно больше, например, Министерство обороны РФ и Министерство национальной обороны КНР и т.д. Таким образом, двустороннее сотрудничество России и Китая в борьбе с терроризмом имеет уже длительную историю, строится на значительную нормативно-правовую базу и развивается в соответствии с современными тенденциями и трансформацией деятельности террористических организаций, что позволяет выстраивать дальнейшее эффективное контртеррористическое сотрудничество.

Подводя итоги по второй главе диссертационного исследования, стоит выделить ряд выводов.

Во-первых, взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности представляет собой и объективную социально-экономическую и политическую предопределенность и категорический императив для двух сторон. Выделенная нами предопределенность и императив взаимодействия России и Китая объясняется следующими причинами: а) соседствующим положением государств и неизбежностью осуществления выгодных внешнеторговых отношений, б) геополитическим и геоэкономическим положением двух

стран; в) наличием схожих внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем, включая необходимость противодействия международным террористическим организациям; г) наличием опыта, стратегий и практик по становлению многополярного мира и международной стабильности.

Во-вторых, взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности происходит на основных мировых площадках (ООН, ШОС). Россия и Китай, являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН), вносят свой вклад в управление глобальной безопасностью и обеспечение международной стабильности посредством разработки и осуществления резолюций СБ ООН по борьбе с терроризмом, участия в проектах Контртеррористического центра ООН (КТЦ ООН). Важной площадкой противодействия терроризму и обеспечения международной стабильности, на которой активно работают обе страны, является ШОС.

В-третьих, совместная антитеррористическая деятельность и сотрудничество в укреплении международной стабильности двух стран прошло через четыре этапа: а) подготовительный этап – 1991-2000 гг., б) фундаментальный этап – 2000-2003 гг., в) конструктивный этап – 2003-2008 гг., г) результирующий этап – 2008 - по настоящее время. Немаловажное значение имеют и уровни двустороннего взаимодействия России и Китая: межгосударственный, межведомственный и приграничный. Все три выделенные уровня находятся в непрерывном и последовательном взаимодействии, они взаимообусловлены и представляют собой неразрывное целое.

3 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Обеспечение международной стабильности как и противодействие политическим деструкциям лежит в большей мере на крупных субъектах международной политики. В этой связи, как отмечает российский политолог А. Д. Богатуров, в ракурсе имеющихся проблем выделяются два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, это осознание акторами мировых проблем и понимание необходимости сотрудничества государств для их решения. С другой стороны, это усложнение отношений между государствами, в которых доминируют национальные или групповые интересы²⁸⁸ и которые мешают эффективному решению сложных вопросов. Кроме того, А. Д. Богатуров в вопросах обеспечения стабильности международной системы выделяет структурные типы стабильности: лидерские структуры и пространственные структуры.

В лидерских структурах в качестве механизма стабилизации отношений используются союзы, коалиции и блоки, что свойственно взаимодействию России и Китая, а взаимоотношения между полюсами строятся преимущественно на основе прямых сигналов. В пространственных структурах устранение очагов нестабильности происходит путем косвенного взаимодействия, например, с участием государств регионального уровня, заинтересованных в обеспечении стабильности в регионе (к примеру, взаимодействие РФ и КНР с участием государств Средней Азии). Таким образом, появляются возможности совершенствования взаимодействия России и Китая в решении имеющихся проблем. При этом большое значение в преодолении политических

²⁸⁸ Богатуров, А.Д. Понятие глобальных проблем: к методологии интерпретации и анализа // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 148-165. – С. 150.

деструкций и обеспечении международной стабильности играют: 1) стратегии и практики двух стран, включая совместные, 2) участие России и Китая в реформировании международных и региональных площадок для эффективного реагирования на вызовы и угрозы, 3) совершенствование двусторонних отношений.

3.1 Роль стратегий и практик России и Китая в борьбе с международным терроризмом: побуждающие мотивы обмена опытом

Анализируя сотрудничество России и Китая в противодействии международному терроризму и дестабилизации миропорядка, нужно иметь в виду аспекты, которые работают на эффективность или неэффективность российско-китайского взаимодействия. Во-первых, это анализ движущих механизмов, оказывающих влияние на стабильность государств и появление политических деструкций (терроризма). Во-вторых, это роль стратегий и практик государственных структур России и Китая, опыта двух государств в решении сложных проблем в борьбе с терроризмом (внутри государств и за их пределами) и обеспечении международной стабильности и миропорядка.

Исследуя движущие механизмы международных отношений, которые оказывают влияние на стабильность позиции государств в мире, китайский исследователь Ли Дэшунь разделил их на три основных категории²⁸⁹. Первая категория – это технические возможности государств, создающие материальную базу для стратегических сил отдельных политий (ядерное оружие, степень модернизации военной сферы и т.д.). В 2000-е годы Россия и Китай существенно модернизировали свои вооруженные силы (в том числе ядерную триаду), которые являются серьезным фактором сдерживания стран Запада и обеспечивают стратегическую стабильность в мире. Вторая категория – это поведенческие особенности стран (в нашем

²⁸⁹李德顺. 战略稳定性中的相互依赖因素: 政治学博士学位论文 / 李德顺; 清华大学. - 北京, 2012. – 175 页 (на русс.: Ли Дэшунь. Факторы взаимозависимости стратегической стабильности : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Ли Дэшунь; Университет Цинхуа.

случае России и Китая), выступающие в качестве катализаторов к действиям. В данном ракурсе решительность России и Китая в отношении союзников США и НАТО служит предостережением к развязыванию войн коллективным Западом. Третья категория – это институциональные механизмы, влияющие на внутривластные и внешнеполитические стратегии государств и их поведенческие установки. К примеру, в 2000-е годы Россия и Китай начали активно проводить гуманитарную политику посредством деятельности таких институтов и их механизмов, как Институты Конфуция (КНР) и Россотрудничество (РФ), задачами которых является транслирование с возможным последующим внедрением в систему международных отношений культурных ценностей, норм и правил. Одним из механизмов в данном направлении является концепт «мягкой силы», предполагающий решение внешнеполитических целей путем задействования странами «символов, образов, мифов, идей и ценностей»²⁹⁰. В сочетании «мягкой силы» (разъяснение своих позиций в публичном информационном пространстве) и «жесткой силы» (к примеру, военная операция России в Сирии против международного терроризма с участием спецслужб Китая) два государства достигают поставленных задач путем воздействия на поведение других международных акторов (прежде всего, США) по противодействию в поддержке ими террористических организаций.

Результаты анализа теоретических положений и практики международного сотрудничества в сфере противодействия международному терроризму в рамках обеспечения международной стабильности показали несовершенство функционирования существующей системы при всей ее рациональности и целесообразности. При этом можно определить, что первоочередную роль в развитии системы борьбы с международным терроризмом играют члены СБ ООН как ключевые субъекты мировой

²⁹⁰ Наумов, А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. 2-е изд., испр. и доп. / А.О. Наумов. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 2020. – 215 с. – С. 8.

политики. Однако опыт противодействия, а также ряд причин субъективного характера зачастую мешают в выработке единых решений, в том числе на основе консенсуса. В связи с этим в рамках стран, входящих в состав постоянных членов СБ ООН, наблюдается различная интенсивность взаимодействия. Наиболее перспективным представляется двустороннее сотрудничество России и Китая, что не заменяет взаимодействий в рамках всей системы ООН.

В целях определения перспектив сотрудничества и векторов совершенствования контртеррористического сотрудничества был проведен SWOT-анализ взаимодействия России и Китая, отдельные результаты которого представлены в таблице 7.

Таблица 7 – SWOT-анализ развития сотрудничества между Россией и Китаем в сфере борьбы с МТО как дестабилизирующим фактором

	Сильные стороны		Возможности
1.	Контртеррористические практические навыки и опыт противодействия международному терроризму на национальном уровне	1.	Сотрудничество на различных уровнях, включая глобальный уровень
2.	Опыт противодействия МТО за рубежом	2.	Развитие цифровых технологий в сфере борьбы с МТО
3.	Развивающаяся система ПОД и ФТ	3.	Развитие в рамках региональных организаций и на двустороннем уровне
4.	Положительный опыт формирования и развития коалиций	4.	Усиление роли стран, прежде всего, экономической, на других континентах (Африке, Латинской Америке)
5.	Опыт политического урегулирования сепаратистских настроений		
6.	Высокий авторитет Китая и России в международном сообществе		
7.	Опыт двустороннего сотрудничества с третьими странами		
	Слабые стороны		Угрозы
1.	Многонациональные государства, сложность интересов	1.	Расширение деятельности МТО и возрастающий уровень их подготовки
2.	Недостаточный контроль за миграционными потоками	2.	Дальнейшее ослабление статуса ООН и политика двойных стандартов
3.	Слабый контроль за информационным пространством (в	3.	Наличие крупных геополитических игроков в регионе (США,

	России)		Великобритания), необходимость учета их интересов при формировании и реализации своих планов
4.	Высокий уровень коррупции	4.	Вмешательство третьих стран в двусторонние отношения России и Китая с целью достижения своих геополитических интересов (в Центральной и Юго-Восточной Азии)
5.	Недостаточный уровень взаимодействия специальных органов, например, в рамках контроля за «спящими ячейками»	5.	Неурегулированные внутривнутриполитические конфликты, перешедшие в фазу тлеющих или скрытых
6.	Непроработанная нормативно-правовая база на межведомственном уровне	6.	Недостаточный контроль за новыми видами финансовых инструментов (криптовалюты)
7.	Недостаточный уровень взаимодействия с национальными диаспорами	7.	Высокий уровень кооперации с третьими странами в сфере создания критических технологий собственного производства
8.	Недостаточное сотрудничество в области противодействия новым видам вооружения и искусственного интеллекта террористов		

Исходя из информации, представленной в таблице 7, следует отметить, что развитие сотрудничества России и Китая имеет достаточно сильные позиции и, в целом, является неизбежным (в большой степени обусловленным и, в связи с этим, целесообразным) фактом. Однако на его результативность могут оказывать негативное воздействие слабые стороны, среди которых факторы как технологического и технического, так и организационного и т. д. характера.

Необходимость сотрудничества обусловлена и сложностями противодействия терроризму внутри России и Китая, где терроризм приобрел характер международного и имеет корни, отмеченные в слабых сторонах как «многонациональные государства, сложность и многовекторность интересов» с политических, этнических, конфессиональных позиций и «недостаточный контроль за миграционными потоками», а также в угрозах – «расширение деятельности МТО и возрастающий уровень их подготовки» и «неурегулированные внутривнутриполитические конфликты, перешедшие в фазу тлеющих или

скрытых». Важную негативную роль в активизации деятельности МТО в рамках конкретных национальных государств играет политика двойных стандартов в мировой политике, а также попытки вмешательства третьих стран во внутренние дела под благовидными предлогами борьбы с терроризмом или, напротив, защита униженных (притесняемых) слоев населения и этнических групп, маскирующая преследование своих интересов и геополитических целей. Ярким примером является внешне благовидная цель – защита интересов демократии, под которой камуфлируются конкретные экономические и геополитические интересы.

Россия и Китай столкнулись с проявлениями международного терроризма и в настоящее время на территориях стран имеются конфликтные ситуации разной интенсивности. В частности, периодически проводятся контртеррористические операции в Ингушетии (Россия), а в СУАР (Китай) под руководством главы парткомов КПК Чэнь Цюаньго («железный Чэнь») в автономном районе ужесточается внутренняя политика. Таким образом, обе страны самостоятельно осуществляют борьбу с проявлениями международного терроризма в рамках национальных государств и уже имеют довольно большой опыт. Однако эта борьба хотя и характеризуется высокой эффективностью, тем не менее не заканчивается, а периодически активизируется, что является подтверждением невозможности борьбы с международным терроризмом только в рамках одного государства без сотрудничества с другими странами. Тем не менее иногда представители власти призывают самостоятельно решить проблемы терроризма в стране, опираясь на экономическую, военную, политическую силу.

Проанализировать возможность самостоятельного урегулирования террористических движений внутри стран можно посредством общепризнанной в международных отношениях государственных стратегий и теории игр (в частности, формированием модели «Охота на оленя»). Важно понимание того, что государственные стратегии представляют собой

систематическое использование институтами государства ресурсов и властных полномочий для достижения значимых целей²⁹¹. Для России и Китая в 1990-е и в 2000-е годы значимыми целями являлись: 1) во внешней политике – достижение стабильности как благоприятной среды для экономического и социального развития и борьба с международным терроризмом, 2) во внутренней политике – борьба с сепаратизмом и терроризмом в ряде проблемных этнических территорий и пространственное развитие макрорегионов, где имеется «питательная почва» для политических деструкций. Кроме того, оперируя понятием «государственная стратегия», мы должны понимать, что в нем идет речь о формальных властных полномочиях государства, и в равной мере оно имеет отношение к гражданам государства и социуму. В таблице 8 представлена модель политики самостоятельности в решении проблем терроризма в Китае на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Таблица 8 – Модель «Охота на оленя» теории игр для Китая в рамках противодействия терроризму внутри страны (на примере СУАР)

		МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТРАНЕ (в т.ч. в рамках сепаратистских)	
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ КИТАЯ	Взаимодействие со стороны государства / отсутствие взаимодействия	Взаимодействие со стороны террористических сил / отсутствие взаимодействия	Отсутствие взаимодействия
	Взаимодействие со стороны государства	(а-а) Создание механизма взаимодействия, формирование институциональной основы	(а-б) Формирование системы призыва к взаимодействию к представителям сепаратистских движений, создание условий для прекращения террористической деятельности
	Отсутствие взаимодействия	(б-а) Радикальное решение о невозможности ведения	(б-б) Полномасштабное многовекторное противостояние, эскалация

²⁹¹ Малган, Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. – Москва : Изд. Института Гайдара, 2011. – 472 с. – С. 37.

		переговоров с представителями МТО, несмотря на положительные тенденции в направлении взаимодействия с их стороны; ориентация на «достаточность собственных сил и средств»	конфликта, большая вероятность перехода в стадию вооруженного противостояния
--	--	---	--

Следует отметить, что в Китае наиболее вероятным представляется реализация стратегий «а-б» и «б-б». Стратегия «а-б» отчасти реализуется в настоящее время и имеет долгосрочный характер, о чем свидетельствует динамика притока инвестиций в СУАР и в целом динамика социально-экономического развития региона. Однако имеются риски невысокой эффективности ввиду наличия определенных проблем экономико-политического характера на остальной территории Китая (Тибет, Гонконг, Тайвань, Внутренняя Монголия). С другой стороны, в силу значительного влияния внешних сил на ситуацию в СУАР с использованием террористических приемов, а также международного характера террористических организаций, осевших на территории автономного района (например, ИДВТ), не исключено развитие ситуации по стратегии «б-б».

Реализации стратегии «а-а» оказывают противодействие внешние силы, а террористические движения стараются охватить значительно больший ареал – народы и народности тюркской группы, которые проживают в Турции, Казахстане и т.д. Однако террористическая активность преимущественно проявляется в СУАР Китая, таким образом, представители движений из других стран принимают усилия по недопущению снижения напряженности в регионе и ослабления сепаратистских настроений в автономном районе. При первоначальном взгляде данная ситуация напоминает ситуацию с курдами. Невысокая вероятность взаимодействия представителей центральной власти Китая и

лидеров сепаратистских и террористических движений СУАР связана еще и с тем, что некоторые представители уйгуров осуществляют противоправную деятельность в МТО исламского толка на территориях других государств (например, в Сирии, Афганистане), проходя соответствующую военную и специальную подготовку и получая боевой опыт. Возвращение этих профессионально подготовленных террористов в СУАР КНР может привести к еще большей эскалации конфликта.

Стратегия «б-а» характеризуется высокими материальными и прочими затратами, что в условиях возрастания конкуренции между акторами мировой политики и экономики для Китая связано только с крайней необходимостью, так как может привести к геополитическому и геоэкономическому ослаблению страны.

В России наблюдается схожая ситуация, причем относительно недавние события свидетельствуют о вмешательстве иных стран во внутренние дела страны – в Чечне (Россия) в рядах признанных террористическими бандформирований принимали участие представители значительного числа стран (США, Германия, Великобритания, Китай, Иордания, Афганистан, и т. д.), а информационные центры и базы отдыха (и лечения) были расположены на территориях других стран (Польша, Турция и т. д.). При этом многие страны высказывали «обеспокоенность» внутренними делами России (например, США), а в качестве наблюдателей в зоне конфликта находились представители ОБСЕ. В настоящее время деятельность МТО на Северном Кавказе не отличается интенсивностью, однако их влияние еще имеет место, что связано с международным характером деятельности. В связи с этим без сотрудничества с другими странами невозможно добиться окончательного успеха в противостоянии международным террористическим организациям. В таблице 9 представлена модель политики самостоятельности в решении проблем терроризма в России на территории Северного Кавказа.

Таблица 9 – Модель «Охота на оленя» теории игр для России в рамках противодействия терроризму внутри страны (на примере Северного Кавказа)

		МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТРАНЕ (в т.ч. в рамках сепаратистских)	
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ РОССИИ	Взаимодействие со стороны государства / отсутствие взаимодействия	Взаимодействие со стороны террористических сил / отсутствие взаимодействия	
		Взаимодействие со стороны террористических сил	Отсутствие взаимодействия
	Взаимодействие со стороны государства	(а-а) Развитие механизма взаимодействия	(а-б) Формирование системы призыва к взаимодействию к представителям сепаратистских и террористических движений, создание условий для прекращения преступной деятельности (прежде всего, социально-экономических и политических)
	Отсутствие взаимодействия	(б-а) Радикальное решение о невозможности ведения переговоров с представителями МТО, несмотря на положительные тенденции в направлении взаимодействия с их стороны; ориентация на «достаточность собственных сил и средств»; большая вероятность «горячей» фазы противостояния	(б-б) Полномасштабное многовекторное противостояние (вооруженное, политической, экономическое, социальное), эскалация конфликта, большая вероятность перехода в стадию длительного вооруженного противостояния

Стратегия «а-а» нереализуема в России, поскольку представители сепаратистских и террористических движений не имеют одного лидера, а сами течения характеризуются немногочисленностью и разрозненностью. К тому же международный фактор не позволит «видимым» лидерам самостоятельно принимать решения. По этим причинам все активисты движений занимаются поиском более крупных «покровителей», чем объясняется, например, факт присяги террористической организации

«ИГИЛ» (запрещена в РФ). При этом некоторые конфликтные ситуации обладают высоким потенциалом, так как террористические группировки достаточно активны, но, в основном, действуют, не афишируя своей деятельности, например, осуществляя вербовку и подготовку. К тому же на территории России имеются народы, значительное количество представителей которых считают себя угнетенными (крымские татары, чеченцы, ингуши и т.д.), что используется МТО для разжигания национальных конфликтов. В связи с этим необходимо вести постоянную работу по противодействию террористической деятельности, «разрушению» ее фундамента, при этом важную роль представляет международное сотрудничество.

В настоящее время стратегия «б-б» не реализуется в России, однако отдельные результаты и факты еще известны относительно широкому кругу населения – это «первая» и «вторая» «чеченские» кампании, когда активно проводились войсковые и специальные операции, а сепаратисты и представители МТО осуществляли противодействие федеральным силам. В последнее десятилетие во многих регионах России все еще проводятся отдельные спецоперации, в том числе на Северном Кавказе, но они носят локальный характер, а армейские подразделения практически не задействованы.

Стратегия «б-а» нереализуема в России ввиду того, что, во-первых, имеется ситуация невозможности переговорного процесса со стороны представителей МТО; во-вторых, следует учитывать факт участия в сепаратистских и террористических движениях граждан России, которые оказались в рядах таких формирований случайно (либо по ошибке, в результате обмана), – возвращение таких представителей имеет значительное пропагандистское воздействие. Таким образом, можно говорить, что в настоящее время в России преимущественно реализуется стратегия «а-б».

Подводя итог результатам применения теории игр, можно отметить, что в связи с международными аспектами террористической деятельности, самостоятельное решение проблем терроризма даже во внутренних делах Китая и России невозможно или осуществимо со значительными материальными и репутационными потерями (например, реакция мирового сообщества в СМИ на процессы в Чечне (Россия) 1990-х гг. и СУАР (Китай) 2010-х гг.). В этом случае развитие межгосударственного сотрудничества является неотъемлемой частью комплексной стратегии повышения эффективности борьбы с международным терроризмом как ключевым деструктивным фактором.

Реализуемые РФ и КНР внутренние стратегии, программы по двустороннему контртеррористическому взаимодействию должны учитывать наличие конкурентов (международных акторов), которые не заинтересованы в успехе двух сотрудничающих государств (например, США, НАТО, международные террористические организации). В данном вопросе Россия и Китай реализуют конкурентные стратегии, которые предусматривают анализ конкурентов (их цели, текущие стратегии, их представления о будущем, их потенциальные возможности²⁹²). Данный анализ позволяет РФ и КНР учитывать внешние факторы давления, способные поставить барьеры на пути к успеху в противодействии деструкциям, или снизить эффективность предпринимаемых действий.

Рассмотрим возможность развития сотрудничества России и Китая в сфере противодействия терроризму как ключевому фактору дестабилизации международной обстановки с применением одной из самых популярных игр – «дилеммы заключенного». Основное положение игры заключается в том, что сотрудничество в борьбе с терроризмом представляет собой дилемму «заключенных» (игроков). Обобщенная форма игры представлена в таблице

²⁹²Портер, М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Майкл Портер; Пер. с англ. И. Миневрина. 6-е изд. – Москва : Альпина Паблишер, 2016. – 453 с. – С. 88.

9 и состоит из двух игр с дилеммой заключенного, встроенных в игру 3×3 («игра в квадрате с дилеммой заключенного»).

Игра разворачивается между Россией и Китаем (отмечено в таблице 10), столкнувшимися с общей угрозой международного терроризма (в России – Северный Кавказ, в Китае – СУАР). В частности, граждане России и Китая участвуют на стороне МТО в террористической деятельности на территории Сирии, затем с накопленным опытом могут вернуться на национальную территорию, а основные идеи ислама экстремистского толка поступают из-за границы. Таким образом, в рамках сотрудничества необходимо учитывать международный фактор, иначе борьба с терроризмом может приобрести перманентный малоэффективный или неэффективный характер.

Пассивным игроком в данном случае является террористическая группа или совокупность однотипных МТО, нацеленных на более слабую сторону из двух основных рассматриваемых в игре стратегий. Игра разворачивается при условии, что общественные издержки на сдерживание терроризма равны общественным выгодам от упреждающих мер или частные выгоды от сдерживания равны частным издержкам от упреждения.

Предположение, создаваемое в рамках дилеммы заключенных для двух встроенных игр, заключается в том, что взаимодействие в рамках осуществления упреждающих действий против террористических организаций приводит к чистому общественному благу: устранение террористической угрозы приносит пользу не только государству, реализующему соответствующие меры, но и всем остальным государствам, являющихся потенциальными целями террористов.

Противоположная стратегия – это сдерживание, принесет частные выгоды сдерживающему государству, обеспечив безопасность населения данной страны от террористической угрозы, но повлечёт за собой дополнительные расходы со стороны других государств, которые не приняли надлежащих сдерживающих мер. В результате получается спираль

сдерживания, когда государства стремятся превзойти друг друга в усилиях по сдерживанию и перенаправить возможность нападения на соседнее государство.

Таблица 10 – «Модель заключенного» в теории игр по сотрудничеству России и Китая в противодействии международному терроризму

	Китай			
		Упреждение	Нейтральное положение	Сдерживание
Россия	Упреждение	2В-с, 2В-с (2; 2)	В-с, В (-2; 4)	В-с-С, В+b-С (-6; 6)
	Нейтральное положение	В, В-с (4; -2)	0, 0	-С, b-С (-4; 2)
	Сдерживание	В+b-С, В-с-С (6; -6)	b-С, -С (2; -4)	b-2С, b-2С (-2; -2)

Обозначения, представленные в таблице, имеют следующие пояснения:

- В – общественные выгоды от упреждающих мер (в игре составляют 4);
- с – частные издержки от упреждающих мер (в игре составляют 6);
- С – общественные издержки от сдерживания (4);
- b – частные выгоды от сдерживания (6).

Значения конкретных результатов реализации соответствующих стратегий первоначально выбраны по итогам анализа работы Д. Арке и Т. Сандлера²⁹³, однако в дальнейшем экспертам (представители научного сообщества, политические деятели, сотрудники компетентных органов и органов власти) было предложено определить значения посредством построения таблиц безразмерных величин, предварительно проранжировав по результатам применения метода Черчмена-Акоффа (Приложение Д). Еще одним фактором предложенной модели являются стратегии, представленные в таблице 11.

²⁹³ Arce, D.M.G., Sandler, T. Counterterrorism: A Game-Theoretic Analysis / D.M.G. Arce, T. Sandler // The Journal of Conflict Resolution. – 2005. – vol. 49, no. 2. – P. 183–200.

Таблица 11 – Стратегии в матрице теории игр 3х3

	Наименование стратегии	Пояснение
1	Упреждение (осуществление упреждающих (превентивных) мер)	Классическая проактивная политика, в которой террористы и их активы подвергаются атаке для ограничения последующих террористических кампаний. Контртеррористические мероприятия упреждающего характера могут включать в себя прямые действия против террористов и их спонсоров, в том числе: – уничтожение подготовительных лагерей террористов; – атаки на спонсоров террористов; – внедрение в террористические группы; – сбор оперативной информации; – заморозка террористических активов; – предоставление своих вооруженных сил для участия в контртеррористических (миротворческих) операциях; – предоставление своей территории для перемещения вооруженных сил или военного снаряжения в целях борьбы или защиты от террористов.
2	Нейтральное положение (состояние «статус-кво»)	Игрок 1 не осуществляет действий в одном векторе самостоятельно или с игроком 2, но и не препятствует и не стимулирует такие действия в своей стране
3	Сдерживание	– контроль границы и людей (контроль за перемещением людей, пограничный контроль, усиление технологических барьеров на границе, контроль финансовых потоков, внесение организаций в список запрещенных (признание организаций террористическими); – изъятие активов, – защищенность цели от террористической угрозы (защита людей во время массовых мероприятий, учреждений за рубежом и лиц, пользующихся международной защитой, систем транспорта и связи, схроны оружия); – подготовка контртеррористических кадров и технологических ресурсов; – аресты (иностранцев или лиц своего государства, причастных к совершенному террористическому акту и т.п.)

Остановимся на реализации каждой из стратегий. Если Игрок 1 выполняет упреждающие меры, в то время как Игрок 2 не совершает никаких действий, то выигрыш Игрока 1 будет равен $B - c$ ($4 - 6 = -2$), а Игрок 2 получает общественную выгоду B (т.е. 4). Если оба игрока предпринимают упреждающие меры, то оба получают общественные выгоды от объединенных усилий ($2B$) (8) за вычетом соответствующих частных затрат: $2B - c$ ($2 \times 4 - 6 = 2$) (таблица 9).

В такой ситуации игра считается состоявшейся, при условии, если $B > 2B - c$ ($4 > 2$), что соответствует $c > B$ ($6 > 4$). Равновесие Нэша²⁹⁴ в этом случае будет возможно в том случае, если оба игрока ничего не делают и получают выигрыш 0,0 (соответствует стратегии «нейтральное положение / нейтральное положение» или «статус-кво / статус-кво»).

Проведем анализ правого нижнего угла таблицы 9, так как этот участок характеризует невысокий уровень взаимодействия, в связи с чем важно определить степень положительного эффекта для обоих Игроков (государств) от применения стратегий такого типа.

Таблица 12 – Участок правого нижнего угла матрицы «Модель заключенного» в теории игр по сотрудничеству России и Китая в противодействии международному терроризму

Россия	Китай		
		Нейтральное положение	Сдерживание
	Нейтральное положение	0, 0	-C, b-C (-4; 2)
	Сдерживание	b-C, -C (2; -4)	b-2C, b-2C (-2; -2)

В таблице 12 представлены выплаты, когда оба государства сталкиваются с выбором: предпринимать сдерживающие меры или занять нейтральное положение. Если Игрок 1 производит сдерживающие действия, а Игрок 2 не предпринимает никаких мер, в таком случае Игрок 1 получает частные выгоды от сдерживания за вычетом общественных издержек $b - C$ ($6 - 4 = 2$), а Игрок 2, как слабое звено, открытое для террористических атак, получает только общественные издержки от сдерживания Игроком 1, то есть $-C$ (-4). Если предположить, что $2C > b > C$, то доминирующей

²⁹⁴ Равновесие Нэша – это комбинация стратегий, при которой ни у одного игрока нет стимула менять свою стратегию в одностороннем порядке.

стратегией²⁹⁵ для обоих государств будет сдерживание, чтобы не стать слабым звеном (доступным объектом) для нападения.

Объединение игр, в которых у обоих государств есть три стратегии, иллюстрирует преобладание сдерживающего поведения. Если Игрок 1 в рамках стратегии сотрудничества предпринимает упреждающие меры, в то время как Игрок 2 занимает сдерживающую позицию, Игрок 1 получает общественные выгоды от упреждающих мер за вычетом частных издержек на применение военной силы и общественных затрат на сдерживающее действие Игрока 2, что равно выражению $B - c - C$ ($4 - 6 - 4 = -6$), в то время как Игрок 2 получает общественные выгоды от упреждения плюс частные выгоды от сдерживания минус частные затраты на сдерживание $B + b - C$ ($4 + 6 - 4 = 6$). Два набора неравенств на рисунке гарантируют, что доминирующей стратегией каждого государства в игре 3×3 является сдерживание.

Стратегии сдерживания минимизируют частные издержки упреждающих мер и одновременно формируют дополнительные издержки для всех других игроков. При реализации стратегии упреждения частные издержки от проводимых мероприятий несет государство, непосредственно осуществляющее данные меры, таким образом, государства с сильной военной мощью имеют возможность нести высокие затраты на упреждающие меры, а государства с небольшим военным и экономическим потенциалом уклоняются от действий по предупреждению террористической угрозы. Говоря о политическом факторе взаимодействия в борьбе с терроризмом, уместно обратиться к точке зрения К. Каттелмана²⁹⁶ о том, что скоординированное военное действие, в том числе

²⁹⁵ Доминирующая стратегия – это стратегия, которая является оптимальной независимо от стратегии другого игрока. Доминирующая стратегия приводит к максимальному выигрышу безоговорочно, то есть она всегда приводит к лучшему результату независимо от того, что делает противник.

²⁹⁶ Kattleman, K. Testing the prisoners' dilemma of counterterrorism: an aggregate analysis of counterterrorist efforts from 2001 to 2010 / K. Kattleman // Journal of International Relations and Development. – 2014. – Vol. 19. – pp. 1-25. – P. 5. – URL: https://www.researchgate.net/publication/305194266_Testing_the_prisoners'_dilemma_of_counterterrorism_an_aggregate_analysis_of_counterterrorist_efforts_from_2001_to_2010 (дата обращения: 28.08.2021).

направленное против террористической угрозы, – это, прежде всего, продукт общих возможностей, равно как и всевозможных ресурсов объединения (альянса, союза), основанного на общности политических режимов, а не только усиленной военной мощи.

Однако необходимо проводить дальнейшие исследования для изучения политических стимулов, мотивирующих совместную деятельность, поскольку помимо чистого преследования общей цели возможно существование дополнительных обстоятельств для реализации упреждающих мер. С точки зрения влияния государственных расходов на контртеррористическую деятельность ВВП является стабильным фактором, влияющим на действия государства, что приводит к предположению, что именно уровень развития, а не один лишь военный потенциал является фактором, формирующим контртеррористическую активность. Данный факт объясняется тем, что государства, которые имеют возможность действовать, реализуют подобную деятельность на практике. Ограничивающими факторами для проведения упреждающих мер в рамках стратегии сотрудничества являются: предоставление воинских формирований, потери в вооруженных столкновениях и участие в кампаниях без временного горизонта. При этом обязательства в рамках военно-политического альянса (например, НАТО) будут выступать как механизм, поддерживающий совместные предикативные действия.

В целом по итогам применения теории игр можно сделать вывод о необходимости функционирования сформированной и подвергающейся эволюционным изменениям системы сотрудничества, которая уже в некоторой степени действует. Этому содействуют развитые вооруженные силы и специальные органы, экономический потенциал (свидетельством чему выступают значения таких показателей, как уровень и прогноз ВВП) и геополитические особенности действий МТО, которые имеют непосредственное влияние как на Россию, так и на Китай. При этом целесообразно учитывать положения школы реализма, согласно которой

каждое государство стремится решать возникающие вопросы самостоятельно, лишь при необходимости используя возможности других, при этом не выстраивая равноценной системы сотрудничества с международными акторами. В связи с этим многие авторы научных работ по результатам применения теории игр выявляют стремление государств придерживаться стратегии сдерживания, получая при этом максимальные выгоды за счет общественных и частных благ. Более того, эти стратегии подчеркивают, что государство «живо», что роль государства становится еще более важной, еще более решающей для успеха²⁹⁷.

Однако стремительное развитие техники и технологий, ускорение трансформационных процессов ставит под сомнение возможности максимизации своей выгоды за счет «индивидуального подхода». С учетом международного фактора, а также одного из ключевых условий теории игр, заключающегося в необходимости учета потенциальных действий другого игрока (в нашем случае России или Китая), следует ориентироваться на стратегию, приносящую выгоды обеим сторонам (обоим игрокам). В итоге можно сделать вывод, что наиболее предпочтительной является стратегия с результатом (2; 2). В таком случае размер выигрыша будет меньше, но положительным для взаимодействующих сторон.

Однако целесообразным представляется совершенствование системы сотрудничества государств (в нашем случае КНР и РФ), основные направления которого в систематизированном виде с делением по уровням взаимодействия представлены на рисунке 8. Отдельные аспекты комплекса направлений по совершенствованию системы международного взаимодействия в борьбе с терроризмом рассматриваются как представителями научного сообщества, так представителями органов власти (в частности, директором ФСБ России А. Бортниковым, главой МИД

²⁹⁷ Бусыгина, И.М., Окунев, И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегия государств, или что и как объясняет геополитика / И.М. Бусыгина, И.Ю. Окунев // Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия / Сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2022. – С. 58-75. – С. 69.

России С. Лавровым). Более того, в плане совершенствования внутренней и внешней политики в борьбе с терроризмом нужно иметь в виду, что этот деструктивный феномен, как правило, не имеет национальных границ и успешно мимикрирует под новые условия²⁹⁸. Следовательно, действия государств, группы государств, должны меняться и совершенствоваться согласно новым террористическим угрозам.

Уровень взаимодействия	Векторы взаимодействия
Глобальный	— Повышение авторитета ООН, устранение двойных стандартов — Уточнение и конкретизация положений о борьбе с международным терроризмом — Расширение антитеррористического сотрудничества с международными организациями, в том числе ШОС
Региональный	— Укрепление статуса региональных организаций (Центральной Азии статус ШОС) — Расширение сфер деятельности международных организаций регионального масштаба — Развитие системы полномочий региональных контртеррористических структур
Двусторонний	— Формирование и развитие единого контртеррористического органа и единой стратегии — Формирование единой двусторонней базы данных — Совершенствование двустороннего законодательства в рамках обеспечения функционирования единой базы данных — Перспективное сотрудничество межнациональных многопрофильных и экспертных групп — Контртеррористическое сотрудничество отдельных регионов по географическому или религиозному признаку

Рисунок 8 – Основные направления развития сотрудничества России и Китая в рамках борьбы с международным терроризмом

²⁹⁸Эмануилов, Р.Я., Яшлавский, А.Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие / Р.Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский. – Москва : Мосты культуры, 2011. – 344 с. – С. 315.

Прежде всего необходимо развитие фундамента сотрудничества посредством расширения и конкретизации терминологической базы нормативно-правового регулирования антитеррористической деятельности. Данное направление имеет отношение к глобальному уровню взаимодействия с одновременным повышением авторитета ООН.

Параллельно на региональном уровне России и Китаю целесообразно сконцентрировать усилия на укреплении статуса и расширении сфер деятельности ШОС как главного антитеррористического объединения регионального уровня, в котором страны реализуют контртеррористическую политику.

Двустороннее сотрудничество нуждается в дальнейшем развитии на национальном уровне, в приграничном формате в частности. Одним из ключевых элементов повышения эффективности долгосрочного взаимодействия России и Китая в сфере обеспечения международной стабильности является углубление двустороннего сотрудничества посредством формирования коллективного научно-исследовательского рабочего органа специальной направленности в соответствии с гипотезой эпистемических сообществ. Таким образом, необходимо развитие сотрудничества России и Китая в рамках противодействия международному терроризму как ключевому дестабилизирующему фактору, что подтверждается результатами теории игр. При этом мероприятия по совершенствованию целесообразно рассматривать по уже сложившимся уровням взаимодействия.

3.2 Фактор международных структур: совместные меры России и Китая в обеспечении стабильности на глобальном и региональном уровне

Российская Федерация и Китайская Народная Республика как в период своей слабости на внешнеполитической арене 1990-х годов (РФ

после распада СССР и негативных последствий шоковых реформ, Китай в условиях санкций после событий на площади Тяньаньмэнь 1989 года), так и в период усиления своего влияния активно взаимодействовали в ракурсе обеспечения международной стабильности. При этом опыт взаимодействия двух стран показал важность и необходимость постепенного реформирования ООН и международных организаций с целью формирования справедливого миропорядка, обеспечения равной безопасности для всех государств и противодействия политическим деструкциям, в частности терроризму. В 2000-е годы политическое руководство КНР и РФ осознавало, какие сложности порождает гегемонизм США и военного блока НАТО²⁹⁹, претендующих на монопольное влияние в мире. Более того, политический тренд России и Китая на укрепление своего статуса в мировом сообществе четко коррелировался с их политикой на глобальном и региональном уровнях в рамках ООН и ШОС.

Исследуя внешнеполитические практики России и Китая по обеспечению международной стабильности, стоит их соотнести с теоретическими изысканиями ряда зарубежных авторов (Р. Арон, Н. Орэн, З. Маоз). В частности, политолог-геополитик из Хайфы (Израиль) Зеев Маоз в работе «Мир через имперское господство? Результаты конфликтов и международная стабильность, 1816-1976» анализирует две модели международной стабильности (мирного существования государств), предложенных Раймоном Ароном и Ниссаном Ореном. В функционировании этих моделей значимую роль играли и играют статусные государства-лидеры, включая нынешние Россию и Китай.

Модель Р. Арона «мир через имперское господство» опирается на идею о том, что стабильность в мире повышается после решительных побед и навязанных соглашений, в которых победители подчиняют побежденных, тем самым сдерживая оппонента от ответных действиях в будущем. Модель

²⁹⁹Панарин, А. От формационного монолога к цивилизованному диалогу /А. Панарин //Свободная мысль. – 2011. – №7-8. – С. 219-232. – С. 228.

Н. Орена «благоразумие в победе» противопоставляется модели Арона и базируется на принципе симметричных (сопоставимых) результатов, при которых минимизируется недовольство обеих сторон постконфликтным статус-кво. Сам З. Маоз определяет международную стабильность как промежутки времени между затуханием одного серьезного межгосударственного конфликта и началом другого конфликта. В конечном итоге З. Маоз полагает, что данное определение стабильности вписывается в обе модели, в которых действия лиц, принимающих решения после окончания войны или конфликта, направлены на поддержание мира или оттягивание повторения подобных деструктивных ситуаций³⁰⁰. Именно в рамках научного подхода З. Маоза, на наш взгляд, осуществлялись действия России и Китая в 1990-е и 2000-е годы на международной арене и международных (региональных) площадках. При этом на глобальном уровне сотрудничество двух стран подразумевало задействование института ООН, его функциональных подразделений как в рамках трансформации сущности деятельности, так и посредством повышения эффективности деятельности всей системы. Более того, позиции и статусы России и Китая на площадках ООН определялись и определяются тремя факторами: 1) постоянного члена СБ ООН, 2) первоначального членства в ООН, 3) закреплением за странами условного статуса «великой державы».

На региональном уровне, учитывая тот факт, что Центральная Азия становится объектом повышенного геополитического интереса США и их союзников, вследствие чего высока вероятность превращения ЦАР во второй Ближний Восток или Северную Африку, направления совершенствования взаимодействия России и Китая в борьбе с терроризмом рассматриваются на примере ШОС. Приоритет использования данной региональной площадки обусловлен рядом факторов, основными из которых являются: 1) лидирующая роль России и Китая в организации; 2)

³⁰⁰ Maoz, Z. Peace by Empire? Conflict Outcomes and International Stability, 1816-1976 / Z. Maoz // Journal of Peace Research. – 1984. – Vol. 21, no. 3. – pp. 227-241. – URL: <http://www.jstor.org/stable/424024> (дата обращения: 01.02.2021).

близкий военный потенциал (по сравнению с другими государствами-членами организации); 3) схожие внешнеполитические интересы по поддержанию стабильности в регионе; 4) предоставление гарантий безопасности странам Центральной Азии.

Взаимодействие России и Китая на площадках ООН, как полагает исследователь из КНР Чжао Цзелинь, развивается в прогрессивном ключе³⁰¹. Данный прогресс обусловлен четырьмя группами интересов: 1) стремлением к многополюсной системе международных отношений, 2) осознанием важности сохранения ООН, как универсальной мировой площадкой акторов, 3) близостью подходов в определенном (но не радикальном) реформировании ООН, 4) взаимной поддержкой стран в борьбе с деструкциями (терроризмом и сепаратизмом). Что особенно важно, в ракурсе укрепления ключевой роли ООН на мировой арене странам целесообразно совместно продвигать идею реформирования ООН, рассматривая организацию в качестве механизма глобального управления, миссия которого заключается в обеспечении стабильности и благополучия населения всех государств путем наращивания потенциала своевременного реагирования на угрозы транснационального характера, включая международный терроризм.

С целью совершенствования взаимодействия России и Китая и реализации вышеотмеченного положения двум странам, на наш взгляд, необходимо осуществление следующих мер.

1) Содействовать сбалансированному осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии в рамках 4 компонентов, расширяя в рамках ООН направления сотрудничества в сфере противодействия угрозе биотерроризма как нетрадиционному вызову, получившему особую актуальность с появлением и распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

³⁰¹ Чжао Цзелинь. Взаимодействие Китая и России в рамках Организации Объединенных наций (ООН) на современном этапе / Цзелинь Чжао //Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 66-72. – С. 68.

2) На многосторонней основе поддерживать контртеррористические проекты КТЦ ООН по наращиванию потенциала в разработке системных мер по борьбе с терроризмом, а также совместное участие России и Китая в проектах регионального и глобального уровней с привлечением стран Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки.

3) Усилить интеграцию контртеррористических элементов документов ШОС, а также повысить эффективность деятельности РАТС путем создания национальных отделений антитеррористической структуры в каждом государстве-члене ШОС.

4) В связи с улучшением оснащения террористических организаций, применением террористами беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и технологий искусственного интеллекта, целесообразно в рамках антитеррористических учений ШОС расширять состав участников, а также актуализировать круг контртеррористических задач и тематики многоплановых военных учений.

С учетом ситуации в Средней Азии (как пример, Казахстан в январе 2022 года) и Афганистане, Россия и Китай последовательно выступают с призывами к ООН и соседним странам. Данные призывы несут в себе послание не бороться в одиночку с политическими деструкциями³⁰². Кроме того, Россия и Китай считают рациональным укреплять многовекторное сотрудничество по противодействию угрозе, исходящей от иностранных боевиков-террористов. Вследствие такой позиции двух стран, как мы полагаем, совершенствование взаимодействия РФ и КНР может осуществляться в следующих направлениях:

– укрепление границ и приграничных территорий, регулирование пограничного режима;

³⁰²Ведомство ООН по беженцам призвало соседние с Афганистаном страны не закрывать границы (13.08.2021) // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12121723> (дата обращения: 16.08.2021).

– оценивание факторов риска, связанных с миграцией и нарастающей волной беженцев, которая может служить прикрытием для перемещения иностранных боевиков-террористов;

– обмен информацией о перемещении иностранных боевиков-террористов, а также лиц, подозреваемых в причастности к терроризму;

– обмен практическим опытом по выявлению боевиков-террористов, выдаче боевиков, проведению судебных расследований, сбору доказательств и оказанию правовой помощи;

– совершенствование имеющихся механизмов выдачи;

– блокировка финансовой помощи, оказываемой иностранным боевикам-террористам;

– пресечение деятельности по вербовке радикально настроенного населения приграничных районов в ряды вооруженных боевиков;

– оказание взаимных консультаций по вопросам предоставления статуса беженцев отдельным группам лиц, подозреваемых в связи с террористическими организациями;

– своевременное уведомление соответствующих ведомств (в том числе России и Китая) о любых перемещениях лиц, задержанных по подозрению в причастности к терроризму (уделяя особое внимание приграничным территориям);

– усиление контроля над выдачей проездных документов, особенно на территории повышенной вероятности присутствия иностранных боевиков-террористов;

– с целью постоянной актуализации информации о местном населении, в том числе о вновь прибывших лицах, в приграничных районах организовать работу с организациями гражданского общества.

Таким образом, исключительно важным представляется решение дилеммы по урегулированию ситуаций гуманитарного характера с вопросами превентивных действий в рамках борьбы с международным

терроризмом. Разработка подобных мер и тиражирование положительного опыта необходимо, прежде всего, на глобальном уровне, т.е. ООН.

Немаловажной задачей на глобальном уровне является реализация международным сообществом деятельности, направленной на восстановление международных институциональных образований по соблюдению и обеспечению международной стабильности. В основе скоординированных действий должны лежать совместные усилия влиятельных стран мира (России, Китая, США, Великобритании, Франции и др.) по ограничению гонки вооружений (в том числе, ограничению ядерного оружия), а также жесткий регламент взаимного сдерживания и решимость всех сторон следовать условиям, необходимым для обеспечения международной стабильности³⁰³. Это означает повышение авторитета ООН и возврат организации ключевых ролей в урегулировании международных противоречий. Для этого требуется формирование системы обеспечения соблюдения международного права, в том числе однозначность его толкования.

Помимо регулирования деятельности международных институтов глобального уровня необходимо уточнение и конкретизация положений о борьбе с международным терроризмом. Первоочередным является корректировка понятий «терроризм», «международный терроризм» и т.д. в направлении уточнения и расширения. На рисунке 9 представлены этапы эволюции понятия «терроризм» в документах ООН с указанием нормативно-правового документа. Из приведенных определений можно заметить, что все они несколько корректируются, однако носят довольно общий характер. Сами определения, вероятнее всего, нельзя подвергнуть значительному расширению ввиду и так значительного объема. Однако можно предложить ввести критерии или признаки терроризма, по которым можно было бы определять террористическую направленность.

³⁰³ Арбатов, А.Г. Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничение / А.Г. Арбатов // Полис. – 2019. – №3. – С. 27-47. – С. 47.

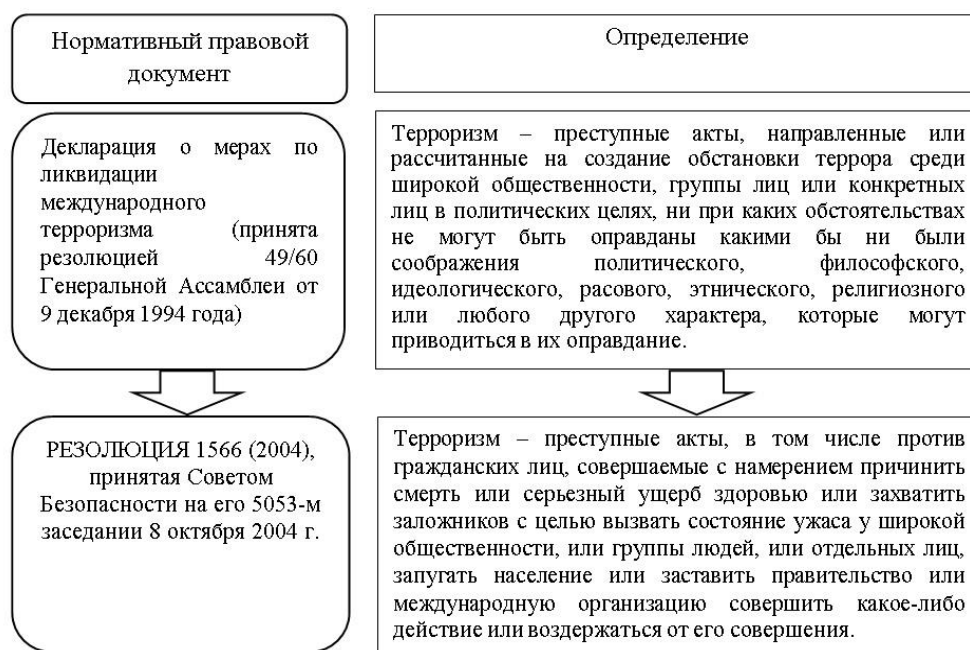


Рисунок 9 – Эволюция определения «терроризм» в документах глобального уровня (в рамках ООН)

В работе О. Потемкиной отмечается, что ЕС, учитывая широкую трактовку терроризма в документах ООН, принял более детальное определение терроризма. В этом определении указано на список конкретных деяний, которые принимают характер терроризма при наличии определенных условий³⁰⁴. Аналогичные дополнения целесообразно внести в документацию международных организаций глобального уровня, где Россия и Китай зачастую занимают схожую позицию. Тем более что обе страны являются постоянными членами Совета Безопасности ООН.

Например, к таким деструктивным обстоятельствам, влияющим на распространение терроризма и усиление нестабильности в различных регионах мира, следует отнести следующие аспекты в деятельности групп и организаций. Во-первых, это формирование рядом негосударственных акторов атмосферы запуганности (страха) населения, в том числе с целью оказания ими давления на органы власти. Во-вторых, это формирование деструктивными группами и организациями системы по оказанию давления

³⁰⁴Потемкина, О. Антитеррористическая политика Европейского союза / О. Потемкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №2. – С. 48-58.

на органы власти неправовыми средствами (в соответствии с законодательством конкретной страны). В-третьих, это деятельность деструктивных структур по дестабилизации, дезинтеграции и развалу фундаментальных политических, экономических, социальных и культурных структур страны или международной организации.

Исключительно важным представляется и участие России и Китая на многосторонней основе в защите исторической памяти, которая становится одним из компонентов инфраструктуры влияния³⁰⁵ («будущее прошлое»). В контексте российско-китайских отношений считаем целесообразным проведение совместных мероприятий исторического профиля (например, день памяти жертв японского отряда-731, освобождение советскими войсками в 1945 году Люйшунью, помощь советского правительства Синьцзяну в 1930-1940-е гг.), направленных в долгосрочной перспективе на предупреждение активизации сценариев «китайской или российской угрозы» и пересмотра истории, особенно ее мрачных страниц (Благовещенский погром 1900 г., конфликт на о. Даманский 1969 г.). Тем более что прецедентов достаточно, например, в 1990-е и 2000-е годы рядом стран Центральной и Восточной Европы предприняты попытки пересмотра итогов Великой отечественной войны (Второй мировой войны). Данный пересмотр и серьезная ревизия итогов войны уже привели к обелению нацизма и фашизма, к негативным последствиям такой ревизии на Украине, в прибалтийских странах бывшего СССР и в Грузии. Это сложившиеся практики от активизации радикальных националистических движений и их политического прессинга русских и русскоязычных до деятельности представителей неонацистских организаций на территории России.

К примеру, речь идет об участии в конце 1990-х годов украинских и грузинских националистов в боевых действиях в Чеченской Республике на стороне международных террористических организаций. Другим примером

³⁰⁵Еремеева, С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? / С.А. Еремеева. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 360 с. –С. 14.

могут служить прибалтийские государства (Литва, Латвия, Эстония), предпринимавшие попытки выставления перед Россией репараций за надуманные факты исходя из трансформации прошлого (например, оккупацию, которой, в действительности, не было). Таким образом, устраняется либо подвергается существенной трансформации фундамент, на котором базируется вся современная система обеспечения международной стабильности и безопасности.

В целом, представленные выше обстоятельства требуют дальнейшей детализации, а при выявлении фактов террористической деятельности следует производить их исследование посредством анализа тенденций, что целесообразно зафиксировать в соответствующих документах ООН (т.к. порой по отдельным фактам не представляется возможным определить характер деятельности, однако тенденции проясняют исследуемые ситуации).

В связи с тем, что вышеизложенные примеры могут являться фактами в череде действий по геополитическому противостоянию, целесообразно в рамках ООН создать соответствующую коалицию для институционального развития антитеррористической деятельности в глобальном масштабе. Россия и Китай, как члены СБ ООН и наиболее пострадавшие страны во Второй мировой войне, должны возглавить движение в направлении ужесточения противодействия международному терроризму в рамках обеспечения глобальной стабильности.

На региональном уровне, прежде всего в структуре ШОС, следует расширить направления взаимодействия от войсковых учений до анализа систем ограничения и контроля, а также развития навыков предупреждения и нейтрализации гуманитарных катастроф. Актуальность данного направления обусловлена ситуацией в Афганистане, потоки беженцев из которого направляются в страны Средней Азии, а под видом вынужденных переселенцев и беженцев возможно распространение террористических элементов (подобные ситуации складывались в ЕС). В итоге перед

государствами ШОС возникает необходимость нейтрализовать негативные последствия гуманитарной ситуации и обеспечить безопасность государств объединения, не позволяя перейти ей в «горячую» фазу. Отдельным направлением работы ШОС целесообразно сделать деятельность по противодействию высокотехнологическим угрозам террористического характера, в том числе обеспечить мониторинг таких угроз, а также уровень оснащения и характер перемещения техники и технологий, потенциально используемых международными террористическими организациями.

Таким образом, фактор расширения географии действия МТО, использование широкого круга инструментов транснационального характера, миграционные потоки глобального значения (например, перемещение жителей стран Азии и Африки в конечном итоге влечет изменение этнорелигиозного положения в Европе и может привести к глобальному противостоянию и трансформации конфигурации положения в мире (уже наблюдается в усилении международных позиций стран Азии и Африки). К тому же разнообразие сторон проявления терроризма требует всестороннего изучения этого явления и обмена опытом в глобальном масштабе с целью предупреждения подобных действий в других регионах планеты. Это позволит оперативно корректировать глобальную контртеррористическую стратегию и тиражировать положительный опыт отдельных стран на другие государства и объединения регионального характера.

Вследствие осознания того, что двустороннего взаимодействия недостаточно (выражаясь языком математики – двумерная модель), что международный терроризм и разрушаемая им система международной стабильности более многофакторные категории, следует акцентировать внимание и на глобальном и региональном уровнях контртеррористической деятельности в качестве концептуальной основы для дальнейшего двустороннего сотрудничества.

3.3 Новые возможности развития двустороннего сотрудничества России и Китая в борьбе с терроризмом как меры укрепления международной стабильности

Взаимодействие России и Китая в решении внутренних, используя опыт и ресурсы партнера (например, информационные), и внешних проблем подкрепляется серьезным потенциалом, который базируется как на исторически сложившихся, так и на вновь появляющихся возможностях. Данные возможности стали следствием соединения трех политических потоков (по Дж. В. Кингдону ³⁰⁶), формирующихся под влиянием определенных обстоятельств. В нашем случае первый поток для России выразился введением коллективным Западом против страны экономических санкций (в том числе и после начала специальной военной операции на Украине), для Китая поток приобрел очертания внешнеполитического давления США по вопросам уйгуров, Тайваня и Тибета, происхождения коронавирусной инфекции и т.д. Этот «проблемный поток» катализировал сотрудничество стран по ряду направлений. Второй поток проявился в активности российских и китайских политиков в дипломатической сфере, в том числе на высоком и высшем уровнях. Тот факт, что В. В. Путин, будучи президентом России, встречался со всеми лидерами Китая нынешнего столетия Цзян Цзэмином, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпином, является очередным подтверждением следования России и Китая курсом стратегического партнерства. Третий поток связан с совместной работой научных и экспертных сообществ России и Китая, занимающихся проблемами национальной безопасности и международной стабильности, поддержание которых является неотъемлемым условием построения «сообщества единой судьбы» (например, экспертов из ИКСА РАН и Китайской академии общественных наук). Таким образом, на современном

³⁰⁶Kingdon, J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies* / J. W. Kingdon. – 2nd edition. – London: Pearson Education Limited, 2014. – 235 p.

этапе развития российско-китайских отношений сплав трех потоков является прочным фундаментом взаимодействия России и Китая во всех областях и сферах, включая борьбу с международными угрозами, в том числе терроризмом.

Политическое взаимодействие России и Китая во многом определяется внешнеполитическими факторами, оказывающими непосредственное влияние на стабильность международной системы. К середине 2010-х годов Россия и Китай стали приобретать конкурентные преимущества центров силы (экономической, военно-политической, геополитической), противостоящих государству-гегемону в лице США, стремящихся к доминированию с целью поддержания в мировой системе определенных правил, что соответствует теории «гегемонической стабильности». Такое противостояние привело к открытой конфронтации между государствами, о чем свидетельствует торговая война между Китаем и США, призыв к бойкотированию пекинской олимпиады 2022 года, открытая поддержка НАТО во главе с США киевского режима, обращение к мировому сообществу о признании России страной-спонсором терроризма и т.п. Негативные факторы такого рода оказывают прямое влияние на укрепление российско-китайского взаимодействия, разработку программы (стратегии) сотрудничества, ее корректировку в зависимости от новых вызовов и угроз (переменных параметров международной стабильности). В настоящее время Россия и Китай взаимодействуют по ряду ключевых вопросов международной повестки в сфере поддержания стабильности: положение на Украине, ситуация на Корейском полуострове, ближневосточная проблема (в Сирии, палестино-израильский конфликт, «афганский вопрос»).

Динамика фактов российско-китайского политического взаимодействия на уровнях от представителей посольств двух стран и специальных представителей до первых лиц государств представлена на рисунке 10.

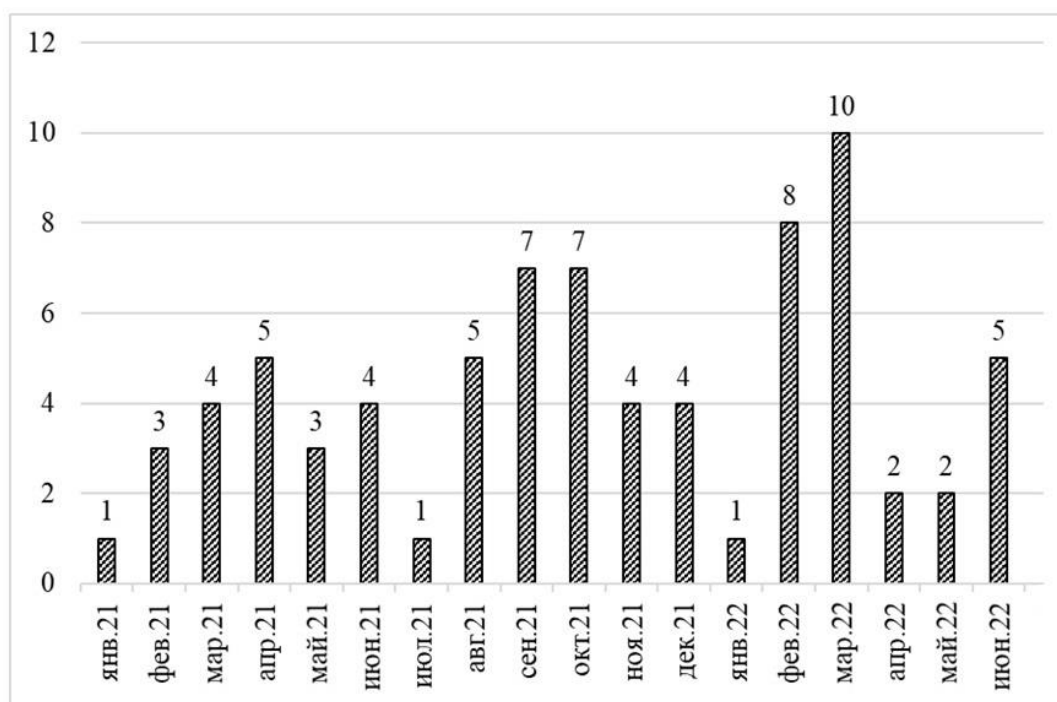


Рисунок 10 – Количество встреч по вопросам международной стабильности официальных представителей России и Китая за период январь 2021 г.-июнь 2022 г. (Примечание: составлен автором на основе информации, размещенной на официальных сайтах Министерства иностранных дел РФ³⁰⁷, Министерства иностранных дел КНР³⁰⁸, Совета Безопасности РФ³⁰⁹, Президента РФ³¹⁰, Посольства России в Китае³¹¹).

Цикличность взаимодействий России и Китая, которая видна на рисунке 10, позволяет говорить об интенсификации контактов во время изменения внешнеполитической повестки и возникновения событий деструктивного характера: первая половина 2021 г. – вступление Дж. Байдена на пост президента США, вторая половина 2022 г. – вывод американских вооруженных сил из Афганистана, февраль-март 2022 г. – начала СВО России. Считаем уместным утверждать, что в период

³⁰⁷Двусторонние отношения с Китайской Народной Республикой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://mid.ru/ru/maps/cn/> (дата обращения: 30.05.2022).

³⁰⁸外事日程 // 中华人民共和国外交部 = Календарь зарубежных событий // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: http://mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/wsrc_674883/ (дата обращения: 15.05.2022).

³⁰⁹ В Москве состоялся 16-ый раунд российско-китайских консультаций по вопросам стратегической безопасности // Совет Безопасности Российской Федерации. (сайт). URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2996/> (дата обращения: 10.06.2022).

³¹⁰Последние события // Президент России. URL: kremlin.ru/events/president/news (дата обращения: 29.05.2022).

³¹¹Андрей Денисов встретился со спецпредставителем МИД КНР Чэн Гопином // Посольство России в Китае. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/andrey_denisov_vstretilsya_so_spetspredstavitelem_mid_knr_chen_gopinom/ (дата обращения: 20.05.2022)

обострения обстановки на международной арене (конфликт, кризис, военные действия) и при нарастающей угрозе безопасности двух стран количество контактов увеличивается, сторонами принимаются важные внешнеполитические решения. Перечень значимых российско-китайских контактов в 2021-2022 гг. приведен в Приложении Е. Таким образом, появление новых внешнеполитических факторов обуславливает содержательные, а иногда и структурные (организационные) изменения в рамках двустороннего взаимодействия.

Говоря о системе международной стабильности, следует отметить существенное значение географического фактора, так как на протяжении почти 100 лет североамериканская территория являлась «островком» стабильности, ее устойчивого характера, а с середины 20 века до начала 1990-х – Европа (до процесса трансформации стран Варшавского договора и войн на территории бывшей Союзной республики Югославия). С этого же периода дестабилизация (локальная) характерна и для Российской Федерации. Предпосылки аналогичных процессов происходили и в КНР, однако в значительной степени они были нивелированы.

В итоге, трансформация мировой системы и перспективы ее преобразования в глобальную либо, напротив, в совокупность региональных (как отмечает М.Л. Хазин) финансовых центров неизбежно требует уточнения понятия международной стабильности и инструментов ее достижения. Причем важно отметить, что вооруженные средства, зачастую, малоэффективны, а порой, контрпродуктивны, в достижении международной стабильности и являются лишь одним из важных, но не ключевых элементов ее поддержания. Причем использование военной силы практически всегда воспринимается странами-конкурентами негативным образом. В тоже время возросла роль экономических механизмов достижения целей обеспечения международной стабильности, где они являются частью политики «мягкой силы».

В период 2000-х годов Российская Федерация и Китайская Народная Республика принимали участие в поддержании стабильности на международной арене в рамках двустороннего сотрудничества не только посредством демонстрации военной силы (военные учения), что логично, но использованием «мягкой силы» (вид силы, способ достижения желаемых результатов посредством продвижения ценностей и институтов, по Дж. Наю-младшему³¹²). Первой из двух стран, заявившей о важности в практическом использовании «мягкой силы», стала КНР (в 1993 году в одном из китайских СМИ вышла статья «Культура как национальная сила: мягкая сила»). Однако использование концепции «мягкой силы» как доктринальных документов относится к 2003 году («мирное возвышение» КНР), к 2004 году («Пекинский консенсус») и к 2005 году (концепция «Гармоничный мир совместного процветания»). «Мягкая сила» КНР, которая потом будет задействована в определенных элементах РФ, состоит в пяти приоритетах, которые можно представить нижеследующим перечнем: 1) расширение средств массовой коммуникации (СМК) по миру; 2) активная работа с диаспорой и соотечественниками за рубежом; 3) продвижение национальной культуры (китайского культурного кода); 4) создание национальных смыслов и контрнарративов по отношению к конкурентам; 5) эффективное управление активами «мягкой силы». Системное обращение России к концепту «мягкой силы», как апробирование в первую очередь китайского опыта, относится к 2012 году и связано с публикацией статьи В. В. Путина «Россия и меняющийся мир», где было дано определение данному понятию. В практической плоскости реализация концепта российской «мягкой силы» относится к 2013 году, когда было создано Международное информационное агентство «Россия сегодня». Важным элементом в работе по оказанию влияния «мягкой силы» РФ в мире, к сожалению не такой эффективной, как китайская, является деятельность

³¹²Най, С. Джозеф (младший) Будущее власти / Джозеф С. Най (младший); пер. с англ. В.Н. Верченко. – Москва : АСТ, 2014. – 444 с. – С. 150.

Россотрудничества и работа с соотечественниками. В этой связи обмен опытом Китая и России с его тиражированием и масштабированием на общенациональном и субнациональном уровнях, учитывая общие интересы и внешнеполитических конкурентов, является неотъемлемой частью взаимодействия для государственных и негосударственных акторов.

Двустороннее сотрудничество представляется приоритетным в связи с предпосылками, указанными в предыдущей главе, а также обладает большей самостоятельностью и инициативностью действий. По результатам проведенного анализа важно определить следующее. С одной стороны, двустороннее сотрудничество России и Китая представляется приоритетным в сравнении с взаимодействием на международных площадках (эффекта больше). С другой стороны, можно определить основные векторы развития сотрудничества России и Китая в сфере обеспечения международной стабильности и противодействия терроризму в среднесрочной и долгосрочной перспективе, которые в сжатом виде можно представить следующим перечнем.

- 1) Укреплять потенциал и возможности взаимодействия государственных институтов России и Китая в сфере контртеррористической борьбы (в т.ч. расширение количества ведомств, включенных в эту деятельность ввиду их косвенного участия).

- 2) Расширять двустороннее сотрудничество по противодействию транснациональной организованной преступности (незаконному обороту наркотических веществ, культурных ценностей, оружия, драгоценных металлов), доходы от которой могут направляться на финансирование терроризма.

- 3) Развивать сотрудничество по совершенствованию и внедрению инновационных мер по противодействию технологиям искусственного интеллекта, используемым в террористических целях.

4) Вести совместную деятельность по обнаружению и дезорганизации сетей, специализирующихся на незаконной продаже оружия, в том числе беспилотных летательных аппаратов.

5) С целью повышения эффективности реагирования на террористические угрозы по линии двусторонних программ осуществлять совместную подготовку профессиональных кадров правовой системы с соответствующими языковыми навыками и страноведческими знаниями.

6) Развивать двустороннее взаимодействие академических кругов, а также частного сектора в направлении обеспечения безопасности интернета и создания технологических трудностей для террористов в организации убежищ в информационной среде.

7) Осуществлять двустороннее сотрудничество по отслеживанию и выявлению лиц, сочувствующих террористическим силам и распространяющих террористический контент через Интернет, с привлечением экспертов из разных сфер деятельности, в том числе работников ИТ-сферы, лингвистов, специалистов в области регионоведения, теологии и т. д.

8) С целью обеспечения транспортной безопасности в области трансграничного передвижения проводить совместную разработку мер по формированию системы сбора предварительной информации о пассажирах, передвигающихся различными видами транспорта.

9) Развивать межрегиональный диалог по вопросам использования положительного национального опыта борьбы с терроризмом, разработанного в России и Китае.

Большинство направлений развития двустороннего сотрудничества позволило бы решить новое институциональное образование, принципы функционирования которого, а также сильные и слабые стороны будут рассмотрены ниже.

В дополнение к вышеперечисленному отдельно следует выделить содержательные ориентиры развития приграничного сотрудничества в

контексте противостояния угрозе международного терроризма. Так, необходимо направить усилия в следующих направлениях.

1) Развивать межведомственное сотрудничество приграничных регионов России и Китая, например, в крупных пограничных переходах Благовещенск – Хэйхэ, Забайкальск – Маньчжурия, Хабаровск – Фуюань и т.д., в направлении совместного патрулирования приграничных территорий с целью пресечения контрабанды, незаконного оборота наркотиков и торговли природными ресурсами.

2) Согласованно взаимодействовать по усилению пограничного режима и паспортного контроля в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе повышенной террористической угрозы.

3) Ввиду отсутствия пограничного перехода и ограниченностью приграничной инфраструктуры между республикой Алтай (Россия) и Синьцзян-Уйгурским автономный районом (Китай) усилить контроль за незаконным пересечением данного участка границы.

4) Учитывая положительный опыт Китая в многостороннем взаимодействии (Китай-Лаос-Мьянма-Таиланд) по обеспечению безопасности в приграничных районах в бассейне реки Меконг³¹³, создать совместный российско-китайский центр по работе с населением приграничных районов бассейна реки Амур для организации просветительской деятельности в области правовых норм двух стран, актуализированных правил пересечения границы, угрозах трансграничной преступной деятельности и т.п.

5) В связи с возможным ухудшением миграционной обстановки и притоком беженцев вследствие афганского кризиса необходимо развивать многостороннее сотрудничество и механизмы взаимодействия

³¹³ 卢光盛, 周洪旭. 中国与东南亚国家反恐合作的态势、问题及对策 // 云南师范大学学报. – 2016. – 48(6). – 63-72 页 (на русс.: Лу Гуаншэн, Чжоу Хунсюй Состояние, проблемы и стратегии антитеррористического сотрудничества между Китаем и странами Юго-Восточной Азии // Вестник Юньнаньского педагогического университета. – 2016. – 48(6). – С. 63-72).

правоохранительных органов и пограничных служб граничащих между собой Россией, Китаем, Казахстаном и Монголией.

В рамках структурных преобразований двустороннего сотрудничества исключительно важным направлением совершенствования является создание постоянного совместного органа, что соответствует «гипотезе эпистемических сообществ». Подобное институциональное образование может иметь различные названия, например, координационный комитет, центр перспективного анализа террористической деятельности и т.п. При этом подобное образование должно соответствовать ряду условий:

- принцип доверия и справедливости;
- наличие широкого круга специалистов с целью всестороннего анализа перспективных трансформаций ключевых систем (экономических, политических, технологических, социальных и т.д.);
- равноправное участие российских и китайских экспертов;
- полномочия по сотрудничеству с национальными правоохранительными и специальными органами, в т.ч. осуществлению запросов в специальных ведомствах с учетом соблюдения ключевых факторов (прежде всего, секретности и т.п.);
- достаточность финансирования (техническое обеспечение, специальная литература, финансирование командировок и т.д.);
- делегирование полномочий от межнациональной группы (межправительственного соглашения), т.е. прямое подчинение национальным структурам;
- руководство институциональным образованием осуществляется на паритетных основах, единой штаб-квартиры не существует, различные подразделения (отделы) расположены на территориях России и Китая. Размещение должно соответствовать принципам необходимости, целесообразности, законности, паритетности;
- секретный уровень функционирования организации.

В таблице 13 представлены отдельные результаты применения SWOT-анализа формирования институционального образования в соответствии с «гипотезой эпистемических сообществ».

Таблица 13 – SWOT-анализ формирования эпистемического сообщества в рамках развития двустороннего сотрудничества по поддержанию международной стабильности

Сильные стороны	Возможности
Концентрация компетенций	Возможность повышения оперативности реагирования
Аккумуляция национального опыта каждой из сторон	Долгосрочное прогнозирование
Специализированный подход (деятельность) к проблеме контртеррористического сотрудничества и многовекторность	Формирование единой антитеррористической стратегии
Возможность углубления двусторонних интеграционных процессов	
Слабые стороны	Угрозы
Дополнительные расходы	Бюрократизация и коррупция
Этнокультурный барьер и превалирование национальных интересов над коллективными	Политизация деятельности (смена политических элит, направления политики государства)
Невысокая детерминированность результатов деятельности в краткосрочном периоде	Возникновение конкурентного противостояния со смешанными структурами

Наиболее сильной стороной предложенного образования является концентрация компетенций, что сформирует возможности всестороннего охвата решаемых проблем, расширит системы взглядов и подходов. Прежде всего в предложенной структуре целесообразно формирование системы из специалистов в области экономики, политики, финансовой деятельности, истории (в т.ч. историк-системщик), коммуникации, социологии, военного дела, специальной и разведывательной деятельности, техники и инновационных технологий (в том числе IT-технологий), теологии, психологии, медицины и т. д. При этом все специалисты имеют равные права и обладают «правом голоса», а руководители предложенного подразделения должны иметь широкий кругозор с выделением определенных тенденций в

долгосрочной перспективе. Усилением предлагаемого органа будет являться многонациональный характер формирования. В целях соблюдения принципа единоначалия во главе подразделения должен находиться только один человек из одной страны, тогда заместителем выступает представитель другой страны; через определенный период возможна смена по национальному признаку (с целью соблюдения принципа равенства сторон).

Руководитель предлагаемой структуры находится в подчинении совета глав государств (формирование, структура и основные направления деятельности утверждаются совместным решением, которым также устанавливается рабочая группа) и в постоянных контактах с руководителями специальных служб (координационное и совещательное взаимодействие).

Основная задача предлагаемого органа – прогнозирование развития различных систем (экономических, политических, социальных, технических и т. д.) в аспекте антитеррористической деятельности и формирования комплекса превентивных мер, причем предполагается высокий горизонт прогнозирования (20-50-100 лет). В итоге возникнет возможность долгосрочного прогнозирования с относительно высокой степенью вероятности (по крайней мере, в качественном измерении), что приведет к развитию системы разработки долгосрочных упреждающих мероприятий.

Однако, несмотря на значительный потенциал такой структуры, ввиду невозможности точного (количественного) определения контрольных или аналитических показателей деятельности (по крайней мере, в горизонте до 5 лет) возникает угроза формирования процесса бюрократизации и коррупции. К слабой стороне такого органа также можно отнести этнокультурный барьер представителей России и Китая, а также объективное (ввиду сущности человека / страны, отраженной в заключениях школы реализма) превалирование национальных интересов над коллективными. Тем не менее осознание слабых сторон и потенциальных угроз перед прогнозируемой активизацией террористической действительности по дестабилизации в

мире и возрастанию уровня хаотичности должно поставить перед руководством двух стран и соответствующих представителей предлагаемой группы задачи по нивелированию угроз и преодолению негативных последствий от реализации слабых сторон. Это обусловлено перспективами, которые, при соответствующем реагировании на угрозы и слабости, позволят значительно повысить эффективность сотрудничества в противодействии международному терроризму как ключевому отрицательному фактору стабильности в глобальном масштабе.

Подводя итоги по третьей главе исследования, стоит выделить три важных аспекта.

Во-первых, развитие системы сотрудничества России и Китая на двустороннем уровне получает дополнительный импульс, что приводит к дальнейшим скоординированным действиям на международной арене в борьбе с терроризмом и в обеспечении миропорядка. При этом следует помнить, что уровни взаимодействия не заменяют друг друга, а взаимно дополняют. Тем самым, образуется система взаимодействия, в результате которой совершенствование на одной ступени сотрудничества неизбежно приведет к синергетическому эффекту.

Во-вторых, работая над ошибками и просчетами в двустороннем и многостороннем сотрудничестве, важно обеспечить эффективность всего комплекса взаимодействия, формируя фундамент (корзину) развивающих и корректирующих действий.

В-третьих, значимым правилом во взаимодействии двух стран являются выверенные и реалистичные стратегии, использование теории игр, заключающееся в необходимости учета интересов контрагента (другого игрока) или, образно выражаясь, в возможности «стать на его место». Именно этим посылом обусловлен выбор стратегии сотрудничества и ориентация на упреждающие меры в ущерб стремлению максимизации только своего выигрыша, но с положительным исходом для обеих сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целесообразность продуктивного взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на международной арене в предотвращении угроз логично объяснить через призму геополитического и цивилизационного подходов, а также научной школы неореализма («гибкий реализм») в международных отношениях и дипломатии. Геополитический подход существования жизненных форм политики национальных государств, по оценке К. Хаусхофера, предполагает наличие у государств мощного инстинкта, связанного со стремлением расширения своего жизненного пространства, а также попытками территорий и общин государств добиться общенационального успеха. Исторически это свойственно и России, и Китаю. В цивилизационном подходе С. Хантингтон из выделенных им восьми цивилизаций четыре считает доминантными, включая западную, славянско-православную, конфуцианскую (китайскую) и исламскую. Наличие этих цивилизаций предопределяет как конфликты и столкновения между ними, так и взаимодействия и сотрудничество между некоторыми из них. Россия и Китай в 1990-е и 2000-е годы пошли по пути взаимодействия, заключающегося в конструктивном сотрудничестве.

Существует и еще одна основа для взаимодействия двух стран – не всегда конструктивная роль иных внешнеполитических акторов. С одной стороны, биполярный миропорядок (США и СССР) постепенно трансформировался в многополюсность, превратив Россию и Китай в центры нового, полицентричного мирового порядка. С другой стороны, международный политический процесс с его изменениями должен был бы не только вывести США на уровень доминирования в формирующемся миропорядке, но и обеспечить коллективному Западу во главе с США господство в международном сообществе. Однако это доминирование и господство США ограничивается тремя ключевыми факторами: 1) экономическим потенциалом Китая, 2) ростом военно-политической мощи

России, 3) взаимодействием ряда политических акторов (в первую очередь России и Китая) в противодействии возросшей активности международного терроризма. Эти аспекты также обеспечивает основу для взаимодействия двух стран, поскольку оба государства опираются на близкие ценности и смыслы. В свою очередь, это выводит их на проведение символической международной политики.

Кроме того, с позиции «гибкого» реализма сотрудничество двух стран (вполне возможно, что и нескольких) проистекает из осознания ими сходства экономических интересов, а реализуемое взаимодействие сторон обеспечивает интересы безопасности своих государств. Политическое партнерство двух стран и данная линия поведения России и Китая опираются на рациональный выбор и направлены на обеспечение стабильности и решение внутренних проблем, а также приращение посредством дипломатии как собственного блага, так и международного. Помимо этого Россия и Китай, являясь ключевыми странами в системе международных отношений, служат неким образцом государств, обладающих суверенитетом, ценностями, определяющими поведение этих акторов на международной арене, содержательными характеристиками международной деятельности и дипломатии. Именно национальные государства (Россия и КНР в их числе) являются основным компонентом всего «международного», ведь без национальных государств и их взаимодействий не может быть системы международных отношений.

В проведенном диссертационном исследовании удалось прирастить научные знания в следующих политологических аспектах.

С точки зрения диссертанта, международная стабильность, на которую активно влияют оба государства, представляет собой динамическое состояние международной системы, которая характеризуется комплексом свойств и факторов текущего положения и тенденциями развития, что обеспечивает возможность своевременного и эффективного управления переменными параметрами системы. Одним из наиболее

важных переменных параметров динамики международной системы являются реальные и потенциальные угрозы, в этом случае угрозы выступают как дестабилизирующие факторы, прямое или косвенное воздействие которых способно вывести систему из состояния динамического равновесия, то есть нарушить международную стабильность. Россия и Китай прилагают серьезные усилия по совершенствованию механизмов поддержания международной стабильности. Приоритетное положение среди механизмов, обеспечивающих поддержание стабильности в рамках системы и ее подсистем различного уровня, принадлежит международным институтам, крупнейшим из которых является Совет Безопасности ООН (СБ ООН).

Терроризм рассматривается как применение или угроза применения насильственных действий, нанесение материального, морального, а также репутационного ущерба со стороны физических лиц, в том числе при поддержке государства, с целью извлечения политических выгод в идеологическом, организационном и правовых аспектах, дестабилизации систем национальной и общественной безопасности или подталкиванию государственных администраций либо организаций международной сферы деятельности к принятию каких-либо решений, совершению какого-либо действия или, напротив, отказа от последних. Дискредитация государства дипломатическими средствами, включающими агрессивные заявления со стороны глав государств или представителей международных организаций и создающими как атмосферу нестабильности среди населения атакуемого государства, так и атмосферу страха и неприятия со стороны других государств, позволяет говорить о формировании «дипломатического» терроризма.

Взаимодействие между Россией и Китаем в области обеспечения стабильности и противодействия терроризму на современном этапе осуществляется в формате сотрудничества, отвечающего основным тезисам гибкого реализма: соответствие внешнеполитическим мотивам обеспечения

безопасности, получения выгоды и поддержания статуса военных держав с использованием экономических механизмов и стратегического политического партнерства, в том числе с позиции лидерства в функционировании международных региональных организаций. Комплекс решений и дипломатических действий России и Китая приводит к расширению взаимодействия стран во внешнеполитической и экономической сферах, увеличению потенциала двустороннего сотрудничества, а также снижению остроты политических деструкций. В этом случае дипломатия рассматривается как инструмент реализации межгосударственных отношений, направленных на создание предпочтительных условий для страны во внешней политике, международной торговле, а также в сфере стратегической безопасности, включая противодействие международному терроризму.

Взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности обусловлено рядом социально-экономических и политических факторов, основными из которых являются:

- 1) соседствующее положение государств и взаимовыгодные внешнеторговые отношения;
- 2) геополитическое и геоэкономическое положение двух стран, в территориальных рамках которых сконцентрированы интересы, ресурсы, потенциал и коммуникации для многих международных акторов;
- 3) наличие схожих проблем в рамках противодействия международным террористическим организациям исламского (мусульманского) толка;
- 4) наличие опыта, стратегий и практик противодействия политическому терроризму и сепаратизму, а также усилий для поддержания международной стабильности.

Взаимодействие России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности происходит на основных мировых площадках (ООН, ШОС). Правительства двух стран осуществляют взаимодействие при помощи определенных механизмов и технологий борьбы с терроризмом. Российская Федерация и Китайская Народная

Республика, являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН, вносят свой вклад в управление глобальной безопасностью и обеспечение международной стабильности посредством разработки и осуществления резолюций СБ ООН по борьбе с терроризмом, а также принимают участие в международных миротворческих операциях, проектах Контртеррористического центра ООН и программах по оказанию международной гуманитарной помощи.

В работе предложена и обоснована авторская периодизация этапов и уровней двустороннего взаимодействия России и Китая в противодействии политическим деструкциям, включая терроризм. Совместная антитеррористическая деятельность двух стран представлена четырьмя этапами: 1) подготовительный этап – 1991-2000 гг., 2) фундаментальный этап – 2000-2003 гг., 3) конструктивный этап – 2003-2008 гг., 4)результатирующий этап – 2008-по настоящее время. Двустороннее контртеррористическое сотрудничество России и Китая разделено на три уровня: межгосударственный, межведомственный и приграничный уровни. Все уровни находятся в единстве и дополняют друг друга.

Развитие взаимодействия России и Китая в сфере противодействия террористической деятельности мотивировано рядом угроз и вызовов международного характера, трансформирующихся вслед за изменениями международной ситуации. Обе страны имеют схожие возможности в самостоятельном решении проблем терроризма внутри страны, реализуя индивидуальные стратегии, однако международные аспекты террористической деятельности диктуют необходимость совершенствования межгосударственного сотрудничества и повышения эффективности обмена позитивным и негативным опытом двух стран в преодолении деструктивных последствий терроризма и стимулировании социально-экономического развития проблемных территорий с этнорелигиозной спецификой. Такое взаимодействие России и Китая базируется на научном подходе о том, что апробированные совместные

практики государств-партнеров являются не менее эффективными, чем односторонний подход в преодолении деструкций. Таким образом, необходимо отметить позитивный эффект изучения индивидуальных стратегий для формирования комплексной стратегии взаимодействия двух стран на двусторонней и многосторонней основе.

Расширение географии деятельности МТО, использование широкого круга инструментов транснационального характера, миграционные потоки глобального значения обуславливают необходимость совместного противостояния терроризму в рамках организации глобального уровня – ООН, где наблюдается близость подходов России и Китая к международным проблемам. С целью укрепления ключевой роли ООН на мировой арене странам целесообразно совместно продвигать идею реформирования организации, рассматривая ее в качестве механизма глобального управления, миссия которого заключается в обеспечении стабильности и благополучия населения всех государств путем наращивания потенциала своевременного реагирования на транснациональные угрозы, включая международный терроризм. Учитывая растущее геополитическое значение Центральной Азии, регулярное сопряжение в этом регионе терроризма с внутренними конфликтами, а также непосредственную территориальную близость к России и Китаю и пересекающиеся интересы двух стран в регионе, ШОС становится приоритетной площадкой российско-китайского регионального взаимодействия, в рамках которой необходимо дальнейшее совершенствование контртеррористических мер.

Политическое взаимодействие России и Китая определяется внешнеполитическими факторами, зачастую негативного характера, влияющими на стабильность международной системы. Появление новых факторов обуславливает содержательные, а иногда и структурные изменения в рамках двустороннего взаимодействия, направленные на выстраивание сотрудничества с долгосрочным прогнозированием развития

социально-экономических и политических систем двух стран в свете террористической угрозы.

Проведя системное исследование проблематики взаимодействия России и Китая в противодействии терроризму и обеспечении международной стабильности, мы предлагаем ряд рекомендаций. Эти рекомендации имеют отношение к политическому руководству России и Китая, специализированным государственным ведомствам (МИД, МВД, спецслужбы, идеологические ведомства) и экспертному сообществу.

Рекомендации для взаимодействия на двусторонней основе

– На основе всеобъемлющего подхода выработать единую двустороннюю стратегию с учетом появления новых угроз и условий распространения международного терроризма (например, пандемии), в том числе с применением элементов «мягкой силы» (образования, спорта, киноиндустрии, этнокультурных инициатив и т.д.).

– Прогнозировать появление и использование террористами новых финансовых инструментов, направленных на финансирование терроризма, а также развивать сотрудничество по надзору и регулированию использования виртуальных валют, что является важным шагом в устранении рисков, связанных с финансированием терроризма.

– Совместно разрабатывать сценарии возможного влияния пандемии на террористическую активность и комплекс двусторонних мер по ее ликвидации.

– Разработка совместного проекта по разоблачению фейковых новостей в контртеррористическом контексте.

– В тесном контакте с Международной организацией уголовной полиции (Интерпол) укреплять международное сотрудничество между правоохрнительными и компетентными органами (в том числе России и Китая), используя международные базы данных и инструменты анализа, применяемые в уголовных расследованиях Интерполом.

– Реализовывать взаимообмен передовыми методами предотвращения террористических нападений на объекты критической инфраструктуры и уязвимые цели, в том числе в рамках проведения совместных контртеррористических учений.

– Расширять взаимную осведомленность о мероприятиях контртеррористической направленности различных уровней, начиная с Конференции высокого уровня ООН и заканчивая международными мероприятиями по вопросам безопасности и стабильности, проводимыми на территории России и Китая.

– Развивать двустороннее сотрудничество по выявлению неблагонадежных некоммерческих неправительственных организаций и благотворительных фондов, деятельность которых направлена на содействие террористическим организациям (например, «Белые каски»).

Рекомендации для взаимодействия на многосторонней основе

– Продолжать борьбу с терроризмом исходя из всеобъемлющего многостороннего подхода, руководствуясь Уставом ООН и Глобальной контртеррористической стратегией, подчеркивая важную роль СБ ООН в поддержании международной стабильности и безопасности и признавая Контртеррористическое управление в качестве координационного органа для осуществления усилий по взаимодействию со страновыми группами.

– Выступать с совместными заявлениями по поддержке резолюций Совбеза ООН, направленных на укрепление партнерского взаимодействия в области противодействия финансированию терроризма, в том числе посредством использования онлайн-платформ и неформальной расчетной системы «Хавала».

– Осуществлять партнерское взаимодействие по созданию и продвижению в рамках ООН глобальных механизмов и правил системы управления в информационном пространстве, снижающей использование интернета с террористическими целями, в том числе укреплять

многостороннее сотрудничество по противостоянию на глобальном уровне искажению толкования религиозных идей через интернет.

– Развивать взаимодействие ООН и ШОС в решении проблем влияния террористических сил на политическую ситуацию в отдельных регионах мира, например, в направлении стабилизации ситуации в Афганистане, урегулировании сирийского конфликта и т.п.

– Укреплять позиции и статус ШОС в Центральной Азии с целью недопущения отдельными государствами под прикрытием антитеррористических операций расширять свое дестабилизирующее влияние в регионе.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты:

1. Арабская конвенция о борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]: [Принята в г. Каире 22 апреля 1998 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038141>.
2. Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: [Принята в г. Астане 9 июня 2017 г.] – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5206>.
3. Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: [Принята в г. Бишкеке 14 июня 2019 г.] – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5421>.
4. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма [Электронный ресурс]: [Одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г.] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml
5. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче [Электронный ресурс]: [Совершен в г. Москве 26 июня 1995 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901091>.
6. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: [Принято в г. Пекине 27 сентября 2010 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902279843>
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]: [Принято в г. Москве 16 июля 2001 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901792686>
8. Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]: [Совершен в г. Минске 4 июня 1999 г.] – URL: <https://base.garant.ru/12130305/>

9. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС [Электронный ресурс]: [Принято в г. Душанбе 17 сентября 2021 г.] – URL: <http://rus.sectsco.org/news/20210917/779142.html>
10. Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]: [Принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 27 апреля 2018 г.] – URL: http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=629436&page=1
11. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма [Электронный ресурс]: [Принята в г. Варшаве 16 мая 2005 г.] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-soveta-evropy-o.html>
12. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма [Электронный ресурс]: [Принята в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339374>.
13. Концепция сотрудничества стран-участниц организации в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: [Принята в г. Астана 5 июля 2005 г.] – URL: <https://base.garant.ru/12140899/>.
14. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [Электронный ресурс]: [Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 г.] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml.
15. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс]: [Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.
16. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс]: [Заклучена 09 декабря 1999 г.] – URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202178/v2178.pdf>.

17. Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: [Принята в г. Москве 10 ноября 2020 г.] – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5575>.

18. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.03.2006 г. №35-ФЗ : [Принят Гос. Думой 26 февраля 2006 г.: Одобр. Советом Федерации 1 марта 2006 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787>.

19. Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]: [Принята Советом Безопасности на 4385-м заседании 28 сентября 2001 г.] – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/557/45/PDF/N0155745.pdf?OpenElement>.

20. Резолюция 1566 (2004) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]: [Принята Советом Безопасности на 5053-м заседании 8 октября 2004 г.] – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/542/84/PDF/N0454284.pdf?OpenElement>

21. Резолюция A/74/677 Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: [Принята Генеральной Ассамблеей ООН на 74-м пленарном заседании 7 декабря 2020 г.] – URL: <https://undocs.org/ru/A/74/677>.

22. Резолюция A/75/729 Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: [Принята Генеральной Ассамблеей ООН на 75-м пленарном заседании 29 января 2021 г.] – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/024/02/PDF/N2102402.pdf?OpenElement>.

23. Резолюция A/RES/53/70 Достижения в сфере информатизации и коммуникации в контексте международной безопасности [Электронный ресурс]: [Принята Генеральной Ассамблеей ООН на 53-м заседании 4

января 1999 г.] – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/05/PDF/N9976005.pdf?OpenElement>.

24. Резолюция A/RES/66/10 Контртеррористический центр Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: [Принята Генеральной Ассамблеей ООН на 60-м пленарном заседании 18 ноября 2011 г.] – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/459/44/PDF/N1145944.pdf?OpenElement>.

25. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс]: [Принято в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626>.

26. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими [Электронный ресурс]: [Принято в г. Пекине 25 апреля 1996 г.] – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=11&nd=203001265&collection=1

27. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс]: [Принято в г. Москве 8 мая 2015 г.] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420283259>.

28. Соглашение между Федеральной пограничной службой Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о пограничном сотрудничестве [Электронный ресурс]: [Принято в г. Пекине 22 августа 1995 г.] – URL: <http://ps.fsb.ru/fps/international/agreement/text.htm%21id%3D10320717%40fsbArticle.html>

29. Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]: [Принята в г. Циндао 10 июня 2018 г.] – URL:<http://www.kremlin.ru/supplement/5315>.

30. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: [Принята в г. Шанхае 15 июня 2001 г.] – URL:<https://docs.cntd.ru/document/901812033>.

Диссертации и авторефераты диссертационных работ:

1. Кун, Цяюй. Борьба с международным терроризмом в современном политическом и политологическом дискурсе России, КНР и США : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Кун Цяюй ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2014. – 178 с. – Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет. – Текст: непосредственный.

2. Чашин, В.В. Межгосударственное сотрудничество РФ и КНР в борьбе с международным терроризмом: региональный аспект : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Чашин Виктор Владимирович ; Читинский государственный университет. – Чита, 2008. – 24 с. – Место защиты: Читинский государственный университет. – Текст: непосредственный.

3. Чжэн, Жуньюй. Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом в рамках ШОС : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Чжэн Жуньюй ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2008. – 26

с. – Место защиты: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Текст: непосредственный.

Специальная литература:

1. Авдеев, Ю. И. Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты. Реформирование России: от мифов к реальности. Т. 1. / Под ред. Г. В. Осипова (руководитель), В. К. Левашова, В. В. Локосова. – Москва: ИСПИ РАН, 2001. – 440 с. – Текст : непосредственный.

2. Азизов, У. Б. Конструктивизм в международных отношениях: интерпретация Николаса Онуфа, Фридриха Кратохвила и Александра Вендта / У. Азизов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. – 159 с. – Текст : непосредственный.

3. Алешковский, И. А., Гаспаршвили, А. Т. Глобальные универсальные ценности как основа российско-китайского взаимодействия / И. А. Алешковский, А. Т. Гаспаршвили // Теория и практика российско-китайских отношений : монография / Отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. – Москва : Издательство Проспект, 2022. – С. 65-78. – Текст : непосредственный.

4. Бабурин, С. Н., Дзлиев, М. И., Урсул, А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография / С. Н. Бабурин, М. И. Дзлиев, А. Д. Урсул. – Москва : Магистр: ИНФРМА-М, 2014. – 512 с.– Текст : непосредственный.

5. Баталов, Э. Я. Американская политическая мысль XX века / Э. Я. Баталов – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – 621 с. – Текст : непосредственный.

6. Бауринг, Б. Деградация международного правового порядка? Реабилитация права и возможность политики / Б. Бауринг. – пер. с англ. А. Куманькова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 392 с. – Текст : непосредственный.

7. Берталанфи, фон Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / Общ ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – Москва : Издательство «Прогресс», 1969. – С. 23–82. – Текст : непосредственный.
8. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – пер. с англ. О. Уральской. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.
9. Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России / А. Д. Богатуров. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с. – Текст : непосредственный.
10. Богатуров, А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. / А. Д. Богатуров. – Москва : МОНФ; ИСКРАН, 1996. – 246 с. – Текст : непосредственный.
11. Богатуров, А. Д., Аверков, В. В. История международных отношений. 1945 –2017 / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 560 с. – Текст : непосредственный.
12. Богданов, А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука / Под ред. Г.Д. Гловели. изд. 6-е, испр. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 680 с. – Текст : непосредственный.
13. Бусыгина, И. М., Окунев, И. Ю. Пространственное распределение силы и стратегия государств, или что и как объясняет геополитика / И. М. Бусыгина, И. Ю. Окунев // Политическая география: Современная российская школа: хрестоматия / сост. И. Ю. Окунев, М. Н. Шестакова. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2022. – Текст : непосредственный.
14. Вавилов, Н. Н. Новая эпоха в Китае: антиамериканский курс Си Цзиньпина и разворот национальным интересам страны / Н. Н. Вавилов // De Oriente Extremo / О Дальнем Востоке. Сборник научных трудов /

К. А. Фурсов (ред.). 2-е изд. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2022. – 590 с. – Текст : непосредственный.

15. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн. – пер. с англ., вступ. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. изд. 2-е, испр. – Москва : УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с. – Текст : непосредственный.

16. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789-1914 / И. Валлерстайн. – пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 496 с. – Текст : непосредственный.

17. Ватанабэ, К., Лайн, Р., Тэлбот, С. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза / К. Ватанабэ, Р. Лайн, С. Тэлбот. – пер. с англ. Д. Васильева. – Москва : Московская школа политических исследований, 2007. – 256 с. – Текст : непосредственный.

18. Глазьев, С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия-США-Китай. Семь вариантов обозримого будущего / С. Ю. Глазьев. – Москва: Книжный мир, 2017. – 352 с. – Текст : непосредственный.

19. Горбунов, Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. / Ю. С. Горбунов. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 460 с. – Текст : непосредственный.

20. Гордон, А. В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм – Традиционализм – Глобализм: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. отд. Азии и Африки. – Москва, 2017. – 84 с. – (Сер.: Пробл. общественного развития стран Азии и Африки). – Текст : непосредственный.

21. Грайф, А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / А. Грайф; пер. с англ. И. Кушнаревой; вступит. ст. М. Юдкевич. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с. – Текст : непосредственный.

22. Девятов, А., Мартиросян, М. Китайский прорыв и уроки для России / А. Девятов, М. Мартиросян. – Москва : Вече, 2002. – 400 с. – Текст : непосредственный.

23. Еремеева, С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? / С. А. Еремеева. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 360 с. – Текст : непосредственный.

24. История международных отношений: в трех томах: / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 2-е изд., испр. Т. III: Ялтинско-Потсдамская система. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 552 с. – Текст : непосредственный.

25. Кагарлицкий, Б. Кризис и конфликт / Б. Кагарлицкий // Закат империи США: Кризисы и конфликты, с предисл. Бориса Кагарлицкого. – Москва : МАКС Пресс, 2013. – 250 с. – Текст : непосредственный.

26. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика / Г. Киссинджер // Геополитика: Антология. – Москва : Академический Проспект; Культура, 2006. – 635 с. – Текст : непосредственный.

27. Климин, И. И. Россия и Китай: политические, экономические, гуманитарные и миграционные отношения (1989-2017): монография / И. И. Климин. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. – 336 с. – Текст : непосредственный.

28. Кокошин, А. А. Вопросы прикладной теории войны / А. А. Кокошин; 2-е изд. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 227 с. – Текст : непосредственный.

29. Кокошин, А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк / А. А. Кокошин. – изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2008. – 88 с. – Текст : непосредственный.

30. Кокошин, А. А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной

безопасности / А. А. Кокошин. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 261 с. – Текст : непосредственный.

31. Корень всего зла? Терроризм: религия и политика / Под ред. Л. Андервуда. – пер. с англ. А. М. Морозова. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2021. – 184 с. – Текст : непосредственный.

32. Кревельд, М. Трансформация войны / Мартин ванн Кревельд. – пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд. – Москва : ИРИСЭН, Социум, 2015. – 320 с. – Текст : непосредственный.

33. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 296 с. – Текст : непосредственный.

34. Купер, Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / Р. Купер. – пер. с англ. М. Дадяна. – Москва : Московская школа политических исследований, 2010. – 240 с. – Текст : непосредственный.

35. Ли, В. Китай и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом / В. Ли. – пер. с англ. И. Сиренко. – Москва : Серебряные нити, 2021. – 296 с. – Текст : непосредственный.

36. Литвинов, В. А. Основы национальной безопасности России / В. А. Литвинов. – изд. 2-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 328 с. – Текст : непосредственный.

37. Лузянин, С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира: монография / С. Г. Лузянин. – отв. ред. академик В. С. Мясников, предисл. В. А. Никонова. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2018. – 328 с. – Текст : непосредственный.

38. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; Пер. с нем. И. Д. Газиева; Под ред. Н. А. Головина. – Санкт-Петербург : «Наука», 2007. – 648 с. – Текст : непосредственный.

39. Малган, Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Дж. Малган. – пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. – Москва : Изд.

Института Гайдара, 2011. – 472 с. – Текст : непосредственный.

40. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под общ. ред. А. В. Возженикова. – Москва : Изд-во РАГС, 2005. – 526 с. – Текст : непосредственный.

41. Мизес, фон Л. Либерализм /Людвиг фон Мизес. – пер. с англ. А. В. Куряева. – Москва : Экономика : Социум, 2001. – 239 с. – Текст : непосредственный.

42. Мирошниченко, В. М. Организация управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В. М. Мирошниченко. – Москва : Издательство «Экзамен», 2002. – 256 с. – Текст : непосредственный.

43. Михайлов, А. Е. Проблемы понимания международного терроризма: общетеоретический аспект: монография / А. Е. Михайлов. – Москва : Прометей, 2019. –120 с. – Текст : непосредственный.

44. Моргентау, Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир / Г. Моргентау // Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. Москва : Гардарики, 2002. – С. 72-88. – Текст : непосредственный.

45. Мунтян, М. А. Основы теории международных отношений / М. А. Мунтян. – Москва : Изд-во МАБиУ, 2006. – 270 с. – Текст : непосредственный.

46. Наумов, А. О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия / А.О. Наумов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 2020. – 215 с. – Текст : непосредственный.

47. Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти / С. Джозеф Най (младший). – пер. с англ. В. Н. Верченко. – Москва : АСТ, 2014. – 444 с. – Текст : электронный.

48. Национальная идея России. В 6 т. Т. V / Под ред. Якунина В. И., Сулакшина С. С. и др.– Москва : Научный эксперт, 2012. – 696 с. – Текст : электронный.

49. От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. М. Межуев и др. – под общей редакцией С. С. Сулакина, 2-е изд. – Москва : Научный эксперт, 2006. – 175 с. – Текст : непосредственный.

50. Парсонс, Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – Москва : Академический Проект, 2002. – 832 с. – Текст : непосредственный.

51. Портер, М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер. – пер. с англ. И. Миневрина, 6-е изд. – Москва : Альпина Паблишер, 2016. – 453 с. – Текст : непосредственный.

52. Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. – Москва : МУМЦФМ, 2012. – 189 с. – Текст : электронный. – URL: <https://fedsfm.ru/content/files/documents/2018/%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D1%82%D1%84.pdf>. (дата обращения: 12.11.2020).

53. Сандерс, Д. Международные отношения: неореализм и неолиберализм. Политическая наука: новые направления. / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – Москва : Вече, 1999. – Текст : непосредственный.

54. Сондерс, Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформация и изменения / Г. Г. Сонерс. – пер. с англ. И. В. Поляничевой, под. науч. ред. А. Г. Аксенёнка, И. Д. Звягельской. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 382 с. – Текст : непосредственный.

55. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. – Санкт-Петербург: КАРО, 2011. – 336 с. – Текст : непосредственный.

56. Спикмэн, Н. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. / Н. Спикмэн, К. Шмитт. – пер. с англ. М. Н. Грачева, Ю. Ю. Коринца. – Москва : Родина, 2022. – 224 с. – Текст : непосредственный.

57. Сартори, Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. Сборник статей / Пер с англ., нем., исп., венг., итал. / Составитель Киселева Е.А. – Москва : Политологический центр РАУ, 1992. – с. 122-127. – С.123. – Текст : непосредственный.

58. Терроризм в современном мире / Под ред. А. П. Кошкина. – вып. 5. – Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – 108 с. – Текст : непосредственный.

59. Тешке, Б. Миф о 1648 годе класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – пер. с англ. Д. Кралечкина, 2-е изд. – Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – 416 с. – Текст : непосредственный.

60. Титаренко, М. Л., Петровский, В. Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / М. Л. Титаренко, В. Е. Петровский; Институт Дальнего Востока РАН. – Москва : Весь Мир, 2016. – 304 с. – Текст : непосредственный.

61. Тодд, Э. После империи. PaxAmericana – начало конца / Э. Тодд. – пер. с англ. Е. Н. Корендясовой. – Москва : «Международные отношения», 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.

62. Уткин, А. И. Мировой порядок XXI века / А. И. Уткин. – Москва : Изд-во Эксмо, 2002. – 512 с. – Текст : непосредственный.

63. Фром, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фром; пер. с нем. Э.М. Телятникова. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 624 с. – Текст : непосредственный.

64. Фукуяма, Ф. Угасание государственного порядка /Ф. Фукуяма. – пер. с англ. К. М. Королева. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 704 с. – Текст : непосредственный.
65. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Геополитика: Антология. – Москва : Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 591-628. – Текст : непосредственный.
66. Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Культурная революция, 2006. – 559 с. – Текст : непосредственный.
67. Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер // Геополитика: Антология. – Москва : Академический Проспект; Культура, 2006. – С. 256-324. – Текст : непосредственный.
68. Чернядзева, Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография / Н. А. Чернядзева. – Москва : Проспект, 2019. – 336 с. – Текст : непосредственный.
69. Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг. – пер. с англ., под. ред. Ю. Кузнецова, 2-е изд., испр. – Москва : ИРИСЭН, Социум, 2016. – 367 с. – Текст : непосредственный.
70. Эмануилов, Р. Я., Яшлавский, А. Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие / Р. Я. Эмануилов, А. Э. Яшлавский. – Москва : Мосты культуры, 2011. – 344 с. – Текст : непосредственный.
71. Axelrod, R. The Evolution of Cooperation / R. Axelrod. – New York: Basic Books, 1985. – 241 p. – Текст : непосредственный.
72. Bentli, A. F. The Process of Government. A Study of Social Pressures / A.F. Bentli. –New Brunswick, New Jersey: Transaktion Pablischers, 1995. –502 p. – Текст : непосредственный.
73. Berls, R. E., et al. Rising Nuclear Dangers: Diverging Views of Strategic Stability / ed. by Nuclear Threat Initiative, 2018. – 204 p. – Текст : непосредственный.

74. Bolt, P. J., Cross, S. N. China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics / P. J. Bolt, S. N. Cross. – Oxford University Press, 2018. – 336 p. – Текст : непосредственный.

75. Cronin, A., Ludes, J. M. Sources of Contemporary Terrorism. Attacking terrorism: elements of a grand strategy / A. K. Cronin, J. M. Ludes. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2004. – 320 p. – Текст : непосредственный.

76. Duffield, J. S. International Security Institutions: Rules, Tools, Schools, or Fools / J. S. Duffield. – ed. by R. A. W. Rhodes, S. A. Binder and B. A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. – 676 p. – Текст : непосредственный.

77. Keohane, R. O. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy / R. O. Keohane. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – 290 p. – Текст : непосредственный.

78. Kingdon, J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies / J. W. Kingdon. – 2nd edition. – London: Pearson Education Limited, 2014. – 235 p. – Текст : непосредственный.

79. Maoz, Z., Henderson, E. A. Scriptures, Shrines, Scapegoats, and World Politics: Religious Sources of Conflict and Cooperation in the Modern Era / Z. Maoz, E. A. Henderson. – Michigan: University of Michigan Press, 2020. – 290 p. – Текст : непосредственный.

80. Pavel, B., Engelke, P., Ward, P. Dynamic Stability. US Strategy for a World in Transition / B. Pavel, P. Engelke, P. Ward. – Washington: Atlantic Council, 2015. – 68 p. – Текст : непосредственный.

81. Schoff, J. L., Li, B. A Precarious Triangle: U.S.-China Strategic Stability and Japan / J. L. Schoff, B. Lin. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. – 62 p. – Текст : непосредственный.

82. Wojciechowski, S. Reasons of Contemporary Terrorism: An Analysis of Main Determinants / S. Wojciechowski // Radicalism and Terrorism in the 21st Century: Implications for Security ed. by A. Sroka A., F. C.-

R. Garrone, R. D. T. Kumbrian. – Frankfurt Am Main: Peter Lang AG, 2017. – 315 p. – Текст : непосредственный.

83. Yamamoto, M. M. Terrorism against Democracy / M. M. Yamamoto. – Maryland: Center for International & Security Studies at Maryland, 2017. – 282 p. – Текст : электронный. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep05041.7>. (дата обращения: 15.02.2021).

Публикации периодической печати и научных сборников:

1. Алексеева, Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т. А. Алексеева – Текст : непосредственный // Сравнительная политика. – 2014. – №1 (14). – С. 4-21.

2. Арсеньева, И. И. Российско-китайское приграничье: тенденции и перспективы развития / И. И. Арсеньева – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – №2. – С. 18-27.

3. Бальбек, Р. И. Теоретические подходы к исследованию политической стабильности в условиях изменяющейся реальности / Р. И. Бальбек – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – №4 (т. 13). – С. 134-154.

4. Баранов, А. Ю. Шанхайская организация сотрудничества: долгосрочные перспективы роста / А. Ю. Баранов – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2(16). – С. 150-156.

5. Баталов, Э. Я. Международные отношения как антропологический диалог / Э. Я. Баталов – Текст : непосредственный // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 50-66.

6. Богатуров, А. Д. Понятие глобальных проблем: к методологии интерпретации и анализа / А. Д. Богатуров – Текст : непосредственный // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 148-165.
7. Большаков, А. Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе / А. Г. Большаков – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 90-106.
8. Букреева, Т. Н. Анализ деятельности Китая по развитию международного сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом / Т. Н. Букреева – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 137-150.
9. Букреева, Т. Н. Анализ социально-экономических и этнополитических причин проявления международного терроризма в Китае / Т. Н. Букреева, А. В. Попова – Текст : непосредственный // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 11-2. – С. 37-43.
10. Букреева, Т. Н. Основные направления политического вмешательства США во внутренние дела Китая (на примере Тайваня и Синьцзяна) / Т. Н. Букреева – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 98-113.
11. Букреева, Т. Н. Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом / Т. Н. Букреева – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 57-72.
12. Бураева, Л. А. Зарубежный опыт противодействия экстремизму и терроризму в интернет-пространстве / Л. А. Бураева – Текст :

непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 283-285.

13. Бураева, Л. А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве / Л. А. Бураева – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 131-134.

14. Васильев, Л. Е. Перспективы взаимодействия ШОС с международными региональными организациями в сфере борьбы с терроризмами / Л. Е. Васильев – Текст : непосредственный. // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. – Москва : ИДВ РАН, 2019.

15. Вильсон, В. Наука государственного управления / В. Вильсон – Текст : непосредственный // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – С. 24-43.

16. Виноградов, А. О. К вопросу об отражении взглядов китайских националистов в сегодняшних внешнеполитических построениях КНР 70 лет современному китайскому государству / А. О. Виноградов – Текст : электронный. // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). – Москва : ИДВ РАН, 2019. – 448 с. –URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/408312738.docx> (дата обращения: 09.12.2022).

17. Горбунов, Ю. С. Об определении понятий «Террор» и «Терроризм» / Ю. С. Горбунов. – Текст : электронный // Журнал российского права. – 2010. – №2(158). – С. 31-40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-opredelenii-ponyatiy-terror-i-terrorizm> (дата обращения: 11.12.2022).

18. Гоулдманн, К. Международные отношения: общие проблемы / К. Гоулдманн – Текст : непосредственный // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой, под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е. Б. Шестопал. – Москва : Вече, 1999. – С.387-409.
19. Грибанова, Г. И. БРИКС и формирование нового мирового порядка глазами западных политологов / Г. И. Грибанов – Текст : непосредственный // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 130-140.
20. Григорьев, Н. Ю., Родюков, Э. Б. Современный кибернетический терроризм и его социальные последствия / Н. Ю. Григорьев, Э. Б. Родюков – Текст : непосредственный // Вестник университета. – 2016. – № 5. – С. 227-234.
21. Дадабаева, З. А. Россия – Центральная Азия: динамика межгосударственного сотрудничества (приоритеты, потенциал, перспективы) / З. А. Дадабаева – Текст : непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16-2. – С. 213-218.
22. Дегтерев, А. Х., Дегтерев, Д. А. Теория игр и международные отношения / А. Х. Дегтерев, Д. А. Дегтерев – Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №2. – С. 79-89.
23. Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность: пер. с англ. ИМЭМО им. Н.М. Примакова РАН. – Москва : ИМЭМО РАН, 1998. – 2018-2019. – 752 с. – Текст : непосредственный.
24. Ежегодник СИПРИ 2019: вооружения, разоружение и международная безопасность: пер. с англ. ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – Москва : ИМЭМО РАН, 1998-2019. – 2020. – 893 с. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/SIPRI/SIPRI-2019-rus.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

25. Ерохин, Д. В. Международно-правовые основы противодействия терроризму / Д. В. Ерохин – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 2 (55). – С. 185-190.

26. Ефимов, Н. Стратегическая стабильность в мировой политике: формулы академика Кокошина / Н. Ефимов – Текст : непосредственный // Международная жизнь. – 2014. – № 5. – С. 173-183.

27. Иванов, С. М. Южный Кавказ в региональной геополитике / С. М. Иванов – Текст : электронный // Дипломатическая служба. – 2019. – № 2. – С. 41-52. – URL:https://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2019/Diplomatic_Service_022019_text.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

28. Иванов, В. И., Лубенец, Я. А. Международный терроризм как глобальная проблема в современном мире / В. И. Иванов, Я. А. Лубенец – Текст : непосредственный // Территория науки. – 2014. – № 6. – С. 94-99.

29. Иванов, С. М. Южный Кавказ в региональной геополитике / С. М. Иванов – Текст : электронный // Дипломатическая служба. – 2019. – № 2. – С. 41-52. – URL:https://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2019/Diplomatic_Service_022019_text.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

30. Ионова, Е. Об угрозе терроризма в Центральной Азии / Е. Ионова – Текст : непосредственный // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4 (31). – С.92-113.

31. Кеохейн, Р. Международные отношения: вчера и сегодня /Р. Кеохейн – Текст : непосредственный // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е. Б. Шестопал. – Москва : Вече, 1999. – С.438-450.

32. Клименко, А. Ф. Национальные интересы России в АТР, их соотношения с интересами других акторов в регионе / А. Ф. Клименко –

Текст : непосредственный // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / Сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. – Москва : ИДВ РАН, 2013. – С. 28-55.

33. Коллинз, Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны / Р. Коллинз – Текст : непосредственный // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / Под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 33-60.

34. Коллинз, Р. Современная технология и геополитика / Р. Коллинз – Текст : непосредственный // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / Под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 301-323.

35. Кочетков, А. П. О геополитических угрозах безопасности России в эпоху глобализации / А. П. Кочетков – Текст : непосредственный // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 74-91.

36. Лебедева, М. М. Современные глобальные вызовы: содержание и структура / М. М. Лебедева – Текст : непосредственный // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 299-313.

37. Литвинов, А. И. Шанхайская организация сотрудничества – пятнадцать лет успешной работы / А. И. Литвинов – Текст : непосредственный // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 9. – С. 105-109.

38. Ломанов, А. В. Китайский взгляд на отношения с Россией и США в изменяющемся мире / А. В. Ломанов – Текст : электронный // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – Т.

26. – № 26. – С. 14-30. – DOI 10.24412/2618-6888-2021-26-14-30 (дата обращения: 06.12.2022).

39. Любачев, А. В. Проблемы противодействия терроризму и обеспечения международной безопасности в постсоветской Центральной Азии / А. В. Любачев – Текст : электронный // ПОЛИТЭК. – 2006. – Т.2, № 3. – С. 333–336. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-terrorizmu-i-obespecheniya-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-postsovetской-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 12.05.2021).

40. Макуев, Р. Х. Терроризм в условиях глобализации / Р. Х. Макуев – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2007. – №3. – С. 43-49.

41. Мамычев, А. Ю., Цзоу, Л. Направления совершенствования российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия в XXI веке / А. Ю. Мамычев, Л. Цзоу – Текст : непосредственный // Мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 14-26.

42. Маныкин, А. С., Белоусов, Л. С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире / А. С. Маныкин, Л. С. Белоусов – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 5. – С. 97-117.

43. . Нарышкин, С. Взаимодействие разведок в современном мире: вызовы и угрозы / С. Нарышкин. – Текст : электронный // Международная жизнь. – 2020. – №12. – С. 4-9. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2431> (дата обращения: 28.08.2021).

44. Нечаев, Д. Н., Букреева, Т. Н. Россия и Китай в противодействии терроризму: этапы и направления сотрудничества / Д. Н. Нечаев, Т. Н. Букреева – Текст : непосредственный // Среднерусский Вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 208-225.

45. Никитин, А. И. Мировой порядок уходящий и грядущий /А. И. Никитин – Текст : непосредственный // Мировой порядок – время

перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Изд-во «Аспект пресс», 2019. – 375 с.

46. Пай, Л. Незападный политический процесс /Л. Пай – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 66-85.

47. Пономарев, В. А. Понятие терроризма и его квалификация: философско-правовой аспект. / А. В. Пономарев – Текст : непосредственный // Вестник науки Сибири. – 2015. – №1(16). – С.98-103.

48. Потемкина, О. Антитеррористическая политика Европейского союза / О. Потемкина– Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – №2. – С. 48-58.

49. Рогачев, И. Об итогах международной научно-практической конференции по теме: «Приоритетные задачи международного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму» /И. Рогачев. – Текст : электронный // Международная жизнь. – 2018. – №5. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2012> (дата обращения: 21.07.2021).

50. Савельев, А. Г., Александрия, О. М. Единство средств и расхождение целей / А. Г. Савельев, О. М. Александрия – Текст : электронный // Россия в глобальной политике. – 2022. – № 2 (том 20). – С. 166-182.– URL: <https://globalaffairs.ru/articles/edinstvo-sredstv/> (дата обращения: 17.11.2022).

51. Сафранчук, И. Концепция «Новый Шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» / И. Сафранчук. – Текст : электронный // Международная жизнь. – 2013. – № 7. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/903> (дата обращения: 20.07.2021).

52. Севастьянов, С. В. Усиление влияния Китая в АТР и Евразии как особенность трансформации мирового и регионального порядков / С. В. Севастьянов – Текст : непосредственный // Мировой порядок – время перемен: Сборник статей / Под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 117-130.

53. Симония, Н. А., Торкунов, А. В. Новый мировой порядок: от

биполярности к многополюсности / Н. А. Симония, А. В. Торкунов – Текст : непосредственный // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 243-254.

54. Сухаренко, А. Н. Российско-китайское сотрудничество с борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / А. Н. Сухаренко, Р. С. Иванов – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6, № 2(12). – С. 150-154.

55. Тепляков, О. В. проблему в подходе к вопросу квалификации современного терроризма / О. В. Тепляков. – Текст : электронный // Армия и общество. – 2010. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-v-podhode-k-voprosu-klassifikatsii-sovremennogo-terrorizma> (дата обращения: 25.11.2022).

56. Тикнер, Дж. Э. Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма / Дж. Э. Тикнер – Текст : непосредственный // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопап. – Москва : Вече, 1999. – С. 425-437.

57. Торкунов, А. В. Старые и новые проблемы в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А. В. Торкунов – Текст : непосредственный // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 398–415.

58. Уолц, К. Н. Человек, государство и война: теоретический анализ / К. Н. Уолц – Текст : непосредственный // Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. – Москва : Гардарики, 2002. – С. 93-110.

59. Уянаев, С. В. Структуры ШОС, РИК и БРИКС: возможности и лимиты сетевого взаимодействия / С. В. Уянаев – Текст : непосредственный.

// Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. – Москва : ИДВ РАН, 2019. – С. 17-25.

60. Фань, С. Евразия в эпоху геоэкономических изменений. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности / С. Фань – Текст : непосредственный // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 107-126.

61. Цыганков, П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики / П. А. Цыганков – Текст : непосредственный // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С. 25-40.

62. Чжао, Ц. Взаимодействие Китая и России в рамках Организации Объединенных наций (ООН) на современном этапе / Ц. Чжао – Текст : непосредственный // Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 66-72.

63. Чжэн, И. Российско-китайское сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом / И. Чжэн – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 2. – С. 290–295.

64. Шаклеина, Т. А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке / Т. А. Шаклеина – Текст : непосредственный // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиновой. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 313-324.

65. Шарапов, А. К. Деструктивная направленность доминирующих функций терроризма в геополитическом процессе / А. К. Шарапов – Текст : непосредственный // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23, №9. – С. 123-133.

66. Addison, T., Murshed, S. Transnational Terrorism as a Spillover of Domestic Disputes in Other Countries / T. Addison, S. Murshed – Текст :

непосредственный // Defence and Peace Economics. – 2002. – №16(2). – Pp. 69-82.

67. Arce, D. M. G., Sandler, T. Counterterrorism: A Game-Theoretic Analysis / D. M. G. Arce, T. Sandler – Текст : непосредственный // The Journal of Conflict Resolution. – 2005. – vol. 49, no. 2. – Pp. 183–200.

68. Bruijne, K, Meijnders, M., Heau, L. New dots on the security horizon: Results from the Clingendael Expert Survey / K. Bruijne, M. Meijnders, L. Heau – Текст : электронный // The Hague: Clingendael Institute. – 2017. – 17 p. – Pp.2-4. – URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2017-12/Report_Clingendael_Expert_Survey.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

69. Cai, Cuihong. The Shaping of Strategic Stability by Artificial Intelligence / Cuihong Cai – Текст : электронный // The Impact of Artificial intelligence on strategic stability and nuclear risk. Volume II East Asian Perspectives. / Edited by Lora Saalman, Stockholm International Peace Research Institute, 2019. – Pp. 54-77. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep24532.16> (дата обращения: 11.01.2021).

70. Cunningham, C. P. Counterterrorism in Xinjiang: the ETIM, China, and the Uyghurs / C. P. Cunningham – Текст : электронный // International Journal on World Peace. – 2012. – Vol.29 (3). – Pp. 7-50. – URL: <http://www.jstor.org/stable/24543768> (дата обращения: 24.05.2021).

71. Deutsch, K. W., Singer, J. D. Multipolar Power Systems and International Stability / K. W. Deutsch, J. D. Singer – Текст : электронный // World Politics. – 1964. – Vol.16, No.3. – Pp. 390-406. – URL: <https://doi.org/10.2307/2009578> (дата обращения: 15.02.2021).

72. Deyermond, R. Matrioshka Hegemony? Multi-Levelled Hegemonic Competition and Security in Post-Soviet Central Asia / R. Deyermond – Текст : электронный // Review of International Studies. – 2009. – vol. 35, no. 1. – Pp. 151–173. – URL: <http://www.jstor.org/stable/20542768> (дата обращения: 20.01.2021).

73. Farber, H. S., Gowa, J. Politics and Peace / H. S. Farber, J. Gowa – Текст : непосредственный // International Security. – 1995. – Vol. 20, no. 2. – Pp. 123-146.

74. Gaddis, J. L. The Long Peace: Element of Stability in the Postwar International System / J. L. Gaddis – Текст : электронный // International Security. – 1986. – Vol. 10. N 4. – Pp. 99-142. – URL:<https://doi.org/10.2307/2538951> (дата обращения: 21.02.2021).

75. Gilligan, M. J., Johns, L. Formal Models of International Institutions / M. J. Gilligan, L. Johns – Текст : электронный // The Annual Review of Political Science. – 2012. – Vol.15. – Pp. 221–243. – URL: <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-043010-095828> (дата обращения: 28.02.2021).

76. Jervis, R. Realism, Game Theory, and Cooperation / R. Jervis – Текст : электронный // World Politics. – 1988. – Vol.40,no. 3. – Pp. 317-347. – URL: <https://doi.org/10.2307/2010216> (дата обращения: 23.03.2021).

77. Jervis, R. Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate / R. Jervis – Текст : электронный// International Security. – 1999. –Vol. 24 (1). – Pp. 42-63. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2539347> (дата обращения: 21.02.2021).

78. Kattleman, K. Testing the prisoners' dilemma of counterterrorism: an aggregate analysis of counterterrorist efforts from 2001 to 2010 / K. Kattleman – Текст : электронный // Journal of International Relations and Development. – 2014. – Vol.19. – pp. 1-25. – URL: https://www.researchgate.net/publication/305194266_Testing_the_prisoners'_dilemma_of_counterterrorism_an_aggregate_analysis_of_counterterrorist_efforts_from_2001_to_2010 (дата обращения: 28.08.2021).

79. Krasner, S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables / S. D. Krasner – Текст : электронный // International Organization. – 1982. – vol.36, no.2. – Pp. 185-205. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706520> (дата обращения: 25.03.2021).

80. Lai, B. 'Draining the Swamp': An Empirical Examination of the Production of International Terrorism, 1968-1998 / B. Lai – Текст : электронный // Conflict Management and Peace Science. – 2007. – №24(4). – Pp. 297-310. – URL: <http://www.jstor.org/stable/26275248> (дата обращения: 18.05.2021).

81. Leonie, H., Feldman, S., Capelos, T., Provost, C. The Consequences of Terrorism: Disentangling the Effects of Personal and National Threat / H. Leonie, S. Feldman, T. Capelos, C. Provost – Текст : электронный // Political Psychology. – 2002. – №23(3). – Pp. 485-509. – URL: <http://www.jstor.org/stable/3792589> (дата обращения: 02.03.2021).

82. Li, Quan. Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents / Quan Li – Текст : электронный // Journal of Conflict Resolution. – 2005. – №49(2). – Pp. 278-297. – URL: <http://www.jstor.org/stable/30045112> (дата обращения: 25.02.2021).

83. Maoz, Z. Peace by Empire? Conflict Outcomes and International Stability, 1816-1976 / Z. Maoz – Текст : электронный // Journal of Peace Research. – 1984. – Vol.21, no.3. – Pp. 227-241. – URL: <http://www.jstor.org/stable/424024> (дата обращения: 01.02.2021).

84. McKeown, T. J. Hegemonic Stability Theory and 19th Century Tariff Levels in Europe / T. J. McKeown – Текст : электронный // International Organization. – 1983. – vol.37, no.1. – Pp. 73–91. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706486> (дата обращения: 10.02.2021).

85. Milner, H. International Theories of Cooperation among Nations: Strengths and Weaknesses / H. Milner – Текст : электронный // World Politics. – 1992. – 44(3). – Pp. 466-496. – URL: <https://doi.org/10.2307/2010546> (дата обращения: 15.02.2021).

86. Neumayer, E., Plümper, T. International Terrorism and the Clash of Civilizations / E. Neumayer, T. Plümper – Текст : электронный // British Journal of Political Science. – 2009. – № 39(4). – Pp.711-734. – URL: <http://www.jstor.org/stable/27742769> (дата обращения: 20.09.2021).

87. Price-Smith, A. T. 'Ghosts of Kigali: Infectious Disease and Global Stability at the Turn of the Century' / A. T. Price-Smith – Текст : электронный // International Journal. – vol.54, no.3. – 1999. – Pp. 426–442. – URL: <https://doi.org/10.2307/40203404> (дата обращения: 30.01.2021).
88. Saperstein, A. M. Alliance Building versus Independent Action: A Nonlinear Modeling Approach to Comparative International Stability / A. M. Saperstein – Текст : электронный// The Journal of Conflict Resolution. – 1992. – Vol.36, no.3. –Pp.518–545. – URL: <http://www.jstor.org/stable/174345> (дата обращения: 18.01.2021).
89. Sarwat, R. Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects / R. Sarwat – Текст : электронный // Strategic Studies. – 2017. – Vol.37, no. 4. – Pp. 149-65. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48537577> (дата обращения: 23.05.2021).
90. Sheetz, M. S., Mastanduno, M. Debating the Unipolar Moment / M. S. Sheetz, M. Mastanduno – Текст : электронный // International Security. – 1997. – vol. 22, no. 3. – Pp. 168-174. – URL: <https://doi.org/10.2307/2539361> (дата обращения: 12.01.2021).
91. Stoessinger, J. G. Review of Discord and Collaboration by A. Wolfers / J. G. Stoessinger – Текст : электронный // Naval War College Review. – 1962. – 15(4). – Pp. 451-452. – URL: <http://www.jstor.org/stable/45205384> (дата обращения: 10.02.2021).
92. Waltz, K. N. Structural Realism after the Cold War / K. N. Waltz – Текст : электронный // International Security. – 2000. – vol.25, no.1. – Pp. 5-41. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2626772> (дата обращения: 12.01.2021).
93. Wilkinson, P. Terrorism: the international response / P. Wilkinson – Текст : электронный // The World Today. – 1978. – vol.34(1). – Pp. 5-13. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40395011> (дата обращения: 02.03.2021).

Интернет-ресурсы:

1. Алексеев, А., Московченко, А. Открытый и заинтересованный диалог в интересах мира / А. Алексеев, А. Московченко – Текст : электронный // Красная звезда. – 25.06.2021. – URL: <http://redstar.ru/otkrytyj-i-zainteresovannyj-dialog-v-interesah-mira/> (дата обращения: 21.07.2021).
2. Андрей Денисов встретился со спецпредставителем МИД КНР Чэн Гопином // Посольство России в Китае. – 18.03.2022. – URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/andrey_denisov_vstretilsya_so_spetspredstavitelem_mid_knr_chen_gopinom/ (дата обращения: 20.05.2022).
3. Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4189950 (дата обращения: 09.12.2022).
4. В Китае впервые опубликован список террористов «Восточного Туркестана» // Centrasia. – 16.12.2003. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1071526080> (дата обращения: 05.10.2019).
5. В ФСБ предложили объединить информационные базы данных мира о террористах // РИА Новости. – 28.07.2016. – URL: <https://ria.ru/20160728/1473115405.html> (дата обращения: 21.05.2021).
6. Василий Пискарев: у РФ и Китая схожие позиции по вопросам противодействия терроризму и киберпреступности // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. – 15.04.2021. – URL: <http://duma.gov.ru/news/51261/> (дата обращения: 20.05.2021).
7. Владимир Путин на юбилейной сессии Генассамблеи ООН // РИА Новости. – 28.09.2015. – URL: <https://ria.ru/20150928/1287517730.html> (дата обращения: 25.12.2021).
8. Ведомство ООН по беженцам призвало соседние с Афганистаном страны не закрывать границы // ТАСС. – 13.08.2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12121723> (дата обращения: 16.08.2021).

9. В Москве состоялся 16-ый раунд российско-китайских консультаций по вопросам стратегической безопасности // Совет Безопасности Российской Федерации. – 25.05.2021. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2996/> (дата обращения: 10.06.2022).

10. Генсек ООН назвал главную угрозу глобальной безопасности // Известия. – 16.09.2020. – URL: <https://iz.ru/1061655/2020-09-16/gensek-oon-nazval-glavnuiu-ugrozu-globalnoi-bezopasnosti> (дата обращения: 20.09.2020).

11. Генсек ООН сравнил последствия пандемии с итогами Второй мировой войны // Известия. – 22.09.2020. – URL: <https://iz.ru/1063977/2020-09-22/gensek-oon-sravnil-posledstviia-pandemii-s-itogami-vtoroi-mirovoi-voiny> (дата обращения: 25.09.2020).

12. Двусторонние отношения с Китайской Народной Республикой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://mid.ru/ru/maps/cn/> (дата обращения: 30.05.2022).

13. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 25.04.2022).

14. Загорская, О. Международные учения Вооруженных Сил РФ в 2020 году. Обзор. / О. Загорская. – Текст : электронный // Новый оборонный заказ. Стратегии. – 2021. – №1(66). – URL: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2021-1-66/mezhdunarodnye-ucheniya-vooruzhennyh-sil-rf-v-2020-godu-obzor/> (дата обращения: 26.06.2021).

15. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности // Центральный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества. – 15.06.2022. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=94> (дата обращения: 29.07.2021).

16. Заявление участников XVIII Совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов //

Федеральная служба безопасности Российской Федерации: официальный сайт. – 16.10.2019. – URL:<http://www.fsb.ru/fsb/international/meeting.htm> (дата обращения: 06.04.2021).

17. Информационное сообщение по итогам шестнадцатой Встречи секретарей советов безопасности государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // ШОС: официальный сайт. – 23.06.2021. – URL:<http://rus.sectsco.org/news/20210623/764091.html> (дата обращения: 02.08.2021).

18. Инфофорум-Китай-19 // Infoforum. – URL: <https://old.infoforum.ru/conference/conference/view/id/57> (дата обращения: 25.07.2021).

19. История ПАТС // ПАТС ШОС: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://ecrats.org/ru/news/activity/> (дата обращения: 21.07.2021).

20. История участия российских военнослужащих в миротворческих миссиях (10.02.2020) // TASS. – URL: <https://tass.ru/info/9959301> (дата обращения: 21.07.2021).

21. Климантович, А. Китай и мир в новом походе /А. Климантович – Текст: электронный // Большая Азия. – 10.11.2022. – URL: <https://bigasia.ru/content/news/politics/kitay-i-mir-v-novom-pokhode-smotrite-ocherednoy-vypusk-programmy-novosti-bolshoy-azii/> (дата обращения: 17.11.2022).

22. Контртеррористическое управление ООН. Основные сведения. // ООН: официальный сайт. – URL: Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/background> (дата обращения: 29.07.2021).

23. Контртеррористическое управление ООН. Пресечение передвижения террористов. // ООН: официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/countering-terrorist-travel> (дата обращения: 30.07.2021).

24. Контртеррористического управления ООН. Структура. // ООН: официальный сайт.— URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/office-structure> (дата обращения: 29.07.2021).

25. Коростиков, М. Уйгурский джихад. Власти КНР обвиняют сепаратистов в связях с «Исламским государством» / М. Коростиков – Текст: электронный // Коммерсантъ. – 14.07.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2768223> (дата обращения: 30.09.2019).

26. Картунов, А. Афганистан как стресс-тест для ШОС / А. Картунов – Текст: электронный // Российский совет по международным делам: официальный сайт. – 15.06.2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/> (дата обращения: 20.08.2021).

27. Материалы XVIII Совещания руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств-партнеров ФСБ России // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2020. – №1(23). – С. 5-11. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik_no_1_23.pdf (стр. 10) (дата обращения: 08.05.2021).

28. Минобороны опубликовало документы о секретных лабораториях США на Украине // Новостное агентство Lenta. – 10.03.2022. – URL: https://lenta.ru/news/2022/03/10/bio_ukr/ (дата обращения: 18.11.2022).

29. Мухин, В. Китайский спецназ уже воюет в Сирии / В. Мухин – Текст: электронный // Независимая газета. – 04.12.2017. – URL: http://www.ng.ru/world/2017-12-04/1_7128_siria.html (дата обращения: 20.08.2021).

30. О десятилетней работе Совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств по проблемам борьбы с терроризмом // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2011. – №3(05). – С. 10-13. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/Vestnik_NAK_2011_3.pdf (дата обращения:

06.05.2021).

31. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового поражения // Росфинмониторинг: официальный сайт. – URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/omu-list> (дата обращения: 18.06.2021).

32. Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. // Посольство РФ в Великобритании: официальный сайт. – URL: <https://www.rus.rusemb.org.uk/data/doc/internationalcoderus.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).

33. Портяков, В. Я. Сотрудничество в сфере безопасности между Китаем, Россией и республиками Центральной Азии / В. Я. Портяков – Текст: электронный. – URL: [portyakov-2-2016_jun_ru.pdf](https://ifes-ras.ru/portyakov-2-2016_jun_ru.pdf) (ifes-ras.ru) (дата обращения: 05.08.2021).

34. Портякова, Н. В дружбу, но не в службу: к чему ведет поддержка США протестов в Гонконге/ Н. Портякова – Текст: электронный // Известия. – 15.08.2019. – URL: <https://iz.ru/909782/nataliia-portiakova/v-druzhbu-no-ne-v-sluzhbu-k-chemu-vedet-podderzhka-ssha-protestov-v-gonkonge> (дата обращения: 30.04.2021).

35. Призрак Великого Хорасана. – URL: <https://cezarium.com/khurasan-ghost/> (дата обращения: 04.05.2021).

36. Последние события // Президент России. – URL: kremlin.ru/events/president/news (дата обращения: 29.05.2022).

37. Путин: в Сирии на стороне боевиков сражаются до четырех тысяч выходцев из РФ // TASS. – 23.02.2017. – URL: <https://tass.ru/politika/4047882> (дата обращения: 04.11.2019).

38. Российско-китайский диалог: модель 2020 года // Российский совет по международным делам: официальный сайт. – URL:

<https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

39. Россия и Китай наложили вето на резолюцию СБ ООН о трансграничной помощи Сирии // ТАСС. – 08.07.2020. – URL: <https://tass.ru/politika/8908931> (дата обращения: 21.08.2021).

40. Скорлыгина, Н. Железная дорога пошла в гору. Россия ищет путь в Китай через Алтай / Н. Скорлыгина – Текст: электронный // Коммерсантъ. – 08.04.2021. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4762493> (дата обращения: 20.06.2021).

41. Сотрудничество со странами дальнего зарубежья // Федеральная таможенная служба: официальный сайт. – URL: <http://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/sotrudnichestvo-so-stranami-dal-nego-zarubezh-ya> (дата обращения: 12.01.2021).

42. Столтенберг: НАТО признает Россию угрозой своей безопасности // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20220619/nato-1796516149.html> (дата обращения: 19.11.2022).

43. Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты // Операции ООН по поддержанию мира: официальный сайт. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors>. (дата обращения: 16.05.2022).

44. 2009 Country Reports on Terrorism – China // The UN Refugee Agency. – 05.08.2010. – URL: <https://www.refworld.org/docid/4c63b64fa.html> (дата обращения: 16.10.2020).

45. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures. People's Republic of China. Mutual Evaluation Report April 2019 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/MER-China-2019.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).

46. China National Institute for SCO International Exchange and Judicial

Cooperation. Introduction // SCO official website. – URL: <http://cnisco.shupl.edu.cn> (дата обращения: 16.06.2021).

47. Fan, Y. Support for multilateralism defines China's UN contribution /Y. Fan – Текст: электронный// China Daily. – 28.05.2021. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202105/28/WS60b01868a31024ad0bac1edb.html> (дата обращения: 25.06.2021).

48. FATF Report: Professional Money Laundering July 2018 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/Professional-Money-Laundering.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).

49. Financing of the Terrorist Organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL), February 2015 // FATF: official website. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Financing-of-the-terrorist-organisation-ISIL.pdf> (дата обращения: 29.11.2021).

50. Fragile State Index. – URL:<https://fragilestatesindex.org/indicators/> (дата обращения: 09.01.2021).

51. Hawkins, A. Beijing's Big Brother tech needs African faces / A. Hawkins – Текст: электронный // Foreign Policy. – 24.07.2018. – URL: <https://foreignpolicy.com/2018/07/24/beijings-big-brother-tech-needs-african-faces/> (дата обращения: 19.06.2021).

52. Institute for Economics & Peace. Global Peace Index 2020: Measuring Peace in a Complex World, Sydney, June 2020. – URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf (дата обращения: 02.05.2021).

53. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, June 2020. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-2.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).

54. Kortunov, A. Challenges to International Stability in 2020-2025 / A. Kortunov – Текст: электронный // Russian Council: official website. –

09.01.2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/challenges-to-international-stability-in-2020-2025/> (дата обращения: 25.01.2021).

55. Lipes, J. US Drops ETIM From Terror List, Weakening China's Pretext For Xinjiang Crackdown / J. Lipes – Текст: электронный // Radio Free Asia. – 05.11.2020. – URL: <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/etim-11052020155816.html> (дата обращения: 10.04.2021).

56. Over 2,700 cyber attacks launched against China, Chinese security company 360 found // Global Times. – 04.03.2021. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217364.shtml> (дата обращения: 15.06.2021).

57. Ramzy, A., Buckley, C. The Xinjiang papers. 'Absolutely No Mercy': Leaked Files Expose How China Organized Mass Detentions of Muslims / A. Ramzy, C. Buckley – Текст: электронный // The New York Times. – 16.11.2019. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/11/16/world/asia/china-xinjiang-documents.html> (дата обращения: 20.10.2020).

58. Rollet, Ch. Ecuador's All-Seeing Eye is Made in China / Ch. Rollet – Текст: электронный // Foreign Policy. – 09.08.2018. – URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/09/ecuadors-all-seeing-eye-is-made-in-china/> (дата обращения: 19.06.2021).

59. Speech by Sergei Shoigu, General of the Army, Minister of Defence of the Russian Federation // Beijing Xiangshan Forum: official website. – URL: http://www.xiangshanforum.cn/speakingDetail_EN?code=37C9e9he47D840fh&sessions=%E7%AC%AC%E4%B9%9D%E5%B1%8A%E5%8C%97%E4%BA%AC%E9%A6%99%E5%B1%B1%E8%AE%BA%E5%9D%9B (дата обращения: 21.07.2021).

60. Tanner, M. S., Bellacqua, J. China's Response to Terrorism. / M. S. Tanner, J. Bellacqua – Текст: электронный // CAN, Analysis and Solutions, 2016. – 186 p. – URL:

https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Chinas%20Response%20to%20Terrorism_CNA061616.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

61. Tavsan, S. Uyghurs in Turkey protest against 'genocide' in China's Xinjiang / S. Tavsan – Текст: электронный // Nikkei Asia. – 25.03.2021. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Uyghurs-in-Turkey-protest-against-genocide-in-China-s-Xinjiang> (дата обращения: 10.04.2021).

62. The use of the Internet for terrorist purposes // The UN official website. – URL: https://www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes.pdf (дата обращения: 25.06.2021).

63. UNCCT ANNUAL REPORT 2020 // The UN official website. – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/uncct_annual_report_2020.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

64. Van der Kley D. China's Security Activities in Tajikistan and Afghanistan's Wakhan Corridor / ed. by N. Rolland, Securing the Belt and Road Initiative. National Bureau of Asian Research, 2019. – URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr80_securing_the_belt_and_road_sep2019.pdf (дата обращения: 27.07.2021).

65. Xi tells Russian media he cherishes deep friendship with Putin // Global Times. – 05.06.2019. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1153186.shtml> (дата обращения: 28.06.2021).

Специальная литература и интернет-ресурсы на китайском языке:

1. 第四届台和文明论坛内容集锦(17.12.2020) // 台和文明论坛网站. – URL: <http://titcf.com/Content/2020/12-17/1044089163.html> (дата обращения: 21.07.2021) (на русс.: Главное из работы 4-го Форума цивилизаций «Тайхэ» // Форум цивилизаций «Тайхэ»: официальный сайт).

2. 陈琪、刘丰。中国崛起与世界秩序 / 陈琪、刘丰。 – 北京: 社会科学文献出版社, 2011 年版。 – 656 页。(на русс.: Чэнь Ци, Лю Фэн. Подъем Китая и мировой порядок / Ци Чэнь, Фэн Лю. – Пекин: Изд-во «Шэхуэй кэсюэ гунсянь чубаньшэ», 2011. – 656 с.).

3. 辞海 . URL: <http://cihai123.com/cidian/1084018.html> (дата обращения: 15.11.2022) (Толковый словарь китайского языка «Цыхай», URL: <http://cihai123.com/cidian/1084018.html>).

4. 鄂立志。中俄边境管理合作中存在的问题与对策研究 / 立志鄂 // 西伯利亚研究。 – 2016。 – 43 (1) 。 – 54-57 页。(на русс.: Э Личжи. Исследование мер противодействия и существующих проблем в китайско-российском приграничном сотрудничестве // Siberian Studies. – 2016. – 43(1). – С. 54-57).

5. 范娟宋、李伟。当前国际恐怖主义与反恐态势分析 / 娟宋范、伟李 // 中国人民公安大学学报 (社会科学版) 。 – 2021 年。 – 第 2 期。 – 1-11 页。(на русс.: Фань Цзюаньсун, Ли Вэй. Анализ текущей ситуации в области международного терроризма и борьбы с терроризмом // Чжунго жэньминь гунъань дасюэ сюэбао. – 2021. – 2. – С. 1-11, С. 7).

6. 胡联合。准确把握恐怖主义的基本含义 / 胡联合 // 国际政治研究。 – 2006 年。 – 第 3 期。 – 1-13 页。(на русс.: Ху Ляньхэ. К определению основного значения терроризма // Гоцзи чжэнчжи яньцзю. – 2006. – 3. – С. 1-13).

7. 姜振军。俄罗斯国家安全问题研究: 博士学位论文 / 姜振军; 黑龙江大学。 – 哈尔滨, 2008 年。 – 366 页 – 第 317 页。(на русс.: Цзян Чжэньцзюнь. Исследование вопросов национальной безопасности России: диссертация на соискание ученой степени доктора наук / Цзян Чжэньцзюнь; Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2008. – 366 с.).

8. 姜振军。国家战略对接视阈下中俄合作问题研究 / 姜振军 // 西伯利亚研究。 – 2017 年。 – 44 第 3 期。 – 16-20 页。(на русс.: Цзян

Чжэньцзюнь. Исследование китайско-российского сотрудничества с точки зрения национальных стратегических контактов // Siberian Studies. – 2017. – 44(3). – С. 16-20. С 16).

9. 金灿荣、刘冰若。中国国际秩序观的演变与发展 / 金灿荣、刘冰若 // 《西北师大学报》（社会科学版）。– 2021 年。–第 1 期。URL: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_ttxw/202101/t20210113_5244422.shtml (на русс.: Цзинь Цаньжун, Лю Бинжо. Эволюция и развитие взглядов Китая на мировой порядок / Цаньжун Цзинь, Бинжо Лю // Журнал «Сибэй шидасюэ бао» (Социологические науки). – 2021. – 1).

10. 金灿荣。(13.08.2022)佩洛西窜访台湾，让我们正式启动了国家统一进程。 – URL: https://www.sohu.com/a/575997864_121287511?scm=1102.xchannel:325:100002.0.6.0&spm=smpc.channel_248.block3_308_NDdFbm_1_fd.1.1668867054877TDblzqV_324 (на русс.: Цзинь Цаньжун. Визит Пелоси на Тайвань позволит нам официально начать процесс национального воссоединения) (дата обращения: 19.11.2022).

11. 李德顺。战略稳定性中的相互依赖因素：政治学博士学位论文 / 李德顺；清华大学。–北京，2012 年。–175 页。(на русс.: Ли Дэшунь. Факторы взаимозависимости стратегической стабильности : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Ли Дэшунь; Университет Цинхуа. – Пекин, 2012. – 175 с. – С. 19.

12. 李少军。国际安全警示录 / 李少军。–北京：金城出版社，1997 年版。 – 第 153 页。(на русс.: Ли Сяоцзюнь. Предостережения международной безопасности / Сяоцзюнь Ли. – Пекин: Изд-во «Цзиньчэн чубаньшэ», 1997. – С. 153).

13. 李兴。中美俄新型三角关系评析 / 李兴 // 统一战线学研究。 – 2019 年。 – 第 5 期。 – 54-62 页。(на русс.: Ли Син. Анализ трехсторонних отношений нового типа Китая, США и России // Тунъи чжаньсяньсюэ яньцзю. – 2016. – 153(1). – С. 83-87).

14. 李永全。中俄建交 70 年:探索大国相处之道 / 李永全// 东北亚论坛。 – 2019 年。 –第 5 期。 – 100–115 页。 (на русс.: Ли Юнцюань. 70 лет китайско-российским дипломатическим отношениям: в поисках пути к взаимопониманию великих держав // Дунбэйя луньтань. – 2019. – 5. – С. 100-115).

15. 李昕韡、苏畅。俄罗斯恐怖主义形势及反恐机制建设 / 李昕韡、苏畅// 现代世界警察。 – 2020 年。 – 第 4 期。 – 53-59 页。 (на русс.: Ли Синьвэй, Су Чан. Ситуация с терроризмом в России и построение антитеррористического механизма // Сяньдай шицзе цзинча. – 2020. – 4. – С. 53-59).

16. 刘丰。东亚地区秩序转型：安全与经济关联的视角 / 刘丰//世界经济与政治。 – 2016 年。 –第 5 期。 – 121-154 页。 (на русс.: Лю Фэн. Трансформация восточноазиатского регионального порядка: с точки зрения безопасности и экономических отношений // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. – 2016. – 5. – С. 121-154).

17. 罗新芹(13.07.2015) 土耳其有泛突厥主义情节，很多人不知新疆// 环球网。 – URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJNi5l> (дата обращения: 23.10.2019).(на русс. яз.: Ло Синьцинь. В Турции есть заговор пантюркизма, многие люди не знают Синьцзяна // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики: официальный сайт).

18. 卢光盛、周洪旭。中国与东南亚国家反恐合作的态势、问题及对策 / 卢光盛，周洪旭// 云南师范大学学报。 – 2016 年。 – 48 (6) 。 – 63-72 页。 (на русс.: Лу Гуаншэн, Чжоу Хунсюй. Состояние, проблемы и стратегии антитеррористического сотрудничества между Китаем и странами Юго-Восточной Азии // Вестник Юньнаньского педагогического университета. – 2016. – 48(6). – С. 63-72).

19. 马勇。南亚恐怖主义与反恐合作研究 / 马勇著。 – 北京：时事出版社，2018。 – 275 页。 (на русс.: Ма Юн. Исследование терроризма и

антитеррористического сотрудничества в Южной Азии. – Пекин: Изд-во «Шиши чубаньшэ», 2018. – 275 с.).

20. 曲文轶、崔铮。中国与转型国家在“一带一路”框架下的合作 / 曲文轶、崔铮。 – 北京: 社会科学文献出版社, 2018 年版。 – 263 页。(на русс.: Цюй Вэньи, Цуй Чжэн. Сотрудничество между Китаем и странами с переходной экономикой в рамках «Пояса и пути». – Пекин: Изд-во «Шэхуэй кэсюэ гунсянь чубаньшэ», 2018. – 263 с.).

21. 宋岩(26.09.2019) 王毅出席安理会联合国与区域组织反恐合作公开会 // 中华人民共和国中央人民政府官网。 – URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2019-09/26/content_5433222.htm (дата обращения: 15.01.2020). (на русс. яз.: Сун Янь. Ван И принял участие в открытом заседании Совета Безопасности, посвященном контртеррористическому сотрудничеству между Организацией Объединенных Наций и региональными организациями // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики: официальный сайт).

22. 苏若林。国内危机烈度与冲突对象选择。 / 苏若林// 世界经济与政治。 – 2021 年。 – 第 8 期。 – 5-20 页。(на русс.: Су Жолин. Интенсивность внутреннего кризиса и выбор объектов конфликта // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. – 2021. – 8. – С. 5-20).

23. 外交部发言人耿爽就联合国安理会 1267 委员会通过马苏德列名答记者问 (01.05.2019) // 中华人民共和国外交部。 – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/dhdw_673027/201905/t20190501_5434929.shtml (дата обращения: 20.11.2022). (на русс. яз.: Заявление официального представителя МИД Гэн Шуана о включении Масуда в список Комитета 1267 СБ ООН // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: официальный сайт).

24. 外事日程 // 中华人民共和国外交部。 – URL: http://mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/wsrc_674883/ (дата обращения: 15.05.2022). (на русс.: Календарь зарубежных событий // Министерство иностранных дел

Китайской Народной Республики: официальный сайт).

25. 王欢。上海合作组织框架下的中俄反恐合作研究：硕士学位论文 / 王欢；黑龙江大学。– 哈尔滨，2017 年。– 159 页。(на русс.: Ван Хуань. Исследование китайско-российского антитеррористического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества: диссертация на соискание ученой степени / Ван Хуань; Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2017. – 159 с.).

26. 王逸舟。如何界定恐怖主义/王逸舟//现代国际关系。– 2001 年。– 第 10 期。– 22-24 页。(на русс.: Ван Ичжоу. Как определять терроризм / Ван Ичжоу // Современные международные отношения . – 2001. – 10. – С. 22-24).

27. 韦进深。决策偏好与国家的国际制度行为研究/ 进深韦。– 北京: 世界图书出版有限公司, 2014 年版。– 432 页。(на русс.: Вэй Цзиньшэнь. Исследование избранных стратегий и международного институционального поведения государств / Вэй Цзиньшэнь. – Пекин: Изд-во «Шицзе тушу чубань юсянь гунсы», 2014. – 432 с.).

28. 吴大辉：中俄不允许世界任由某些国家摆布// 清华大学社会科学学院网。– URL: <https://www.sss.tsinghua.edu.cn/info/1074/4659.htm> (дата обращения: 25.11.2022) (на русс. У Дахуэй: Китай и Россия не допустят, чтобы мир оказался во власти отдельных стран // Официальный сайт института общественных наук Университета Цинхуа).

29. 许桂敏、司顺鑫。恐怖主义概念研究/桂敏许，顺鑫司//浙江警察学院学报。–2016 年。–153（1）。–83-87 页。(на русс.: Сю Гуйминь, Сы Шуньсинь. Исследование концепций терроризма // Вестник Чжэцзянского колледжа полиции. – 2016. – 153(1). – С. 83-87).

30. 徐向梅。俄罗斯问题研究 2014-2015 / 向梅徐主编。– 北京: 中央编译出版社, 2016 年版。– 260 页。(на русс.: Сюй Сянмэй. Российские

исследования / отв. ред. Сянмэй Сюй. – Пекин: Изд-во «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2016. – 260 с.).

31. 颜声毅。当代国际关系 / 颜声毅。 – 上海: 复旦大学出版社, 1996 年版。 – 第 344 页。 (на русс.: Янь Шэньи. Современные международные отношения / Янь Шэньи. – Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 1996. – С. 344).

32. 姚臻。关于“恐怖主义”的界定 / 臻姚 // 北京政法职业学院学报。 – 2010 年。 – 70 (2)。 – 74-77 页。 (на русс.: Яо Чжэнь. К вопросу об определении терроризма / Яо Чжэнь // Журнал Пекинского профессионального колледжа политических наук и права. – 2010. – 70(2). – С. 74-77).

33. 阎学通。2019 年开启了世界两极格局 / 阎学通 // 现代国际关系。 – 2020。 – 1。 – 6-8 页。 (на русс. Янь Сюэтун. 2019 год открывает биполярный мир / Сюэтун Янь // Сяньтай гоцзи гуаньси. – 2020. – 1. – С. 6-8).

34. 阎学通、张旗。道义现实主义与中国的崛起战略 / 阎学通、张旗。 – 北京: 中国社会科学出版社, 2018 年版。 – 290 页。 (на русс.: Янь Сюэтун, Чжан Ци. Моральный реализм и восходящая стратегия Китая / Сюэтун Янь, Ци Чжан. – Пекин: Изд-во «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 2018. – 290 с.).

35. 余建华。上海合作组织非传统安全研究 / 建华余。 – 上海: 上海社会科学院出版社, 2009。 – 278 页。 (на русс.: Юй Цзяньхуа. Исследование нетрадиционных угроз безопасности в рамках ШОС – Шанхай: Изд-во «Шанхай шэхуэй кэсюэюань чубаньшэ», 2009. – 278 с.).

36. 张金平。当代恐怖主义与反恐怖策略 / 张金平著。 – 北京: 时事出版社, 2019。 – 192 页。 (на русс.: Чжан Цзиньпин. Современный терроризм и контртеррористическая стратегия. – Пекин: Изд-во «Шиши чубаньшэ», 2019. – 192 с.).

37. 张丽娟。地缘政治视野下中亚民族问题对中国新疆民族关系的影响：政治学博士学位论文 /张丽娟；中央民族大学。—北京，2011 年。— 159 页。(на русс.: Чжан Лицюань. Влияние этнических проблем в Центральной Азии на этнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая с точки зрения геополитики: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Чжан Лицюань; Центральный университет национальностей. — Пекин, 2011. — 159 с.).

38. 赵丽莉。多措并举依法遏制恐怖信息网络传播研究// 当前暴力恐怖活动的发展态势与对策策略/ 曹剑编。—乌鲁木齐：新疆维吾尔自治区法学会出版社，2014 年版。— 570 页。(на русс. Чжао Лили. Исследование по сдерживанию распространения террористической информации в сети путем принятия в соответствии с законодательством комплексных мер // Тенденции развития и меры противодействия современной насильственной террористической деятельности / отв. ред. Цао Цзянь. — Урумчи: Изд-во «Юридическое сообщество Синьцзян-Уйгурского автономного района», 2014. — 579 с.).

39. 朱云汉。笔谈：政治思潮与世界政治变迁 // 世界政治研究 / 田野编。—北京：中国社会科学出版社，2022 年版。— 168 页。(на русс. Чжу Юньхань. Очерк о политических тенденциях и мировых политических изменениях // Исследования мировой политики / отв. ред. Тянь Е. — Пекин: Изд-во «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ», 2022. — 168 с.).

Приложение А

Перечень конвенций и международных протоколов ООН, подписанных КНР и РФ

Название документа	Дата подписания / принятия КНР	Дата подписания / принятия РФ
Протокол, дополняющий конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (2010 г.)	Подписан 30 августа 2010 г.	Подписан 30 августа 2010 г.
Глобальная контртеррористическая стратегия (2006 г.)	Подписана 08.09.2006 г.	Подписана 08.09.2006 г.
Поправка к конвенции о физической защите ядерного материала (Вена, 2005 г.)	Принята 14.09.2009 г.	Принята 22.07.2008 г.
Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (13.04.2005)	Подписана 14.09.2005 г.	Ратифицирована 02.10.2006 г.
Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.)	Подписана 14.11.2001 г.	Ратифицирована 10.07.2002 г.
Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.)	Подписана 27.10.2001 г.	Ратифицирована 13.02.2001 г.
Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991 г.)	Не подписана	Ратифицирована 24.07.2007 г.
Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.)	Подписан 25.10.1988 г.	Ратифицирован 06.03.2001 г.
Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию 1988 года (дополняет Конвенцию от 23.09.1971 г.)	Подписан 24.02.1988 г.	Ратифицирован 20.02.1989 г.
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (10.03.1988 г.)	Подписана 25.10.1988 г.	Ратифицирована 06.03.2001 г.
Конвенция о физической защите ядерного материала (1980 г.)	Принята 10.10.1989 г.	Ратифицирована 04.05.1983 г.
Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.)	Подписана 28.12.1992 г.	Ратифицирована 05.05.1987 г.
Конвенция о предотвращении наказания преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.)	Принята 05.08.1987 г.	Ратифицирована 26.12.1975 г.

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.)	Принята 10.09.1980 г.	Ратифицирована 27.12.1972 г.
Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.)	Вступила в действие 10.09.1980 г.	Ратифицирована 04.08.1971 г.
Конвенция о преступлениях и некоторых актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 г.)	Вступила в действие 12.02.1979 г.	Ратифицирована 04.12.1987 г.

Примечание. Составлено автором на основе информации, взятой с официального сайта Базы данных договоров Китайской Народной Республики <http://treaty.mfa.gov.cn/Treaty/web/index.jsp>

Приложение Б

Основные законодательные документы ШОС и их антитеррористическое содержание

Название документа (подписания)	законодательного ШОС (время)	Антитеррористическая составляющая документа
Декларация организации (15.06.2001 г.)	Шанхайской сотрудничества	Направлена на обеспечение региональной безопасности, реализацию странами-участницами ШОС Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, создание антитеррористического центра ШОС со штаб-квартирой в Бишкеке, планирование дальнейшей разработки соответствующих документов о многостороннем сотрудничестве.
Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15.06.2001)		Определяет терроризм, сепаратизм и экстремизм как угрозу мировому сообществу и международной безопасности, также представляет собой силу, способную нанести урон территориальной целостности государства, влияющей на стабильность стран. Выработка конкретных направлений, методов и принципов борьбы с «тремя силами зла».
Хартия Шанхайской организации сотрудничества (07.06.2002)		Создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС)
Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС) (07.06.2002)		Определяются задачи и функции РАТС, кадровый состав, статус участников, размеров взносов и т.д.
Соглашение о базе данных РАТС (17.06.2004)		Информация о проявлениях международного терроризма и сепаратизма, о террористических и экстремистских организациях, их структуре, лидерах и членах, источниках и каналах финансирования, особенностях проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма в разных странах и регионах, информация о неправительственных организациях и частных лицах, поддерживающих терроризм, сепаратизм и экстремизм.
Концепция сотрудничества стран-участниц ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (05.07.2005)		Определены основные цели, принципы, направления и методы сотрудничества и механизмы реализации совместной борьбы с терроризмом.
Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (05.07.2005)		Утверждение концепции сотрудничества стран участниц ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; намечен алгоритм взаимодействия при проведении действий по ликвидации материальной базы террористов.

Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007-2009 годы (15.06.2006)	Определены антитеррористические задачи ШОС на данном этапе, основные направления, источник финансирования и вопросы координации проектов.
Соглашение о проведении совместных военных учений (27.07.2007)	Определяет порядок принятия решения и согласования вопросов, связанных с организацией и участием в совместных военных учениях.
Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств - членов ШОС (16.08.2007)	Страны-участницы ШОС ведут совместную деятельность по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотических средств, торговле оружием, нелегальной иммиграции и другой транснациональной преступной деятельности. Укрепление межгосударственного сотрудничества в розыске, задержании, экстрадиции и выдаче лиц подозреваемых и причастных к террористической и подобной деятельности.
Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами – членами ШОС (28.08.2008)	Определяет цели, задачи и порядок взаимодействия соответствующих органов и служб безопасности государств-членов ШОС для организации и проведения совместных антитеррористических учений; определяются права и обязанности участников антитеррористических учений, гарантийные меры обеспечения безопасности проводимых антитеррористических учений.
Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств - членов ШОС (16.06.2009)	Создание правовых основ для подготовки кадров по овладению современными тактическими приемами проведения специальных антитеррористических мероприятий; повышение военного потенциала антитеррористических органов и служб; обмен опытом между участниками соглашения
Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (16.06.2009)	Даются определения терминам «терроризм», «террористический акт», «террористическая организация»; определяется ответственность за участие в террористической деятельности; обозначены меры по противодействию финансированию терроризма; реализуется взаимный обмен информацией.
Программа сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013-2015 годы (06.06.2012)	Определяется следующий этап развития антитеррористического сотрудничества между государствами-членами ШОС; планирование противодействия использованию информационных технологий в целях подрыва национальной безопасности; дальнейшее усиление антитеррористической борьбы.

Стратегия развития ШОС до 2025 года (10.07.2015)	Приоритетными направлениями антитеррористической борьбы определены: взаимодействие государств-членов ШОС в противодействии международным террористическим организациям, осуществление деятельности по профилактике национализма, экстремизма, ксенофобии и этнической нетерпимости особенно среди молодежи, борьба с трансграничной преступностью.
Программа сотрудничества в борьбе с терроризмом и сепаратизмом на 2016–2018 гг.	Усиление борьбы с наркоторговлей как одним из основных источников финансирования террористических группировок.
Программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 годы (16.09.2016)	Дальнейшее совершенствование сотрудничества государств-членов ШОС в противодействии указанным угрозам, расширение взаимодействия с международными организациями, информационное обеспечение сотрудничества в области борьбы с терроризмом.
Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2019-2021 годы	Определены дальнейшие пути сотрудничества по противодействию «трем злам» (в т.ч. вопросы противодействия международному терроризму, вербовке террористическими организациями в местах лишения свободы на территории стран-членов ШОС).

Приложение В

Список организаций, зарегистрированных в Китае, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового уничтожения (внесены в список Росфинмониторингом 07.11.2018, составлен в соответствии с резолюцией 1718 (2006) СБ ООН)

№ п/п	Название организации (в том числе на иностранных языках)	Адрес организации	Информация об организации в соответствии со сведениями, содержащимися в перечнях, составленных СБ ООН
1	ЧанАнь Шиппингэнд Текнолоджи / CHANG AN SHIPPING & TECHNOLOGY / 長安 海連技術有限公司	Room 2105, DL1849, Trend Centre, 29-31 Cheung Lee Street, Chai Wan, Hong Kong (Китай)	Зарегистрированный владелец, судовой и коммерческий эксплуатант плавающего под панамским флагом грузового судна HUA FU, на которое 24 сентября 2017 г. в Наджине (КНДР) был загружен уголь из КНДР.
2	ХуасиньШиппинг Гонконг Лтд / HUAXIN SHIPPING HONGKONG LTD / 華 信船務(香港)有限公司	Room 2105, Trend Centre, 29-31 Chueng Lee Street, Chai Wan, Hong Kong (Китай)	Судовой и коммерческий эксплуатант судна ASIABRIDGE-1 получило от компании «Хуасинь Шиппинг» указание подготовиться к входу в Нампхо (КНДР) для получения партии угля, предназначенной для поставки в Камфа (Вьетнам). На время нахождения в порту Нампхо капитану судна было дано указание закрыть брезентом его название и другие опознавательные знаки.
3	Шанхай ДунфэнШиппинг Ко Лтд / SHANGHAI DONGFENG SHIPPING CO LTD	Room 601, 433, Chifeng Lu, Hongkou Qu, Shanghai, 200083 (Китай)	Зарегистрированный владелец, судовой и коммерческий эксплуатант судна DONGFENG-6, на которое в нарушение санкций ООН 11 июля 2017 г. в Хамхуне (КНДР) был загружен уголь для экспорта.
4	Шэньчжун Интернэшнл Шиппинг / SHEN ZHONG INTERNATIONAL SHIPPING / 沈忠國際海 運有限公司	Unit 503, 5th Floor, Silvercord Tower 2, 30, Canton Road, TsimShaTsui, Kowloon, Hong Kong (Китай)	Судовой и коммерческий эксплуатант плавающих под флагом Сент-Китса и Невиса судов HAOFAN-2 и HAOFAN-6, на которые 3 июня 2017 г. и 27 августа 2017 г. соответственно в Нампхо (КНДР) был загружен уголь.
5	ВэйхайУорлд- ШиппингФрейт / WEIHAI WORLD- SHIPPING FREIGHT	419-201, Tongyi Lu, Huancui Qu, Weihai, Shandong, 264200 (Китай)	Судовой и коммерческий эксплуатант судна XINGUANGHAI, на которое 27 октября 2017 г. в Тэане (КНДР) был загружен уголь. 14 ноября 2017 г. судно должно было прибыть в Камфа (Вьетнам), но не прибыло.

Приложение Г

Сфера (область) сотрудничества в борьбе с терроризмом	Структура от РФ, реализующая сотрудничество в рамках документа	Структура от КНР, реализующая сотрудничество в рамках документа	Правовой документ
Общие вопросы сотрудничества в борьбе с терроризмом	Министерство иностранных дел РФ	Министерство иностранных дел КНР	Межгосударственный договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (статья 20) (16.07.2001)
Взаимодействие по вопросам информационной безопасности	Роскомнадзор РФ	Государственная канцелярия КНР по делам интернет-информации	Межправительственное соглашение об обеспечении международной информационной безопасности (08.05.2015)
Обмен оперативной информацией	Федеральная служба безопасности РФ	Министерство общественной безопасности КНР	Межгосударственное соглашение между РФ и КНР о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (27.09.2010)
Финансирование терроризма	Федеральная служба по финансовому мониторингу РФ	Народный банк Китая (НБК)	Соглашение между Росфинмониторингом и НБК (21.03.2006)
Сомнительные финансовые операции участников ВЭД	Федеральная таможенная служба России	Главное таможенное управление Китая	Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (03.09.1994)
Общие вопросы сотрудничества, в т.ч. между правоохранительными органами по противодействию терроризму	Комитет Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции	Постоянный Комитет Всекитайского собрания народных представителей	Межгосударственное соглашение между РФ и КНР о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (27.09.2010)
Выявление и пресечение террористических актов, незаконного обращения наркотических средств, оружия и т.д.	Министерство внутренних дел Российской Федерации	Министерство общественной безопасности Китайской Народной Республики	Межведомственное соглашение о сотрудничестве (28.11.2001)

Приложение Д

Анкета для определения значений коэффициентов модели теории игр посредством метода Черчмена-Акоффа

Уважаемый эксперт, предлагаем Вам определить количественные значения следующих величин (показателей):

— V – общественные выгоды от превентивных мер (упреждение) (в игре составляют 4);

— c – частные издержки от превентивных (упреждающих) мер (в игре составляют 6);

— C – публичные издержки от сдерживания (4);

— b – частные выгоды от сдерживания (6).

Предварительно оцените, пожалуйста, правильное неравенство:

$$V > c; c < V; c = V.$$

Определите количественные значения V , b , C , c исходя из результатов ранжирования

1.		
2.		
3.		
4.		
5.		
6.		
7.		
8.		
9.		
10.		

Приложение Е

Значимые российско-китайские контакты в период с января 2021 г. по июнь 2022 г.

Дата \ Место	Уровень	С российской стороны \ официальный представитель	С китайской стороны \ официальный представитель	Цель встречи (мероприятия)	Примечание (итоги переговоров, совместные заявления, подписание соглашений и т.д.)
24.06. 2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Сотрудничество России и Китая на площадке ООН	Обоюдный настрой на дальнейшее укрепление двусторонней координации на ооновском направлении.
23-24.06. 2022	Многосторонний в рамках XIV саммита БРИКС (видео-конференция)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Укрепление высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития	Пекинская декларация XIV саммита БРИКС
15.06. 2022	Двусторонний, (телефонный разговор)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Ситуация на Донбассе и Украине	Построение многополярной системы международных отношений, правомерность защиты Россией своих национальных интересов в условиях угроз, формируемых внешними силами.
15.06. 2022	Многосторонний 12-я встреча высоких представителей БРИКС по вопросам безопасности (видео-конференция)	Секретарь Совета безопасности Н. Патрушев	Глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи	Противодействие терроризму и распространению наркотиков	Достижение консенсуса по вопросам укрепления мультилатерализма, глобального управления, противодействию новым угрозам и вызовам национальной безопасности.
04.06. 2022	Двусторонний	Специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель Министра иностранных дел России М.Л. Богданов	Директор Департамента Западной Азии и Северной Африки МИД КНР Ван Ди	Обсуждение вопросов ближневосточной повестки дня с акцентом на развитие обстановки в Сирии, Йемене, Ливии, Судане, а также в зоне палестино-израильского конфликта.	Обоюдный настрой на продолжение практики регулярного проведения российско-китайских контактов по представляющим взаимный интерес вопросам ближневосточной проблематики в интересах укрепления мира и стабильности на Ближнем Востоке и Севере Африки.
19.05. 2022	Многосторонняя, встреча министров иностранных дел стран БРИКС (видео-конференция)	Министр иностранных дел С. В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Актуальные вопросы в области безопасности, в т.ч. ситуация на Украине и в Афганистане.	Укрепление всестороннего сотрудничества, перспективы расширения БРИКС.
18.05. 2022 Москва	Двусторонний	Министр иностранных дел С. В. Лавров	Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин	Укрепление роли ШОС в мире, сотрудничество организации с ООН, СНГ, ОДКБ, АСЕАН и ЕАЭС с целью обеспечения безопасности и стабильности	
12.04. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Отмечена важность дальнейшего наращивания	

				практического взаимодействия и координации усилий наших стран на международной арене в условиях нестабильной внешнеполитической обстановки.	
08.04. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России С.А. Рябков	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Актуальные вопросы взаимодействия в БРИКС в 2022 году	
30-31.03. 2022 Тунси	Многосторонний «на полях» 3-ей конференции министров иностранных дел стран-соседей Афганистана	Министр иностранных дел С. В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Ситуация вокруг Украины, тема глобальной и региональной повестки дня, включая текущее положение дел в Афганистане, Центральной Азии.	Укрепление стратегического партнерства, выступать в мировых делах с единых позиций. Условлено и далее наращивать внешнеполитическую координацию, расширять взаимодействие на двустороннем треке и в различных многосторонних форматах.
24.03. 2022	Двусторонний	Ректор Дипломатической академии МИД России А.В. Яковенко	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Актуальные проблемы международных отношений, подготовка аналитических материалов, расширяющих сотрудничества России и Китая.	
21.03. 2022	Двусторонний	Заместители Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин и А.Ю. Руденко	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Внешнесполитическая повестка дня с акцентом на ситуацию вокруг Украины, а также взаимодействие на международных площадках.	
21.03. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.А. Рябков	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Актуальные темы внешнеполитической повестки дня, в т.ч. военно-биологическая деятельность США на территории Украины.	
18.03. 2022 Пекин	Двусторонний	Посол России в Китае А. Денисов	Специальный представитель МИД КНР по вопросам внешней безопасности Чэн Гопин	Вопросы двустороннего сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и противодействия терроризму в рамках имеющихся механизмов	
17.03. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Взаимодействие России и Китая на международных площадках.	
10.03. 2022	Двусторонний (видео-конференция)	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Заместитель Министра иностранных дел КНР Ма Чжаосюй.	Проблематика российско-китайского взаимодействия в Генеральной Ассамблее ООН, Совете ООН по правам человека, в рамках БРИКС.	Близость позиций России и Китая по глобальным вопросам современности, дальнейшее поддержание тесного двустороннего сотрудничества.

07.03. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Текущие вопросы взаимодействия	
05.03. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России А.Ю. Руденко	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Обмен мнениями по ситуации вокруг Украины, договоренности об эвакуации граждан КНР из зоны боевых действий.	Поддержание тесных рабочих контактов по текущим вопросам.
01.03. 2022	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Текущие вопросы российско-китайского стратегического взаимодействия, обсуждение договоренностей, достигнутых лидерами двух стран в Пекине 04.02.2022.	Дальнейшая координация деятельности двух стран на мировой арене.
25.02. 2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Признание Россией ДНР и ЛНР, причины начала специальной военной операции на Украине.	Обоюдная готовность взаимной поддержки в ООН и других международных площадках; осуждение односторонних нелегитимных санкций.
24.02. 2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Признание Россией независимости ДНР и ЛНР, обмен мнениями о ситуации на востоке Украины.	Единство позиции в отношении роли США и их союзников в отказе украинских властей от реализации «минских договоренностей».
19.02. 2022 Нью-Йорк	Многосторонний встреча с постоянными представителями Венесуэлы, Китая и Сирии	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Постоянный представитель КНР при ООН Чжан Цзюнь	Укрепление взаимодействия трех стран на международных площадках и в рамках в рамках Группы друзей в защиту Устава (ГДУ) ООН	Защита принципов и Устава ООН, актуализаций усилий по противодействию односторонним мерам, вводимых в обход Совета Безопасности ООН.
18.02. 2022 Нью-Йорк	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	С главами миссий постоянных членов Совбеза ООН	Ситуация в Афганистане, Йемене, Сирии, Сахаро-Сахельском регионе, а также ситуации вокруг Украины.	Наращивание взаимодействия при реагировании на возникающие вызовы и угрозы международному миру и безопасности рамках «пятерки».
14.02. 2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Ситуация на Корейском полуострове	Дальнейшее развитие российско-китайского взаимодействия в интересах комплексного политико-дипломатического урегулирования проблем на основе совместных инициатив.
04.02. 2022 Пекин	Двусторонний	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Двусторонняя повестка, в т.ч. военно-техническое сотрудничество	Обнародовано совместное заявление РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии; принят пакет из 16 межправительственных, межведомственных и коммерческих документов.

03.02. 2022 Пекин	Двусторонний	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Обсуждение глобальных и региональных проблем, включая ситуацию в Афганистане, на Корейском полуострове и в целом в АТР с акцентом на деятельность США по созданию блоковых структур и объединений.	Подписан План российско-китайских межмидовских консультаций на 2022 год
03.02. 2022	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Российско-китайское взаимодействие на площадке ООН (подготовка к 49-й сессии Совета ООН по правам человека)	
10.01. 2022	Двусторонний (телефонные переговоры)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Итоги двустороннего взаимодействия в 2021 году, текущая ситуация в Казахстане.	Поддержка усилий казахстанского руководства по восстановлению конституционного порядка в стране; решено продолжать тесные контакты и обмен мнениями по вопросам глобальной и региональной стабильности.
28.12. 2021	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Взаимодействие России и Китая на площадках ООН	Обозначено совпадение подходов России и Китая к принципам деятельности ООН, укрепление двустороннего стратегического взаимодействия.
20.12. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Ситуация на Корейском полуострове	Дальнейшее развитие российско-китайского взаимодействия в интересах комплексного политико-дипломатического урегулирования проблем на основе совместных инициатив.
15.12. 2021	Двусторонний (видео-конференция)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Активность США в АТР, деятельность альянсов AUKUS и Quad как дестабилизирующего фактора в регионе.	
02.12. 2021	Двусторонний (видео-конференция)	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Первый заместитель Министра иностранных дел КНР Лэ Юйчэн	Текущая оценка российско-китайских отношений и взаимодействия в условиях пандемии; взаимодействие в рамках ШОС и создание Большого Евразийского партнерства.	
30.11. 2021	Двусторонний (видео-конференция)	Председатель Правительства РФ М. Мишустин	Премьер-министр КНР Ли Кэцян	Вопросы всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая.	Совместное коммюнике

26.11. 2021	Трехсторонний, встреча глав МИД России, Китая и Индии (видео-конференция)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Глобальные и региональные проблемы, борьба с пандемией, мультилатерализм.	Дальнейшее укрепление трехстороннего взаимодействия с целью противодействия глобальным угрозам
25.11. 2021	Многосторонний, «на полях» 20-го заседания Совета глав правительств ШОС (Россия, Китай, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан и др.) (видео-конференция)	Председатель Правительства РФ М. Мишустин	Премьер-министр КНР Ли Кэцян	Актуальные вопросы мирового и регионального развития, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества в рамках организации.	Утвержден отчет Секретариата ШОС о мероприятиях и заседаниях, проведенных в рамках реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС.
23.11 2021	Двусторонний (7-ое заседание Межпарламентской комиссии России и Китая) (видео-конференция)	Межпарламентская комиссия по сотрудничеству Федерального Собрания РФ во главе с председателем Совета Федерации В. Матвиенко	Всекитайское собрание народных представителей КНР во главе с председателем Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Чжаньшу	Работа Межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая	
30.10. 2021 Рим	Многосторонний (в рамках G20)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Обсуждение перспектив взаимодействия России и Китая в рамках «Группы 20», региональные и международные проблемы, в т.ч. по проблематике Афганистана и обстановки в АТР.	Осуждение навязывания единых стандартов западной демократии, деление государств на «правильные» и «неправильные» демократии, вмешательство во внутренние дела независимых государств. Углубление двустороннего внешнеполитического взаимодействия.
27.10. 2021 Тегеран	Многосторонний встреча премьер министров шести стран-соседей Афганистана (Иран, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Пакистан, Китай).	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Ситуация в Афганистане, решение вопросов достижения мира, стабильности и национального примирения.	
18.10. 2021	Многосторонний встреча с постоянными представителями Китая, Великобритании, США и Франции.	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Текущие вопросы двустороннего взаимодействия в рамках ООН; обсуждение «Глобальной инициативы в области развития», выдвинутой Си Цзиньпином.	Высокий уровень внешнеполитической координации между Россией и Китаем.
13.10. 2021	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Наращивание двустороннего гуманитарного сотрудничества в условиях противоэпидемических мер; ситуация вокруг Афганистана.	
12.10. 2021	Многосторонний, чрезвычайный саммит G20 по Афганистану (видео-конференция)	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов и спецпредставитель президента по Афганистану	Министр иностранных дел Ван И	Гуманитарная помощь афганскому населению, борьба с терроризмом, передвижение внутри страны и	

		З. Кабулов.		открытые границы.	
07.10. 2021	Многосторонний, «на полях» заседания Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН	Постоянный представитель РФ при ООН	Заместитель постоянного представителя КНР при ООН Гэн Шуан	Военная биологическая активность США и их союзников за пределами своей территории	Совместное российско-китайское заявление о необходимости укрепления Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО), предложение о декларировании информации о военно-биологической деятельности государств-участников КБТО за рубежом.
07.10. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Ситуация на Корейском полуострове	Дальнейшее развитие комплексного политико-дипломатического урегулирования проблем Северо-Восточной Азии российско-китайского взаимодействия в интересах на основе совместных инициатив.
22.09. 2021 Кабул	Многосторонний (Россия, Китай, Пакистан, Афганистан)	Спецпредставитель Президента России З.Н. Кабулов	Спецпредставитель МИД КНР Юэ Сяюан	Политические изменения в Афганистане, развитие экономических и гуманитарных связей, инклюзивность правительства, поддержка борьбы с терроризмом и наркотрафиком	Договоренности о поддержании конструктивного сотрудничества с целью развития Афганистана и обеспечения стабильности в регионе
17.09. 2021 Душанбе	Многосторонний (юбилейный саммит ШОС)	Президент РФ В.В. Путин (онлайн)	Председатель КНР Си Цзиньпин (онлайн)	Разрешения кризиса, вызванного пандемией, согласование позиции по Афганистану	Подписано совместное заявление и пакет из 30 документов, среди которых «О совершенствовании механизмов противодействия вызовам и угрозам безопасности»
16.09. 2021 Душанбе	Многосторонний «на полях» СГГ ШОС (Россия, Китай, Пакистан, Иран)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	Афганский вопрос	Совместное заявление как подтверждение единства позиции по достижения перемирия в Афганистане
10.09. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Ситуация на Корейском полуострове	Развитие комплексного политико-дипломатического урегулирования проблем Северо-Восточной Азии российско-китайского взаимодействия на основе совместных инициатив
09.09. 2021	Многосторонний (XIII саммит БРИКС) (видео-конференция)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Политика и безопасность, в т.ч. противодействие терроризму, экономика и финансы, культурные и гуманитарные обмены	Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС
08.09. 2021	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел РФ А.Ю. Руденко	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Проблематика центральноазиатского региона на фоне афганских событий	Наращивание двустороннего внешнеполитического взаимодействия

02.09. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностраннх дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Российско-китайское взаимодействие на площадке ООН (подготовка к 48-й сессии Совета ООН по правам человека).	
25.08 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	Ситуация в Афганистане, борьба с терроризмом и наркотрафиком.	
24.08. 2021	Многосторонний 11- я встреча высоких представителей БРИКС по вопросам безопасности (видео- конференция)	Секретарь Совета безопасности Н. Патрушев	Глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностраннх делам Ян Цзечи	Вызовы и угрозы глобальной, региональной и национальной безопасности на сотрудничество между правоохранительным и органами, борьба с терроризмом и кибербезопасность.	Утвержден план действий стран БРИКС по борьбе с терроризмом.
18.08. 2021 Пекин	Двусторонний	Посол России в КНР А. Денисов	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Вопросы ядерной проблемы Корейского полуострова	
16.08. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностраннх дел Ван И	Важность двустороннего взаимодействия в рамках Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем	Договоренность о проведении совместных мероприятий, посвященных борьбе с нацизмом и милитаризмом
03.08. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Спецпредставитель Министра иностраннх дел РФ по ближневосточному регулированию (БВУ) В.К. Сафронков	Специальный посланник Правительства КНР по Ближнему Востоку Чжай Цзюнь	Палестино- израильский кризис	Осуществлять совместную координацию усилий по созданию благоприятных условий для возобновления переговорного процесса
15.07. 2021 Ташкент	Двусторонний «на полях» международной конференции высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность: вызовы и возможности»	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностраннх дел Ван И	Вопросы глобальной и региональной проблематики: международная информационная безопасность, ситуация в Центральной Азии, Афганистане и АТР.	Содействие урегулированию афганского вопроса по линии Контактной группы «ШОС– Афганистан», дальнейшая взаимная координация на площадках
28.06. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Президент РФ В.В. Путин	Председатель КНР Си Цзиньпин	20-летие подписания российско- китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.	Совместное заявление
07.06. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностраннх дел России И.В. Моргулов	Специальный представитель Правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин	Ситуация на Корейском полуострове	Дальнейшее развитие российско-китайского взаимодействия в интересах комплексного политико- дипломатического урегулирования проблем на основе совместных инициатив.
04.06. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностраннх дел Ван И	Текущее состояние российско-китайских отношений в сложных санитарно- эпидемиологических условиях	Совместными усилиями противостоять угрозами вызовам, направленным против России и Китая

01.06. 2021	Многосторонний, «на полях» СМИД БРИКС (видео- конференция)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностраннх дел Ван И	Вопросы террористической угрозы, международная информационная безопасность, взаимодействие на площадках ООН, ВОЗ, ЮНКТАД, ВТО.	Совместное коммюнике с акцентом на укрепление многосторонних начал в международном сотрудничестве.
25.05. 2021 Москва	Двусторонний, 16-ый раунд российско- китайских консультаций по вопросам стратегической безопасности	Секретарь Совета безопасности Н. Патрушев	Глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностраннх делам Ян Цзечи	Актуальные вопросы российско- китайского взаимодействия, проблематика международной и региональной безопасности, афганский вопрос,	Готовность к дальнейшему наращиванию двусторонних отношений, защите на всех уровнях безопасности, отстаиванию справедливого миропорядка при главенствующей роли ООН.
21.05. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель Министра иностраннх дел России М.Л. Богданов	Специальный посланник Правительства КНР по Ближнему Востоку Чжай Цзюнь	Палестино- израильский кризис	Осуществлять совместную координацию усилий по ближневосточному регулированию в рамках двустороннего взаимодействия и в формате БРИКС
14.05. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностраннх дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Российско-китайское взаимодействие на площадке ВОЗ (подготовка к 74-ой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения) и Совета ООН по правам человека	
30.04. 2021 Доха	Многосторонний в рамках расширенной «тройки» (Россия, Китай, США, Пакистан) по мирному урегулированию в Афганистане	Спецпредставитель Президента России по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД З.Н. Кабулов	Спецпредставитель МИД КНР	Урегулирование ситуации в Афганистане	Совместное заявление по продвижению переговоров с целью заключения межафганского мирного соглашения.
29.04. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностраннх дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Взаимодействие на площадке ООН	Плотная координация процесса взаимодействия
28.04. 2021	Многосторонний, в рамках первого семинара Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) (видео- конференция)	Межведомственная делегация	Межведомственная делегация	Противодействие использованию информационно- коммуникационных технологий (ИКТ) в преступных целях	
13.04. 2021	Двусторонний	Заместитель Министра иностраннх дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Взаимодействие России и Китая в рамках ООН	Плотная координация процесса взаимодействия
02.04. 2021	Двусторонний	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Текущие вопросы двустороннего взаимодействия	
22-23.03 2021 Гуйлинь	Двусторонний	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностраннх дел Ван И	Взаимодействие в условиях пандемии, актуальные проблемы международных отношений, подготовка двусторонних контактов на высшем и высоком уровнях.	Совместное заявление по вопросам глобального управления в современных условиях, подписан план российско-китайских межмидовских консультаций на 2021 год.
18.03. 2021	Многосторонний в рамках	Спецпредставитель Президента России по	Спецпредставитель МИД КНР	Урегулирование ситуации в	Совместное заявление по продвижению

Москва	расширенной «тройки» (Россия, Китай, США, Пакистан) по мирному урегулированию в Афганистане	Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД З.Н. Кабулов		Афганистане	переговоров с целью формировании инклюзивной власти с участием Движения «Талибан» (запрещено в России).
16.03. 2021	Многосторонний (первая встреча руководителей Дипломатических академий стран БРИКС) (онлайн)	Ректора Дипломатической академии МИД России А.В. Яковенко	Спецпредставитель МИД КНР	Подготовка дипломатических кадров, проблемы глобальной безопасности, консолидация усилий по противостоянию пандемии	
03.03. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Российско-китайское взаимодействие на площадке ООН (46-ая сессия Совета ООН по правам человека)	
24.02. 2021	Двусторонний	Спецпредставитель Министра иностранных дел РФ по БВУ В.К. Сафронков	Советник-посланник Посольства КНР в Москве Су Фанцю	Палестинская проблема	Обоюдный настрой на продолжение сотрудничества по продвижению мирного процесса на Ближнем Востоке
05.02. 2021	Двусторонний	Заместитель Министра иностранных дел России И.В. Моргулов	Помощник Министра иностранных дел КНР У Цзянхао.	Ситуация вокруг Корейского полуострова	
04.02. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Министр иностранных дел С.В. Лавров	Министр иностранных дел Ван И	График контактов на высшем и высоком уровнях в 2021 году, актуальные вопросы международной повестки.	Совместное противодействие общим для России и Китая вызовам и угрозам
14.01. 2021	Двусторонний (телефонный разговор)	Заместитель Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинин	Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй	Взаимодействие на площадке ООН	Плотная координация процесса взаимодействия